

Диана Хант

12+

**ВЕТЕР СЕВЕРА
в академии Морте**

Диана Хант

Ветер Севера в Академии Морте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68030663

SelfPub; 2022

Аннотация

Моя смерть – моя большая удача. Пожалуй, главная удача в жизни. Редкий магический дар перенёс меня в мир, где я – страж дракона. А что дракон мой – трусишка размером с белку, так это он ещё маленький. И не какому-то чванливому тёмному вставить у нас на пути, будь он хоть сто раз сын ректора. И ещё указывать мне в кого влюбляться, а в кого нет!

– Знаешь, что бывает с непослушными девочками в Лабиринте?

Тёмный в своём репертуаре. Бесшумный. Соблазнительный. Опасный.

– Я слышал одна светлая малышка так и не вернулась... до утра. – Продолжал этот пикапер недобитый.

– А ты поменьше уши развешивай. Не ровен час, отвалятся...

– Ну вот. Светленькая, а всё туда же. Не надоело врать самой себе?

– Попробуй только сделать это снова и...

- И – что?
- Узнаешь.
- Тогда зачем откладывать? Прямо сейчас и узнаю.
- С этими словами некромант меня поцеловал.

Содержание

Часть 1. Смех мертвых	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	37
Глава 5	48
Глава 6	58
Глава 7	66
Глава 8	87
Глава 9	99
Глава 10	111
Глава 11	139
Часть 2. Тиму Петтери	156
Глава 1	156
Глава 2	172
Глава 3	188
Глава 4	205
Глава 5	227

Диана Хант

Ветер Севера в Академии Морте

Часть 1. Смех мертвых

Глава 1

Он приблизился со спины. Бесшумно, как кошка. Горячие мужские ладони сжали плечи.

— Знаешь, что бывает с непослушными девочками тёмной ночью в страшном и опасном лабиринте?

Тёмный как он есть в своём репертуаре.

Уверенный. Соблазнительный. Опасный.

Сжав кулаки, я только и могла, что пытаться удержаться на пятом слое Хаоса и повторять про себя: ты сможешь! Ты выступишь!

Вот только в такой непосредственной близости от некроманта это оказалось ох как трудно.

— Я вот слышал, как одна светлая малышка вышла ночью из общежития и так и не вернулась... до утра. – Не унимался этот соблазнитель недобитый.

— А ты поменьше уши развешивай. Не ровен час, отвалятся. – Вежливый совет, разбавленный попыткой изобразить равнодушное недоумение. Отчаянной, надо сказать, попыткой... Жалкой даже, чтоб его.

А в ответ – насмешливое:

— Ну вот. Светленькая, а всё туда же. Не надоело врать самой себе?

Ну всё, Петтери, на этот раз нарвался! Потому что разозлился! Серьёзно...

— Только попробуй сделать это снова и...

— И – что? – чуть шершавые пальцы Тиму на моей щеке и голос мой предательски дрожит.

— Узнаешь!..

— Тогда зачем откладывать, правда? Прямо сейчас и узнаю. – С этими словами тёмный рывком развернул меня к себе и поцеловал.

Пространство поплыло. Ноги увязли в низшем слое Хаоса. Вскоре я уже по пояс барахталась в туманной каше, а вдали зазвучало бесстрастное пение гонга.

Не прошла!

— Ну, погоди, Петтери. – Прошипела я, прежде чем провалиться ниже. – Убью.

— Идёт. Только если поцелуешь снова. – Издевательски подмигнув, некромант исчез.

...всего за двенадцать часов до этого...

Я бойко вышагивала по разноцветной плитке к зданию

Департамента Магии в моём новом мире. Оставалось поставить последнюю печать – и можно смело бежать на дирижабль до академического городка.

— Дракон! Дракон! – несло со всех сторон.

— Настоящий дракон...

— Где? Где?

— Да вот же, у девушки! Смотри! Да не туда! Вот же она!

— Ей-богине, дракон... Дракон!!!

— А я тебе о чём? Наше почтение, госпожа магиня.

Стремящимся поглазеть на редчайшую магическую диковинку и вообще достояние всея Ракастава'Аите, – так этот мир на местном обзывается, – я старалась отвечать вежливой, а не испуганной улыбкой и прямой спиной. Не привыкла как-то к такому водопаду внимания. Потому и приходилось все силы направлять на преодоление неловкости. Дабы не споткнуться, запутавшись в непривычно длинной юбке и не растянуться у всех на виду.

К тому же дракон у меня и вправду имелся. Маленький. Размером с белку.

Дракоша по имени Ломтик смирно сидел в конусной клетке, которую я прижимала к груди. Преданно моргал глазками-бусинками, заглядывая мне в лицо и изо всех сил пытался унять дрожь в лапках. Словом, всем своим видом старался не выдать, что ему куда страшнее, чем мне.

С Ломтика всё и закрутилось.

Начиная с мира, где часть души каждого мага воплощает-

ся в виде магического спутника и заканчивая направлением в самую престижную академию магии на континенте – Лицей Леди Морвейн.

Стражам драконов, как доверительно сообщил министр в Департаменте, не смеет отказать во внеочередном месте ни одна из академий Конфедерации...

Прежде чем поднять на меня глаза секретарь министра, который ещё два часа назад был сама любезность долго и мурно перебирал какие-то бумажки, кашлял в кулак и нервно барабанил пальцами по столу.

Моим вниманием завладел один листок. Его мой визави будто не хотел замечать. Читать вверх ногами по-местному мне ещё привыкнуть надо. Но своё новое имя разобрала сразу. Зря я что ли битый час красиво его писать училась, пока в Департаменте документы оформляли.

Туули Севèри, пятый уровень Хаоса. Светоч.

Соул – Дракон.

Разновидность – {предположительно!} – Ялохикаарме: Ледяной Дракон, Дыхание Севера.

Далее шли какие-то символы, даже вверх тормашками в глаза бросалась размытость текста. И поверх мигала надпись крупными буквами:

!!!ЗАСЕКРЕЧЕНО!!!

Заметив мой взгляд, секретарь поспешно перевернул бумагу.

В печати на ней точно присутствовала заглавная «М»,

остальное я не разобрала.

— Ну вот что, госпожа Севèри. – Мужчина тоскливо обвёл глазами приёмную и вновь посмотрел на меня. На этот раз задумчиво. Будто решал в уме сложную арифметическую задачу. Прежде чем ошарашить:

— Места в Лицее Леди Морвейн кончились.

Я даже не успела выдохнуть возмущённое «Как такое возможно?!» – как секретарь заговорил снова, причём скороговоркой.

Будто боялся, что перебыю.

— К моему величайшему сожалению, такое случается. Сплошь и рядом! Но учитывая обстоятельства, – благоговейный кивок на дракошу, – нашлось-таки одно вакантное место! Вы не поверите, где!

— Я постараюсь. – Пообещала я настороженно.

— В Академии Морте! – Просиял мужчина и выжидающе замер, наблюдая за моей реакцией. Реакции не было – ни плохой, ни хорошей. И потому секретарь продолжил: – Да-да, в *той самой* Морте! Понимаю ваш восторг!.. – доверительно и громко прошептал он, подмигивая не спешащей восторгаться мне. – Правда, есть нюанс. Нет, вы не волнуйтесь, Морте по престижности и уровню преподавания во все не уступает Леди Морвейн. А где-то даже и превосходит, уверяю вас!

— А что за нюанс? – Осторожно уточнила я.

Как-то напрягала такая резкая смена рекламной концеп-

ции.

— Чтобы поступить в Морте, вы должны умереть! – И вот секретарь снова – само радушие!

— Вы шутите, я надеюсь?! – искренне возмутилась я. – Мне как бы одного раза хватило. Перед тем, как сюда попала. До сих пор не осмыслю, спасибо, что побеспокоились. И теперь снова? Нет уж, можете все свои советы... словом, спасибо.

— Да не навсегда. – Замахал руками мужчина. – Придёт же такая дикость в голову!

Я растерянно заморгала.

— А... как?

— Очнётесь в мире духов... Говорят, во Фьордах он особенно прекрасен! Ах, нейтири... Фьорды в это время года – настоящее украшение вашего нового мира, да и не только в это... Эх! Завидую я вам! По белому завидую! Мы с супругой, Йоханом, Михой и маленькой Ниирике ездили в герцогство Семи Фьордов прошлой весной и, если бы малышка Нирике не убежала от Михи с Йенечкой и не напихала полный нос пуговиц, поездку можно было бы считать безупречной! Ну, снорхи ещё пошаливали да йети по ночам шумели... мелочь! А так – благодатнейший край, чтоб мне в Хаосе заблудиться!..

Ломтик подумал и фыркнул гарью, выражая наше с ним общее мнение по поводу сей внезапно прорезавшейся чудесной возможности. По-другому дракоша, к сожалению,

пока не научился. Метил малыш, конечно, в противного дядьку напротив, а кашлять пришлось тому, кто оказался ближе.

То есть мне.

Перехватив мой хмурый взгляд, секретарь с неохотой вернулся к начальному руслу беседы:

— Очнётесь, говорю, в мире духов, потолкуете с Привратником, затем отыщете своё тело – и вы приняты! Всего делов!

— Всего – делов?!

Мужчина развёл руками.

— Что поделать, такова процедура поступления в Морте. Вообще некроманты, конечно, тренируются в Хаосе с детства... Но вы-то уже умирали, госпожа Севèри. Осознанно. С полным сохранением памяти! Так что подобная мелочь, как заглянуть ещё разок в Хаос вас не затруднит... Скоро сами будете умирать по несколько раз на дню! Как по расписанию! Вот увидите! В Хаос быстро втягиваешься...

Я даже поперхнулась от подобных перспектив.

Мужчина хотел заботливо похлопать меня по спине, но тут уж Ломтик заверещал так, будто его режут.

То есть *запищал*.

А вынести писк новорожденного дракона под силу далеко не каждому.

Поелику пищат сверхценные магические достояния на каком-то диком ультразвуке, к тому же на особо остро ощуща-

емых магических вибрациях. Природа специально постаралась. Чтобы драконят от потенциальных опасностей уберечь. В принципе, та же логика, что и с детёнышами любого другого вида.

Утомлённый долгим сидением в клетке – я тоже не в восторге, но что поделать, таковы предписания Департамента – Ломтик вопил возмущённо, художественно и самозабвенно.

Не писк, поэма.

Одним словом, та ещё гадость.

Так что меня не стоит строго судить за то, что раздражённо замахала на секретаря министра обеими руками.

— А вас не смущает, что в своём мире я училась на микробиолога и леди Морвейн обещала место на факультете Зельеварения? – выдвинула я последний аргумент.

— Варения... – задумчиво пробормотал мужчина и вновь забарабанил пальцами по столу. – Ах да, нужно же посвятить вас в... мм... нюанс...

— А так вы не посвятили ещё?!

На меня посмотрели так, словно я сразу с нескольких лун Ракастава Аите свалилась. А затем назидательно подняли палец и торжественно прокашлялись.

— Вам, моя дорогая нейтири предстоит практиковаться в паре с опытным некромантом. Адептом пятого курса. Вам очень, просто невероятно повезло, поверьте!

Вот только чем радужнее становились перспективы, изрыгаемые этим внезапным фанатом некромантии, кои сулило

мне поступление в местный оплот госпожи Морте, тем меньше в них верилось.

— Нет, можете, конечно, подождать другого места. — Протянул мужчина многозначительно. — Вот только ждать-то придётся в межмире. Виза у вас учебная, сами понимаете... А там магии нет.

И выразительный зырк на Ломтика.

— Ну уж нет. — Покачала я головой. С Ломтиком мы неразделимы. — Где нужно подписать?

Глава 2

Стойкое ощущение дежавю.

Толпа. Внимание. «У неё дракон!»

Именно в таком порядке обрушилась на меня Морте, стоило выйти из башни наверху которой остался кабинет ректора и оказаться во внутреннем дворе академии.

Магов среди людей в столице было куда меньше, и всё равно магические питомцы на улицах очень в глаза бросались.

Здесь же, среди адептов Морте *не*-магов не было... Со всем.

Их одарённость мгновенно считывалась из осанки, поворота головы, неуловимого выражения холёных породистых лиц. Такую уверенность в себе не подделаешь. Мне объяснили, что маги здесь чаще всего рождаются среди аристократии. Словом, мои новые однокашники – во всех смыслах сильные мира сего.

— А некроманты и среди магов элита! – ещё час назад дребезжал в лучших традициях Коровьева-Фагота секретарь министра прощаясь со мной с нескрываемым облегчением...

Рассматривала меня местная элита куда более пристально и уж точно куда более заинтересованно, чем люд на площади. Там-то были случайные прохожие. Здесь – будущие однокурсники, к тому же сплошь сильные маги.

Кстати, о магах. В глазах так и мельтешило от их магических спутников, соулов. Особенно от мелкоты. Те, что покрупнее – какие-то невообразимые лисы с несколькими хвостами, пумы, гориллоиды, рогатые волки не подступались, тарасили глаза издалека, а вот мелочь буквально атаковала, бросившись наперерез – под ноги, под руги, чуть ли не на голову!

Дело в том, что маг может смотреть глазами своего соула, что бывает очень удобно. Мы с Ломтиком тоже пытались, но у нас пока ни разу не вышло...

Вот те соулы, что помельче и рассматривали меня чуть ли не вплотную. Розовые зайки, зелёные белки, голубые ёжики... Воздух вокруг так и кишел бабочками, стрекозами, нетопырями и многими другими крылатыми чумдиками. Также жутко разноцветными.

И весь этот «дисней» кто бы мог подумать, в главном оплоте самой brutальной из магий!

Сходство с детскими фильмами было и в том, что соулы прыгали и кружили окрест, но при этом дистанцию незримо держали, будто вокруг меня был прозрачный купол.

Я рассеянно улыбнулась малышам – мне было неважно кто смотрит их глазами. Вся эта разноцветная мелочь была такой милой и забавной, ни на что прежде виденное решительно непохожей... и так слаженно все эти чумдрики двигались, что у меня само собой возникло ощущение нереальности происходящего, будто в сказку попала.

И тут же выяснилось, что к тому, что мой новый дом похож на сказку, которая кишмя кишит крылатыми петами мне ещё только предстоит привыкнуть...

Так что пусть спасибо скажут, что не приседала каждый раз, прикрывая руками голову, когда над макушкой очередной соул пролетал!

Потому что в общем-то это нормальная реакция, когда тебе прямо на голову филины пикируют!

Этот филин был слишком наглым и слишком уж он выделялся из стаи разноцветных и разномастных соулов. Хотя бы тем, что был он обычным. И подлетел близко-близко, обнаглел сверх всякой меры... Но о наглости я уже говорила.

В общем, я не выдержала, дёрнулась. Отшатнулась.

Чем мгновенно уронила себя в глазах потенциальных одноклассников. Очень уж отчётливо (и неприятно, чего уж) в их ухмылочках падение моего реноме прочиталось.

— В Морте уважают силу, – сочувственно предупредила на прощание сама леди Морвейн, лично прибыв из Лицея, чтобы пожелать мне удачи, которая «В Морте ой, как понадобится!» и создавая для меня портал в кабинет ректора. – Не дай этим заносчивым тёмным засранцам себя запугать!

Вот только то обстоятельство, что кругом не просто магическая элита, а сплошь тёмные уверенности ни мне, ни Ломтику не добавляло.

Я потёрла переносицу – пресловутый «третий глаз» вдруг зачесался. Так было, когда меня сканировали в Департамен-

те. Там же и просветили, что личные считывания запрещены. Маг я, конечно, без году неделя, но направление энергетического удара отследить смогла и гневно обернулась в ту сторону!

Чтобы тут же столкнуться с ним взглядом.

Он стоял среди толпы и был в то же время отдельно от неё. Не знаю, как объяснить. Очень уж выделялся. Я, правда, как ни думала потом, не могла понять, почему так. С виду обычный парень. Ну, красивый... Пожалуй, красивее многих... Но хоть я здесь и недавно, успела заметить, что среди магов этого мира и не такие экземпляры встречаются. Ну, брюнет, глаза карие... Словом, это просто совпадение, что мне, в общем-то всегда такой типаж нравился...

И тёмный этот понравился. С первого же взгляда.

Может, потому что смотрел на меня по-особенному.

Удивление, теплота, нежность – словом всё то, что некроманту в принципе не свойственно – так и сочились из его глаз. Но удивления, пожалуй, было больше всего. Макушку защекотало – наглец-филин, который всё никак не мог угомониться, крылом задел. А когда я снова попыталась отыскать некроманта взглядом, того на месте уже не было.

Я даже вздохнула разочарованно. И чего он так быстро смылся-то? Ведь я – такое любая девчонка в первые же секунды считывает – ему понравилась. Но, с другой стороны, если так – сам меня и найдёт. Хоть бы даже по Ломтику... Я подняла взгляд с дракоши на других соулов и тут же вы-

яснилось, что никуда тот некромант не делся. Наоборот... приблизился за это время и весьма ощутимо...

Он пробирался сквозь толпу.

Ко мне.

С таким видом, будто мы знакомы.

И с каждой секундой лицо его, такое особенное поначалу, становилось как у всех вокруг. Властным. Суровым. Надменным.

Но ему шло.

В его случае это казалось правильным каким-то, что ли. Органичным. А ещё глаза его стремительно, прямо на ходу цвет меняли. Из карего – в глубокий пурпур. В принципе, тоже ничего так...

Теперь я отчётливо видела, что передо мной тёмный.

Мои же глаза после Пробуждения зазеленели. Мне объяснили, что это из-за близкого контакта с Хаосом.

— Ты не подходишь. – Именно этой гостеприимной фразой меня встретила Морте.

И произнесена она была тем самым, «правильным» тёмным. Голос у него оказался низкий и глубокий. Словом, всё против меня. Потому что, несмотря на сказанное... вот не сойти мне с этого места, приятный у него оказался голос.

— Что? – Глупо переспросила не успевшая собрать мозги в кучу я.

— Забирай документы. – Это было похоже на оплеуху. На ушат ледяной воды, который кто-то выливает тебе на голову.

Смотрит в глаза при этом и... – Сейчас же!

Судя по ухмылкам переглядывающихся с многозначительным видом тёмных, странно было не только ошеломлённой и ничего решительно не соображающей мне.

— Уходи. – Процедил некромант, склоняясь к самому моему лицу. – Или пожалеешь. Убирайся к тьме!

Вдох и спокойный выдох. И вот я уже пришла в себя. Почти.

— И тебе всего светлого. – И моя фирменная улыбочка, которой выучилась ещё на первом курсе, когда Поинка уболтала-таки в пиццерии вместе работать. Долго репетировала перед зеркалом, но оно того стоит. – А теперь пройди дай.

И снова улыбочка. Жалко, что ли? Тем более для такого нестандартного тёмного.

Я сделала шаг в сторону – и этот шагнул, зеркала меня. Повторила движение – и он повторил за мной.

Я закусила губу от злости.

Как же нехстати, ты, дорогой, прицепился!

Под десятками перекрёстных взглядов и ухмылок я чувствовала себя откровенно глупо и это очень, просто в крайней степени, разозлило.

Я тут, на минуточку, умирать иду!

Вступительный ваш поганый сдавать!

Мне в такой волнительный момент как бы о высоком думать положено. На чудо уповать, опять же. С ума сходить от

беспокойства. Мало ли у умирающего дел, в конце концов!

Так что мог бы быть повежливее.

— Отвали. – Процедила я уже зло.

— Башня ректора за твоей спиной. – Невозмутимо ответили мне.

Цепкие мужские пальцы вдруг сомкнулись на моём плече.

И вот это уже совсем ни в какие рамки!

Попыталась высвободиться – меня рывком притянули к себе. Самое обидное – это далось некроманту легко. Просто побоялась клетку с Ломтиком выронить и потому инстинктивно качнулась навстречу. Ноздри защекотал смолисто-дымчатый горьковатый запах. А я вынуждена была отметить, что тот самый «заносчивый засранец», о которых предупреждала леди Морвейн, вблизи оказался... проо-осто крышесносным.

— Ты что себе позволяешь?! Пусти сейчас же!

Сжав моё плечо сильнее, брюнет повторил:

— Забирай документы.

— А то что?

На меня посмотрели с недоумением. Даже с сожалением каким-то, как на слабоумную. Мол, понятия не имеешь, девочка, куда лезешь.

— Одно моё слово – и твоя жизнь здесь превратится в ад, светленькая. – Самым красноречивым образом подтвердил этот псих мои догадки.

Вот только я сюда не просилась. Более того. На столе у

ректора осталось лежать подписанное мной заявление-ходатайство о переводе в Леди Морвейн – разумеется, как только там образуется вакантное место.

Мне эта их смерть по прибытию, без которой в Морте не зачислят, нужна как зайцу стоп-сигнал! И всё же ничего не поделаешь: я в любом случае обязана сдать Вступительный экзамен, мать его за ногу!

— Бюрократия, – только и развёл руками ректор.

Чтоб её.

Вот только возмнившему о себе невесть что тёмному знать, что я тут ненадолго, необязательно. Потому что реально взбесил. Таким с виду нормальным парнем показался, а потом взял и ни с того ни с сего налетел коршуном. Псих.

— А отдача не замучает? – вспомнила я, как принято было отвечать на подобные наезды в средней школе.

Тёмный иронично дёрнул уголок рта.

— Ты мне угрожаешь, светوشка? *

/*Светоша – уменьшительно-ласкательное

(или уничижительное – от контекста зависит)

обращение тёмных магов Ракастава'Аите к светлым.

Кстати, Ракастава'Аите переводится как Любящая Мать.

прим.авт./

— Было бы чему там угрожать. – Буркнула я.

Соврала, конечно. Потому что чему – ещё как было. Вполне себе образчик мужской привлекательности вкупе с «необъяснимым обаянием тёмных», о котором скороговор-

кой предупредила Леди Морвейн. Последнее в данном представителе местных магических элит присутствовало особенно. Причём довольно ощутимо!

— Смотри, светленькая, одумаешься ведь... А поздно будет.

Взгляд некроманта из недоумённо-властного стал демонстративно-циничным. Огладив мигом вспыхнувшие щёки и губы, он вдруг скользнул в скромный вырез пиджака и на этом не остановился... ниже направился.

На губах брюнетистого красавца змеилась ухмылка.

А у меня возникло двойственное чувство. С одной стороны, прибить его захотелось. Вот прямо по макушке тукнуть чем потяжелее. А с другой... почему-то казалось, что он нарочно этот злой спектакль разыгрывает. И есть в этой его злости некий надрыв. Просто такое ощущение было, что некромант переигрывает.

«Переигрывает, как же. – Вмешалось Ехидство. – Из серии – это он только с виду – злой и кусается, а на самом деле белый и пушистый зайка».

«Стоп. – Втесалась во внутренний диалог Неистребимая Вера в лучшее. – А что мы имеем против добрых, которые по какой-то таинственной причине вынуждены прикидываться злыми?»

«Окститесь, обе! – Вклинилась Рассудительность. – Если верить современному кинематографу – такие вот злые зайки – любимый девичий типаж. И мы, девчули, увы, не исключе-

ние. Так что не расслабляемся».

Руку свою я, наконец, вырвала и в грудь некроманта со всей силы пихнула. Хорошо ещё, сама на ногах устояла...

Но дистанцию мы с Ломтиком отвоевали.

— Пройти дай! – повторила я, закрепляя успех.

Громко закрепляя.

Чтобы первые ряды слышали и другим передали.

К тому же чем дальше – тем больше меня трясло перед Вступительным.

Слишком свежи ещё были воспоминания о том непредвиденном случае, что в итоге обернулся Ломтиком и попаданием в этот мир.

— Ты пожалеешь. – Прощедали мне в спину.

Я ответила некроманту не оборачиваясь. Так, чтобы не только он слышал.

— Жалею, что ты первый, с кем я здесь заговорила.

Глава 3

**«ЛИШЬ СВОБОДНЫЕ ОТ ПЛОТИ И ЧИСТЫЕ ДУХОМ
ПРОЙДУТ ЛАБИРИНТ...
...невредимыми»**

Последнее было выбито на золочёной, висящей прямо в воздухе табличке мелким шрифтом. И, что логично, сходу наталкивало на нехорошие подозрения.

— Жизнеутверждающе, ничего не скажешь. – Пробурчала я, в задумчивости вертя головой и разглядывая танцующие двери.

Что примечательно – сперва дверь была одна. Но стоило мне приблизиться, как она раздвоилась, и я застыла в замешательстве. Двери же продолжали множиться. Выстраивались они вокруг меня, прямо в воздухе, и с виду казались совершенно материальными.

— Проходи, девочка. Не задерживай. – Вошедший следом шуплый носатый мужчина в мантии рассеянно похлопал меня по плечу. – Ты к кому?

Я пожалала плечами, замешкавшись. В смысле – к кому? Мне прямым текстом сказали хватать свободного Привратника за жабы (ещё были варианты припереть к стенке, вывести на чистую воду, сорвать маску и прочее в подобном мятежном духе) и возвращаться подобру-поздорову. Потому

что у кого-то в комиссии, я так и не поняла, у кого именно, племянница родила тройню. Как это знаменательное событие связано с моим вступительным, я решила не выяснять.

— Ты главное посмелее с ним. – Посоветовал председатель комиссии – внушительных размеров кентавр с окладистой белой бородой. – Требуй дорогу к телу и не отставай, пока не укажет, куда идти!

— Эти призраки совсем распоясались. – Развела руками маленькая бородатая дама в круглых очках и, дуя щёки, отпила из исходящей паром чашечки. – Стоит дослужиться до Привратника, как сразу начинают носы драть.

— Даже здороваться перестают, представляешь? – пропела русалка с длинными зелёными волосами, глядя в круглое зеркальце.

— Ну, нейтири, в добрый путь.

— Одна нога здесь – и другую тоже скорее тащи сюда из Хаоса...

...И вот стою в итоге перед дверным карнавалом, глазами хлопаю. В толк не возьму, где взять-то того этого, которого хватать.

— У меня Вступительный. – Ответила я мужчине и, не встретив реакции, зачем-то посчитала нужным пояснить: – Экзамен. Мне умереть надо. Ненадолго. Буквально на пять минуточек.

— А, ну так что же ты. – Уважительно покивал собеседник. – Умирать – это в любую.

— Скажите, а Привратник...

Но внезапный собеседник больше не обращал на меня внимания. Выудив из мантии тряпочку, он принялся насвистывать под нос и полировать таблички на пляшущих дверях.

— Ещё не поздно передумать, Севèри. – Раздалось из-за спины.

Я так и подскочила.

Наглый брюнет каким-то чудом умудрился пройти под носом у приёмной комиссии следом за мной! Правда, был он на этот раз без филина.

— Только тебя здесь не хватало! – возмутилась я. – Ну кто вообще пустил?!

— Кто надо – тот и пустил. – Отрезал тёмный и сложил руки на груди. – Что, светленькая, ссыкотно? Дальше ещё страшнее будет.

— Да пошёл ты! – Я даже опешила от подобного хамства.

— Сама пошла. Дорогу подсказать? А я ведь обещал, что пожалеешь.

— Стоп, дети. – Вдруг проникся интересом к происходящему носатый. Обернувшись, он смерил меня задумчивым взглядом. – Как-как ты, Тим, сказал – Севèри?! Угум. Значит, ты и есть та самая нейтири Севери? Туули, Дракон Севера? Ну, рад знакомству!

И... снова вернулся к протиранию табличек.

— Мне сказали, что здесь получу инструктаж... – проце-

дила я сквозь зубы, сжимая кулаки.

Вынужденная разлука с Ломтиком, которого пришлось оставить в Приёмной, нервировала.

Близость нахального некроманта тревожила, да и просто раздражала.

Странное поведение собеседника в мантии сбивало с толку.

Они специально, что ли?

Ведь помереть не дадут спокойно!

— А что непонятного? – удивился мужчина.

— Да где ж вас таких светлых дур делают! – зло выдохнул тёмный. – Захудалого призрака отличить не можешь. И туда же – в Хаос... Ну куда тебе в Хаос, Севèри?!

Он хотел ещё что-то добавить, но мужчина в мантии вдруг развернулся. Настолько резким движением, что его не успел зафиксировать глаз.

— Нейтири Туули права, Тиму Петтери. Вас здесь быть не должно. И я попросил бы насчёт захудалого. Ну свинство ведь.

— Отвали, Бонсайми! – зло выдохнул некромант. – Можно подумать, это тебе с этой светошей в Хаосе мудохаться!

— Ну так не за интерес, правда ведь? – осклабился мужчина, оказавшийся призраком Бонсайми.

— Да что ты понимаешь! – вызверился некромант. – Привратник долбанный!.. Ты только глянь на эту здыхоту!.. Видать вся душа на дракона ушла!.. Ждут её в Хаосе, как же!

А я решила, что с меня хватит.

Как говорится – перед смертью не надышишься, ещё и ругань этих двоих слушать... К тому же стыдно было, что призрака пока некромант не сказал, не отличила. Знаю, это из-за того, что Ломтик в Приёмной остался, моя магия пока только-только пробуждается, но... может, и правда, куда я лезу...

Вот только отступить-то мне некуда. От слова совсем.

Быстро распахнув ближайшую дверь, я шагнула в Хаос.

Ощущение бестелесности поглотило сразу. Было оно таким знакомым, чуть ли не родным и.. восхитительным, да.

В прошлый раз было иначе.

Меня поймали ловцом душ. Точнее, выловили из лесного озера, из-под льда.

Я тогда провалилась... По всем пунктам...

Кажется, это Эпикур когда-то сказал: «Не бойся смерти: пока ты жив – её нет, когда она придёт, тебя не будет».

Подтверждаю, потому что теперь как раз могу: меня *там* не было.

Я появилась внезапно, перед собственным мысленным взором...

Сперва только лицо проступило из темноты, будто выхваченное лучом света. С застывшими глазами и приоткрытыми губами, из которых тянулась светящаяся голубая струйка.

А затем и всё остальное.

Тянущиеся к тусклому свету руки... силуэт... ививающи-

еся будто водоросли волосы... они почему-то стремительно теряют цвет, становясь из тёмно-каштановых – белоснежными...

А затем глаза мои вдруг ожили, я протянула себе на встречу руки и... мир совершил кувырок!

...Я вновь оказалась в собственном теле, пронзаемым мириадами ледяных игл. Но ни боли, ни паники больше не было. Чувства притупились, будто тронутые морозом и воздух перестал быть таким уж необходимым...

Синими, утратившими чувствительность пальцами я прижимала к себе крохотного голубого дракончика!

Малыш часто моргал и доверчиво льнул ко мне! Путался в шарфе, облизывал лицо и пищал, пищал... его отчаянный писк упорно пробивал ледяную толщу воды, и я из последних сил пыталась удержать кроху в немеющих руках.

И вдруг услышала *Их*.

Правильнее сказать – *Голоса*. Вот только голоса не в привычном смысле. Вспышки света, вибрации, волны... чёрте что, в общем, но я понимала! Каждое слово-вспышку.

И это было ошеломительно!

— *Дракон!..*

— *Ледяной Дракон!..*

— *Ялохикаарме?!..*

— *Чтоб меня! Он самый!!!*

— *Все сюда!!!*

— *Ловец наизготовку!!!*

— *Не упустите его!!!*

Дракон? Кажется, говорят о каком-то драконе... Сознание было вялым, заторможенным, но даже притуплённым умом я сообразила: *Они* – кем бы *Они* ни были! – хотят забрать дракончика!

Нет!!

Не позволю!!!

Воды вдруг не стало. Вместо замёрзшего озера я барахта-лась в какой-то туманной каше, изо всех сил стараясь уйти от навязчивых *Голосов*, позарившихся на моего Ломтика!

Именно так – имя дракоши возникло само собой, будто кто-то шепнул на ухо...

— *Она ушла в Хаос. Первый уровень.*

— *Любопытно.*

— *Ещё бы. Она ж ещё и Слышит.*

— *Она не должна Слышать.*

— *И тем не менее, она Слышит.*

Нежелание расставаться с Ломтиком гнало меня прочь. Лучше в этот туман, во тьму, в кашу... куда угодно, но дракошу я не отдам!

Он – мой!!

Он мне нужен!!!

Вот только чем глубже проваливалась я в темноту, тем громче и отчётливее становились преследующие меня *Голоса*. А затем и тьма перестала быть собой, уступая место свету.

— *Второй уровень.*

— *Уже третий...*

— *Она видит...*

— *Не может быть!..*

— *Может...*

— *Она Светоч...*

— *Она снова уходит...*

— *На пятый уровень?!*

— *Невероятно!..*

Я не сразу поняла, что падение вдруг сменилось полётом. Даже взлётом! Юху! Мы с Ломтиком оказались в странном, ни на что непохожем месте, среди танцующих звёзд... И существа, которые меня окружили тоже были ни на что не похожи – светящиеся, мерцающие, со странными крыльями. Однако мне было не до них.

Я прижимала к себе крохотное тельце. Крыло страхом и даже ужасом: отнимут. Охваченная паникой, я не сразу поняла, что танцующие вокруг звёзды – не что иное, как сеть. Стало быть, это и есть их Ловец...

— *Кто вы?! Не приближайтесь! Не смейте!*

— *Она потеряла часть души...*

— *Обратно ей не вернуться...*

— *Но она Светоч...*

— *И Дракон...*

— *Она Важна...*

— *Кто вы?!* – крикнула я снова, не ожидая, впрочем, что получу ответ.

И всё же мне ответили.

— Ангелы. Сознания. Посланники.

— Вы давали нам много имён.

— Выбирай любое.

— Я... мы теперь останемся с вами?.. Так себе перспектива, если чест...

— Нет. Тебе слишком рано сюда.

— Ты не прошла свой путь среди смертных.

— И куда их?..

— В Ракастава'Аите... От них давно висит заявка на дракона...

Я не успела отреагировать – ни возразить, ни поблагодарить.

Просто открыла глаза и часто заморгала, когда увидела склонившихся надо мной существ. Не все «встречающие» оказались людьми.

Ломтик запищал, завозился на груди и принялся тыкаться носом мне в шею. Я облегчённо выдохнула: малыш со мной.

Никому не отдам.

— Добро пожаловать, нейтири. Как ваше имя?

— Что?..

— Как тебя зовут, девочка?

— Уль...яна... Уля. Северная.

— Такого имени у нас нет. – Обрадовали меня. – Запишем тебя, как Туули Севèри. Светоч с Пятым уровнем Хаоса и Драконом-Соулом. Феноменально!

И они заговорили все разом.

Голова закружилась. Новая информация давалась неимоверным трудом. Я поняла только, что я – маг, причём с каким-то редким даром. И моему новому миру, в который меня распределили высшие силы, нужны такие как я. Как мы с Ломтиком.

Я уже почти провалилась в сон, но всё же заставила себя выдохнуть:

— Не трогайте... его...

— Что ты, что ты! Никто не покусится на чужого Соула. Ваша связь священна, нейтири.

— Ней... Что?

— Спи, девочка. Набирайся сил. Скоро они тебе понадобятся...

...Время в Хаосе замедляется, будто с размаху налетает на невидимую стену. А потом будто распадается во все стороны сразу, создавая обманчивую и опасную иллюзию Вечности.

Пространство в Хаосе распадается на Слои и первый, самый примитивный его уровень – Сумрак. Мир Духов, или, как говорят в Морте, странников.

Этот уровень серый, «ненастоящий», зыбкий. Будто невидимый великан выпил из привычного мира все краски, вместе с самой его сутью: Жизнью. Неверные тени скользят по этой шаткой серости... Трепещут, дрейфуют, сплетаются

хвостами, перетекают одна в другую. Не поймёшь, кто живой, то есть прямо сейчас, в эту самую секунду находится в мире живых и не подозревает о твоём присутствии рядом, а кто, как и ты, путешественник по Хаосу...

Не все странники здесь дружелюбны. Не все они люди. Не все существа проникли в Хаос из мира живых. Случаются и те, кто просочился из низших слоёв подпространства. Их задача – получить твою энергию. Твоя – удержать и сохранить то небольшое, что доступно на этом незамысловатом уровне...

Плюсы – здесь нельзя умереть второй раз. И потому можно сигать с любой высоты, что я с удовольствием и проделала. Первым делом. Ух! Как же здорово здесь прыгать, зависая в воздухе!

Минус – дух быстро изнашивается, теряет силы. И оставленному где-то на площадке телу разделение не на пользу. Поэтому мешкать нельзя. Забудешься, утратишь связь с реальным миром – и остаешься здесь бесплотной тенью. Навечно.

А потому пора заканчивать изображать кузнечика и немного осмотреться...

В принципе, можно считать, что повезло. Хаос выбросил меня неподалёку от Морте – самогò монументального здания с такого расстояния не различить, но вот маяк со статуей Триединой увидела почти сразу и потому попрыгала в его сторону. Конечно, здесь можно и ходить, и бегать, и гу-

сеничкой ползать, но скакать-то прикольнее!

Каждый рывок вверх – как маленький полёт!

Восхитительный и просто невероятный!

Ощущаешь себя пушинкой и это так здорово!

Дорогу преградил фьорд – узкий и извилистый, как и положено фьорду, жалко только, что вода внизу – бесцветная, серая. Я любовалась сегодня фьордами из башни ректора...

Что могу сказать: впечатляют. Даже в Сумраке!

— Была не была!

С этой мудрой фразой я сиганула со скалы прямо в серые воды!

— Юхуу!! Разбежавшись, прыгну со скалы-ы! – отчаянно фальшивя, прогорланила я слова известной песни. – Вот я был – и вот меня не стало... Ай!!

К такому, пожалуй, жизнь меня не готовила...

Нырка не вышло. Плюха тоже. Даже, пожалуй, пятки о воду отбила. Чуть-чуть, но всё же... Эх, не ходить мне сквозь стены. Нет пока сноровки...

Я резво порысила по воде, а затем принялась прыжками взбираться на гору. Несмотря на близкую к эйфорической лёгкость задерживаться здесь ой как не стоит... А ведь мне ещё Привратника за жабры брать да тело разыскивать...

К тому же тёмный, Петтери, кажется... Тиму... да что ж такое, ему и имя кипец подходит!.. где-то поодаль ошивается. Не хотелось бы с этим психованным в Хаосе пересечься. Поединки между адептами здесь строго запрещены, но что-

то мне подсказывает, плевал этот, как здесь принято говорить, нуори Тиму Петтери на все запреты с высокой скалы... прямо во фьорд.

Чем же я успела так его разозлить-то?

Глава 4

Давешний знакомый, природу которого к своему стыду и позору не распознала на проходной площадке, поджидал у статуи. Вот только выглядел Привратник куда менее галантно. И куда только делись subtilность, мантия, очки?

Надо мной возвышался обнажённый по пояс детина в три человеческих роста с непропорционально широкими плечами и мощной грудной клеткой. Так в сказках изображают джинов. Сходство с джином добавляли ещё полупрозрачные, растворяющиеся книзу ноги из-под легкомысленной набедренной повязки и широкие металлические браслеты на руках.

Его громогласный хохот при моём появлении оказался осязаемым – меня даже на несколько шагов назад отбросило.

— Прискакала, козочка? – прищурился Бонсайми, отсмеявшись и одобрительно почёсывая квадратный, сизый от щетины, подбородок. – Быстро ты. Ну да это только начало. По воде ходить понравилось?

О наглости и развязности Привратников меня предупредили. А кто предупреждён, тот вооружён. Пасовать, прогибаться – нельзя. А значит, у меня один путь. Только вперёд. Только напролом.

— А то. – Ухмыляюсь ему в ответ. – Сказала бы, что Морте не помешает второе пришествие, но ты не поймёшь. К то-

му же фиг знает, у вас ведь и первого не было. Наверное.

— Так расскажи. – Оскалил острые, будто спецом заточенные зубы Бонсайми. – Не дурак вроде, постараюсь вникнуть.

— Конечно, не дурак. Не дурак зубы мне тут заговаривать!

— А что, деточка, спешишь куда-то?

Вдох-выдох. Хоть воздуха здесь и нет, да и лёгкие остались где-то там, в далёкой реальности, но эмоции, на которые провоцирует коварный Привратник, настоящие! И они ну очень быстро выкачивают силы.

— Как пройти на площадку?!

Снова смех. Едкий. Иронический. Глумливый.

Догадался, что довёл-таки. Гадёныш такой.

— Могу сказать, козочка, вот только я бы на твоём месте туда не ходил.

— Ещё чего. – Возмутилась я. – Ну же! Дорогу! Отказать не имеешь права!

Подумав, прибавила к речи ещё кое-что. Ругательного характера. Как ни странно, отпустило...

— И не стыдно тебе, деточка, хамить Привратнику? – Расплылся в счастливейшей из улыбок Бонсайми.

Возвратив призраку улыбку, доверительно поведала:

— Я сделала в жизни столько постыдного, что это так, мелочь.

А что? Раз уж наглость наше всё...

— Ох, я бы тебя послушал! Прямо слушал бы и слушал, козочка, до того ты свеженькая, румяная, аппетитная... Прямо персик, а не дракошка!

— А ну перестань!

— А что так?

— Не придуривайся, ладно? Как будто сам не знаешь, что так...

Привратник развёл ручки в стороны и ослабился.

— Что, время поджимает, да? Эх, грехи наши тяжкие, эх, упущение...

Бонсайми театрално покачал лысой головой – я уже поняла, что здесь он по какой-то пока неведомой мне причине был полной противоположностью себе тому, «из реального мира», которого я и встретила на площадке – и принялся цокать зубом. Но при этом его маленькие глазки лукаво по-сверкивали, в их глубине так и плясали бесята и потому я ни на каплю не поверила в сочувствие Привратника.

— На площадку вернуться как?! – Забывшись, даже ногой топнула и меня планомерно подбросило на метр, что вновь несказанно рассмешило Бонсайми. – Ну?!

Нет, мне его что, теперь и в самом деле за жабры брать?!

Интересно, а где у призрака жабры?..

— Да что ты со своей площадкой заладила! Спрыгай-ка, козочка, по одному делу, одна нога там и вторая тоже там и я тебе не площадку покажу, а кое-что поинтереснее. Повязку на кон ставлю – ты оценишь, – призрак развязно подмигнул

и потерял край своей набедренной повязки.

Ещё и призрачным бедром повёл, будто вот-вот стриптиз исполнит!

Из груди вырвался нервный смешок. О склонности Привратников к гоу-гоу стилю меня не предупреждали. И вообще – на призраков-эксгибиционистов я не подписывалась!

— Аха, щас, бегу и падаю, волосы назад. – Фыркнула я. – На площадку дорогу покажи. И нафига мне твоя повязка.

— Вот ты упёртая коза! – Восхитился Бонсайми. – Но ты нравишься Бонсайми. Серьёзно, нравишься! Да не смотри ты василиском! Ладно-ладно, площадка, так площадка. Бонсайми будет считать, что твоя взяла.

И вновь глумливый хохот.

— Чёйта только считать? Взяла, взяла. – Решила я сохранить реноме нахалки до конца. – То-то же.

Наконец, я приняла в сложенные лодочкой ладони клочок тумана, который, кашлянув, принял очертания стрелки. Призрачной, еле заметной, но всё же это была победа.

— Не поблагодаришь даже, козочка? – пробасил Бонсайми и снова расхохотался. – Может, поцелуешь, а? Разочек.

— Перебьёшься. – Буркнула я через плечо и ускакала в заданном направлении.

Без помощи Привратника разыскать собственное тело – без шансов. Кроме того, запросто можно в Лабиринт угодить.

— Как чихнуть, – подтвердила давеча гнома из комиссии.

А это «развлечение», как я поняла, не для новичков...

Вход на площадку отыскался в два счёта. Даже обидно стало, что так быстро – ничего толком рассмотреть по дороге не успела.

Теперь стоит мне себя увидеть – оживу, восстану, как говорят здесь.

Воодушевившись стремительной материализацией стрелки Бонсайми, решила напоследок развлечь себя тем, чтоб ещё... попрыгать.

Всё-таки осваивание Хаоса – нудное и планомерное – мне ещё только предстоит. Сквозь стены ходить, летать учиться, нырять, опять же... с Уровня на Уровень сигать... В общем, непочатый край работы, как мне в Комиссии объяснили. Но вот эти вот «ух!», «ах!» и «ох!» – прямо здесь и сейчас – никто у меня не отнимет.

Кажется, Вступительный у меня в кармане.

Даже не ожидала, что так легко пройдёт!

Однако уже спустя минуту вынуждена была констатировать, кусая локти: я ошибалась.

Как же. Чудовищно. Я ошибалась.

Тела моего на площадке не было.

Обратно к коварному Бонсайми я не бежала – летела. Практически. Неслась, сломя голову. Подозреваю, поставила по дороге несколько мировых, или правильнее сказать, Хаосовых рекордов...

Что он имел ввиду, когда сказал, что на моём месте не ходил бы на площадку?!

— Эй! – заорала я издалека, стоило призрачному силу-эту забрезжить у подножия Триединой. – Бонсайми, маковку твою так и разэтак!! Что ты имел ввиду, когда сказал, что на моём месте не ходил бы туда? Ты знал, что меня на площадке нет? Знал, да?! А ну, признавайся сейчас же!

Запыхавшись – на самом деле это, конечно, не так, просто силы меня всё-таки покинули – я свалилась кулем к призрачным ногам Привратника. И – да, если бы ему сейчас станцевать приспичило, я б не возражала.

Потому что объективно пофиг.

А Привратник – да, он снова расхохотался. Да так, что мне в серую безжизненную траву изо всех сил вцепиться пришлось, потому что кататься у ног призрака кубарем – это уже выше моего понимания. И чувства собственного достоинства.

— А Бонсайми знал, что ты вернёшься, козочка! – осклабился Привратник, глядя на меня насмешливо. – Дошло, наконец, что с Бонсайми лучше дружить. Так что, спрыгаешь для старого друга по одному важному делу?

— Шутишь?! – неподдельно возмутилась я. – Да я же окочурюсь!..

— Будешь мямлить – точно окочуришься. – Со знающим видом подтвердил Бонсайми. – А так одна нога тут вторая...

— Да хватит уже пословицу моего мира коверкать! – взви-

лась я, потеряв всякое терпение.

От статуи Триединой тонкой струйкой шла подпитка силой и потому первое, что я сделала – это поднялась с колен. Далось это нелегко, но виду я старалась не подавать.

— Ты меня обманул! Должен был дорогу к телу указать, а сам...

— Да нет там твоего тела, забудь. – Беспечно махнул рукой Бонсайми. – спрятали его.

— Кто спрятал?! Где?!

— А эта информация уже за дополнительную плату. Что поделаешь, козочка, смерть – она такая. Чувство юмора у некромантов соответствующее. Не, ну можно по-другому, если хочешь. Сиськи покажешь?

— Что?! Да пошел ты! Я... Я ведь так до тела не дотяну!..

Идти на поводу у Привратника нельзя. Ни в коем случае нельзя. Строжайший запрет, табу, правило... Это понятно...

Только вот мне. Прямо сейчас. Что делать-то?

О том, что пока я тут скачу торпедой, кому-то там может прийти в голову моё тело спереть меня предупредить забыли.

— Да я-то что. Я пойду. – Не стал спорить призрак и, подмигнув, подлил масла в огонь: – А тебя в Привратницы определим. Ну что, коза, хочешь стать такой же красивой, как Бонсайми?

— Что ты хочешь? – мрачно поинтересовалась я. – Только быстро.

Решение, точнее, готовность пришла сама собой.

Эти статуи здесь спецом для нас, адептов понарасставлены. На крайний случай. Как у меня сейчас. Чтоб абитуриент на Вступительном и правда кони не двинул. Задержусь у Триединой – за мной придут, вытащат. И ещё утром, когда «горела» Лицеом Леди Морвейн, я бы, пожалуй, воспользовалась таким любезным лайфхаком. Но теперь меня, как говорится, «заело». Потому что выбесили!

Настолько «тёплого» приёма я от этой поганой Морте не ожидала.

А значит – чванливые тёмные сами нарвались!

Вот назло всем врагам поступлю!

Поступлю – и ещё и лучшей здесь стану!

К тому же... фьорды и в самом деле... восхитительны...

«Фьорды, ога. – Тут же подняло голову Ехидство. – Как же, как же... фьорды!»

«Заткнись!» – любезно попросила я Ехидство.

«Затыкаюсь-затыкаюсь. – Собеэьянничало Ехидство и всё же не удержавшись, фыркнуло напоследок: – Фьорды...»

— А вот это мне уже нравится, торопыга! – обрадовался моей решительности Бонсайми. – Давай-ка по-быстрому дуй на северо-восток кладбища, там три могилы треугольником расположены. Тебе колодец неподалёку нужен.

Я растерянно обернулась – и правда, за широченной спиной Бонсайми нестройными рядами высились серые могильные камни. Но кому пришло в голову рыть колодец на клад-

бище?!

— А это не тот колодец, о каком ты подумала, коза. — Ухмыльнулся Бонсайми, будто подсмотрев в мои мысли. — Там... *другой* колодец...

— Делать с ним с *другим* что? — хмуро поинтересовалась я, передразнив Привратника. — Ты ж не забывай: нырять я пока не могу.

Призрак отмахнулся.

— А и не надо. Там воды нет. Принесёшь мне одну вещь и — на свободу, с чистой совестью... — и Бонсайми пустился в пространственные разъяснения...

...Искомые три могилы обнаружались, когда я уже отчаялась их разыскать. Собственно, я и не нашла бы, если б не подошла вплотную и не наткнулась. Просто был этот «треугольник» чуть-чуть «призрачнее» всего остального. Потому что могилы свежие, поняла я, скользнув взглядом по приотптанной земле вокруг.

— Пых! — раздалось вдруг над головой. — Пых!

Инстинктивно отшатнулась. С раскидистой ветки упал клоч тумана с глазами и часто заморгал, подбираясь ближе.

Я мигом начертала в воздухе знак зеркала. Выглядит он как наша буква «С». Гнома из комиссии научила, чтобы «деточка какую энергетическую пиявку не подцепила».

И правда, только паразитов из Хаоса мне не хватало.

— Пыи-ых... — обиженно протянул туман и перекаати-полем покатился по земле.

Погрозив ему кулаком, я перевела взгляд на могилы.

Яска... Ясси... Яако...

Имена на плитах, конечно, ни о чём мне не говорили. Было немного жутко, но что ж теперь. Будем надеяться, что там не адепты...

Колодец нашёлся сразу. Что примечательно – не серый. Чёрный. А изнутри будто звёздной пылью наполненный... Вот только мне было не до любования красотами Хаоса. Еле по журавлю обратно, наверх, вскарабкалась.

— Вот. – Протянула я добытый перстень Бонсайми. – Подайсь, пожалуйста. А теперь – свою часть сделки, будь любезен. А ну, тихо мне, зараза такая!!!

Рявканьем я надеялась предупредить очередной приступ гомерического хохота Привратника. Почти удалось.

— Ну уж нет, дракошка. – Замахал ручищами Бонсайми. – Нам, призракам, украшать себя не по статусу. Ты вот что. У себя эту вещицу сбереги.

Мне уже было настолько плевать, что я б этот перстень на лбу вытатуировать согласилась, лишь бы пытка Хаосом, так замечательно начавшаяся, закончилась. На лбу у Бонсайми, конечно...

Однако Любопытство не выдержало, пискнуло полураздавленной мышью:

— А у друзей своих чего не припрядешь?

— Не доверяю я тёмным, козочка. – Сообщил Бонсайми с таким счастливым лицом, что сразу стало понятно: врёт.

Конечно, наверное, не стоило брать у Привратника перстень, да и вообще ничего брать не стоило, но пусть тот, кто меня осудит, сам поскачет козликом по Сумраку до полной потери сил... Соображала я уже довольно вяло и об одном только мечтала – выбраться уже, наконец! В конце концов, с тем же Бонсайми мы ещё встретимся. Вот тогда и верну вещицу.

Вздохнув, сунула перстень в карман.

Бонсайми – ожидаемо – вновь расхохотался, а я... очнулась.

— Пожалуй, ты подойдёшь. – Сообщил с серьёзным видом Тиму Петтери, склоняясь надо мной.

А затем он меня поцеловал.

Глава 5

У ног блондина с гладкими, как шёлк, волосами до плеч тёрлась крупная рысь необычной окраски: серебристая в иссини-чёрных пятнах. Оба – и блондин, и его соул взирали на открывшуюся их глазам картину с насмешливым азартом.

А посмотреть было на что.

Начиная с растрёпанной, развалившейся на чём-то мягком меня, заканчивая нависшим надо мной красавцем-брюнетом. По совместительству – дрянью бессердечной. С явной склонностью к некрофилии.

Каюсь, последнее вслух просипела.

Про дрянью. И про некрофилию.

Насчёт красавца даже моему затуманенному после воскрешения мозгу хватило ума промолчать. Вот только, боюсь, пылающие щёки и губы выдавали с головой... И бабочки в ней же, которые всё кружили и кружили в каком-то невероятном, залихватском танце. Потому что в поцелуях «дрянью бессердечная» толк знала. Увы-увы...

— Так у вас тут романтик? Быстро ты, Тим. – С безжалостной проницательностью истолковал обстановку блондин.

Хотя что тут толковать... Встрёпанная покрасневшая новенькая бесстыдно возлегает на какой-то софе с низкой спинкой, а над ней хищно нависает неподобный брюнетик-

стый гад...

— Долго ли умеючи? – осклабился бесподобный гад и небрежным жестом, ничем решительно предыдущий волшебный поцелуй не напоминающим, похлопал меня по щеке.

— Умеючи – долго! – Отрезала я и залепила засранцу ответку.

Таа-акую затрещину, что у него голова в сторону мотнулась!

С мстительным удовольствием отметила, что улыбаться он сразу же перестал. Вскинул бровь, губы сжал в одну линию, прям фу-ты-ну-ты горизонт в степи. Нахмурился, даже удивился как будто. А пусть знает наших! Одно обидно: слабость после воскрешения была – просто жуть жутковская. Так что к моему большому сожалению наглец-Петтери ещё легко отделался.

— Ого! С характером! – хохотнул блондин.

Неспешным шагом он пересёк комнату и вальяжно упал в кресло напротив. Рысь развалилась рядом.

— Что редкость для светоши. – Подтвердил Тим, подмигивая гостью.

Тот понимающе осклабился.

— Но ты её всё же того... возвращай. А то папка а-тата сделает.

— Эй! Петтери, новенькая у тебя?

В приоткрытую дверь сунул голову ещё один парень. Ры-

жий и вихрастый. Для полной комплектации, видимо... и моей личной деморализации. Потому что хороши эти тёмные, просто слов нет... Правда, хороши. Если уж даже я умудрилась это отметить в процессе возни с тёмным. То есть моих жалких попыток отпихнуть его, наконец, и подняться.

Дело в том, что тело после возвращения в него было деревянным, неродным каким-то... и «отсиженным»! И с каждой новой секундой покалывание росло в геометрической прогрессии! Думаю, каждому хоть раз в жизни случалось «отсидеть» руку или ногу и потому все знакомы с «восхитительными» ощущениями возвращения чувствительности. Так вот, я как будто отсидела сразу всё тело! И не стонала сейчас в голос исключительно из гордости и упрямства. Хватит с меня и дурацкой шутки этого Петтери. Не хватало в первый же день прослыть «орущей дурниной светошей» в мужском кампусе. Почему в мужском? Ну, тут несложно сложить два и два.

Так что вполне ожидаемо – борьба с тёмным завершилась быстро. Бесславленным поражением слабого. Меня то есть. Обиднее всего было то, что за тем, как некромант уложил меня на лопатки, блокируя запястья по сторонам, наблюдало целых два здоровых лба. И хоть бы один почесался! Ну не свинство разве, как говорит Бонсайми? Кажется, я начинаю понимать местных Привратников. Понятно, кто их довёл до жизни (или правильнее сказать – до смерти?) такой...

— А тебе что за дело, И-И? – вскинул бровь Тиму. Об-

растался он к застывшему в дверях рыжему, а смотрел при этом на меня. Не в глаза смотрел... на губы...

— Здравсьте, приехали. – Возмутился рыжий. – Я как бы куратор, если кто забыл.

— Аниматор. – Фыркнул блондин и почесал заурчавшую рысь за ухом.

— Чеси отсюда. – буркнул Тиму, продолжая изучать мои губы.

И что он там разглядывает?!

— Слышал, И-И, что сказано? – обернулся блондин к рыжему.

— Я вообще-то тебя имел ввиду, Илон. – почти прорычал Петтери.

— Что так? – хохотнул блондин, но с места не сдвинулся.

— То – так. Это. Моя. Кормушка.

— Кормушка?! Ах ты, свиноферма такая! – возмутилась я.

Снова попытка вырваться – и снова его пальцы сжимают мои запястья, а взгляд становится злее.

— Да не трепыхайся ты!

— Тебя забыла спросить, что мне делать!

— Да у них тут фейерверк. – Присвистнул блондин, поднимаясь. – Ладно, И-И, пошли, так уж и быть, погоняю тебя по Лабиринту. Я сегодня добрый.

— Себя погоняй, придурок. – Буркнул рыжий.

— Что сказал?!

Рыжего словно ветром сдуло. За ним, посмеиваясь, комнату покинул и блондин Илон. Небрежный хлопок дверью прозвучал неубедительно. Ежу ясно: этот Петтери здесь типа популярный. Понять бы ещё, чего этому популярному тёмному от меня надо-то...

Впрочем, взгляд вновь склонившегося надо мной некроманта был более, чем красноречив.

— Ну что, светленькая, допрыгалась? – с ухмылкой победителя спросил он, склоняясь к моим губам.

На этот раз поцелуя не случилось.

Вместо этого я оказалась в сказке.

В самой настоящей.

Припорошенные снегом диковинные деревья, уютные домики в снежных шапках, далёкие сизые горы с оползнями ледников...

А ещё здесь были снеговики.

Составленные из двух шаров, причём на верхних – пестрят вязанные шапочки и цилиндры сумасшедших расцветок! Снеговики задорно прыгали с места на место и бубенчики на их сёдлах заливались задорным звоном. Я даже зажмурилась, потрясла головой, не веря своим глазам, и зря! На снеговиках и правда были сёдла! И упряжь!

И... всадники...

Спустя пару мгновений я даже пару знакомых лиц увидела.

Снеговиками управляли мои однокашники по Морте,

адепты!

Вскоре выяснилось, что скачут снеговики не в каком-то хаотичном порядке, а по хитро-выверенным траекториям на расчерченном ничего не говорящими мне символами поле...

— Вау! – вырвалось помимо воли. – Вот просто вау – и всё!

Это были гонки! На снеговиках! Самые настоящие гонки... с сигнальными флажками и судьями, парящими высоко над полем на гигантских ледяных медузах, лениво шевелящих прозрачными щупальцами! Тут и там шныряла разная снежная мелочь – забавные кристалльные жучки, ледяные ящерицы, пушистые снежные шарики с глазами на тонких ножках...

— Пых! – фыркнул один из снежных шаров, подкатываясь ближе.

— Пых! – Машинально повторила я, узнав интонации, после чего присмотрелась к шару повнимательнее. – Это ты! Ты был сегодня на кладбище, да? Так ты, значит, не низкоуровневый паразит... а кто тогда?

— Пых. – С достоинством ответили мне, подкатываясь вплотную.

— Ну Пых так Пых. – Прыснула я, протягивая шару руку. – Будем знакомы. Туули.

— Пых?! – шар аж подпрыгнул и по его поверхности пошла рябь. Возникло ощущение, что он сейчас развернётся, как ежик и окажется... кем? Снежным гномом? Снего-

виком? Каким-то неизвестным снежным чумдриком? Увы, узнать так и не довелось.

Виной всему – возникший прямо из воздуха, как чёрт из коробочки, Петтери.

— Куда, светоша психованная?! – заорал брюнет, хватая меня за плечи и встряхивая. – Совсем сдурела?!

— Где мы?

— В Лабиринте. На Пятом уровне. Понятия не имею, как ты это проделала, но всё же давай-ка обратно, детка. Будет с тебя на сегодня Хаоса.

— Стоп. Я что, снова умерла?

— Способной оказалась, светленькая. Эй! Смотри мне в глаза, вытащу! Детка... Что смешного?

Приступ смеха был таким неожиданным, что Петтери опешив, отпрянул. Вид у него при этом был до того забавный, что меня так и согнуло пополам от хохота.

— Эй, ты чего?

— Каково это, а? – только и смогла я простонать, вновь заходясь в приступе неудержимого веселья. – Ну каково?

— Что? Эй! Ты в порядке, светленькая?

Кажется, некромант решил, что новенькая умом тронулась. Но от этого ещё смешнее!

Когда основная волна схлынула, я-таки смогла выдать себя:

— Каково знать, что девушка предпочла умереть, лишь бы не целоваться с тобой, Тиму Петтери?

И снова, не удержавшись, расхохоталась.

Лицо некроманта окаменело. Взгляд застыл, желваки на скулах пустились в пляску ярости. А я... я почувствовала себя отмищённой. Сполна.

Жестко? Пожалуй. Может, даже жестоко. Зато действительно. И смешно! Так смешно, что пришлось отвернуться, чтобы перевести дух и хоть немного успокоиться. Понимаю, что смех с большего нервный, где-то даже близкий к истерике, но физиомордия у властного тёмного с явными замашками альфа-самца была до того растерянная и забавная, что, глядя на эту опешившую моську успокоиться было – без шансов. Вот только спокойствия мне не дали. Вместо этого самым бесцеремонным образом схватили за шиворот и развернули к себе.

Обхватив моё лицо ладонями, Петтери впился в меня злым взглядом.

Голова закружилась, пространство поплыло. Стопы утонули в чём-то зыбком, а в ушах словно духовой оркестр вразнобой заиграл...

Снежная сказка внезапно сменилась каким-то тропическим лесом, по опушке которого другие адепты гоняли на синих ящерах с красными гребнями... Затем – фиолетово-зелёными водорослями... голубым песком, мерцающим в чарующем свете нескольких лун... старым заброшенным кладбищем и гигантским чёрным волком, задравшим морду к нескольким лунам... россыпью атолловых островов на изу-

мрудном взморье... Неизменным в этом калейдоскопе оставалось лишь лицо напротив. Лицо Тиму Петтери. Взбешённое. Злое. Всё ещё чуть-чуть растерянное...

— Это всё... Лабиринт? – Вырвалось у меня помимо воли.

Разговаривать с наглым брюнетом не хотелось, но интересно ведь! А спросить больше не у кого.

Тот в ответ лишь хмуро кивнул, морща лоб. Что бы тёмный сейчас ни делал, это давалось ему с трудом. Зрачки некроманта расширились, затопляя тьмой радужку. Вокруг глаз пролегли круги усталости.

— Впечатляет. – Покивала я с видом знатока.

Пусть даже не надеется, что спасую и отступлю.

— Договорились. – Вдруг серьёзно произнёс некромант. – В следующий раз поцелую тебя в Лабиринте, светленькая.

И сразу после его слов где-то совсем рядышком запищал Ломтик.

И я очнулась.

Снова подо мной мягкая софа с низкой спинкой, только на этот раз на груди моей попискивает Ломтик. Тычется мордочкой в шею, причмокивает...

— Всё хорошо, малыш. – Погладила я шипастую голубую спинку. – Всё хорошо...

За нами с дракошкой наблюдали двое: Тиму и нетопырь с его плеча. От неожиданности я с силой зажмурилась и головой помотала – показалось, что сплю. Просто до этого поче-

му-то решила, что тот наглый филин – соул Тиму. Я уверена была!.. Впрочем, это неважно.

Главное – я жива, вылазку в Хаос можно считать успешной и даже Ломтик каким-то чудом перекочевал ко мне из Приёмной. Что ещё для счастья нужно?

— Полегче! – цыкнул на меня брюнет, стоило только подняться. – Тебе полежать нужно, заново к телу привыкнуть!

Однако удерживать меня силой больше не рискнул.

— Пошёл ты! – воодушевлённая своей небольшой победой, изо всей силы пихнула его в грудь.

Перед глазами резко потемнело и обратно светлеть не спешило. Двери я достигла чудом, предварительно расшибив лоб о косяк.

— Вот же упёртая...

— Пых! – Возмущённо «пыхнуло» из-под ног, мешая прикрыть за собой дверь и выкатываясь следом за мной.

Глава 6

Тиму Петтери

— Я не стану этого делать. – Голос говорившего был тих, но при этом исполнен мрачной решимости.

— Стаа-анешь. – Уверенно протянули из клубящегося на-против сумрака. – Ещѐ как стааа-анешь, мальчик. Ии-или... саам знааешь, чтооо-о будет.

Собеседника некроманта, как и в прошлый раз, скрывала тьма.

Голос мог одинаково принадлежать как мужчине, так и женщине. Любому существу подлунного мира... Одно было ясно: ж и в ы м говоривший не был.

И вот это-то и было самым хреновым.

С каких пор создания Хаоса разгуливают по Академии, словно у себя дома?

— Не забываа-ай, по чьей милости ты жиш-ив до сии-их пор. – Не унималась тьма.

Некромант вскинул голову.

— Я не боюсь смерти!

— Ой ли?

Расхохотавшись, тьма брызнула во все стороны, поглощая пространство, вытянула клубящиеся когтистые пальцы к горлу собеседника. Некромант надрывно закашлялся и отпрянул.

— Даже после нашего тесного знако-омства? — прозвучало из тьмы ехидное. — Сомневаа-аюсь.

На этот раз её собеседник промолчал. Встрепенулся было, даже рот открыл, но... промолчал.

— Ты моо-ог остановиться. — Отхлынула назад тьма, мгновенно смягчая интонации. — Или напомнить, чей выбор это был?

— Не такой ценой. — Покачал головой некромант.

— Оставь эти байки слабакам. Сильнейший...

Последнее прозвучало уже с явными нотками издевательства.

— Светоч — моо-ой. Как бы ты ни сопротивлялся, мальчик, светоч у ж е мой.

Кажется, некромант собирался возразить, но тьма внезапно рассеялась, будто её и не было.

Правда, оставила после себя след. Незримый.

В виде тревоги в груди... Змеи в сердце... Ощущения близкой, подступающей беды...

Разговор был утром.

Новенькую прислали следом... Как нарочно, чтоб её.

Худенькая, непонятно в чём душа держится, она робко переминалась с ноги на ногу у башни ректора, ошеломлённо тарасила зелёные кошачьи глаза. У неё были белейшие, просто белокипенные волосы. Как свежевывавший снег, как кародейское Белое Пламя или Королевский Мрамор гарпий.

Это придавало ей схожесть с Ледяной Ворожеей — дивным

созданием Великого Севера, что веками не выходит к людям. Тиму видел Ворожею мельком, на каком-то из отцовских приёмов, в далёком детстве... И не мог забыть до сих пор.

Нейтири Туули Севери была ещё лучше.

Она была снежной, даже ледяной... в смысле таковой была природа её магии... девушка же при этом была восхитительно светлой и тёплой! Даже сквозь толпу, на расстоянии ему вдруг почудилось, что он ощущает жар её хрупкого тела.

Светоч... Долгожданный лучик света в оплоте тьмы.

Остальных светлых адептов Тиму Петтери почему-то в расчёт не брал. Может, потому что они и вполовину не были такими, как *она*? Не были такими неискушёнными... не были живыми?

Эти её приоткрытые губы...

Сразу захотелось узнать, каковы они на вкус. Ощутить под пальцами тепло гладкой розовой кожи. Впитать взглядом нежный овал...

Конечно, Тиму отдавал себе отчёт в том, что это тьма в нём стремится к ней. К её свету. Хочет поглотить, присвоить... Заполнить собой. И всё же глаз отвести не мог от новенькой.

Чем ближе он подходил, тем отчётливее подмечал, что во внешности Севери присутствовал и Хаос. Ещё как присутствовал. Точёные линии были острыми, угловатыми, даже чуть ассиметричными.

Марджут и Ритва – королевы Морте – обменялись довольными взглядами, демонстрируя свои безупречные кукольные мордашки. Идеальные. Холёные.

Однако смотреть хотелось не на них. А на эту... Туули...

И чем ближе он подходил, тем сильнее... разгоралось его внутреннее пламя.

Решение пришло сразу: нет.

Нет, нет, нет. И ещё раз — нет.

Ну какая из этой малышки наживка... Слишком светлая, слишком юная. Слишком... неопытная. Хаос проглотит её и не подавится...

Вот только был ли у него выбор?

Тим так долго разыгрывал эту партию... Рассчитывал, выверял ходы. Уговаривал Йолку. Он не имел права на ошибку. Тупо не имел! Слишком велики были ставки...

Пути назад сожжены. Как бы ни хотел он оградить светлую малышку от участия в одной опасной игре, затеянной задолго до её появления, что он мог...

Однако Тиму Петтери не был бы собой, если бы сдался так просто.

Светочей к некромантам заманивают непомерно завышенными стипендиями и прочими привилегиями. И всё равно ведь не горят желанием учиться вместе. Идут, идут, но с опаской, чуть ли не из-под палки.

Тиму решил спровадить новенькую раньше, чем та успеет понять, во что вляпалась. Решил развернуть, пока не добра-

лась до площадки...

Тем более, что отец *приказал* оказать светочу самый горячий приём. Ну ещё бы! Дракон... За дракона академии друг другу глотки перегрызут.

Вот только Тиму не дрессированный питомец, чтобы прыгать вокруг новенькой по команде. Да герцог и не ждал от него подобной реакции. Можно подумать, первый год друг друга знают... Чтобы держать руку на пульсе, ректор приставил к новенькой куратором «И-И»... Ещё бы. Не то что бы Иири Иизакки был стукачом, нет. Просто он – главный зануда-заучка в Академии, это все знают. И уж он-то будет исполнять обязанности куратора при страже дракона на совесть.

Если бы только всемогущий ректор знал, *как* он просчитался!

Если бы только знал, как рыжий соглядатай при Туули на руку его сыну!

Но это, как говорится, план «В». На тот случай, если план «А» не сработает...

Спровадить светошу подобру-поздорову – не должно было стоить большого труда. Куда сложнее оказалось подкупить Бонсайми, но с Привратником Тиму договорился. Можно подумать, в первый раз...

Однако девчонка оказалась той ещё упёртой козой. Даже Илон подметил, что с характером. А он на светлых вообще как на корм смотрит. То не его вина – тёмным на уровне ин-

стинктов трудно считать себе равными тех, кто пасует перед Хаосом.

— Присмотрись к девочке. – Посоветовал Бонсайми. – Не пори горячку.

— Да ты хоть знаешь во что она ввяжется, если останется здесь... Сам часто от статуи отходишь?

— Может, Бонсайми не так много знает, но... Бонсайми видит. Не уппусти козочку, Тим. Она – та, кто тебе нужен. Ну да это ты и сам понял.

И поганый призрак разразился глумливым хохотом.

Тим же просто взбесился.

Бонсайми сходу считал то, что некромант так пытался удержать при себе.

Его потянуло к новенькой. Сразу. Безоговорочно. Неотвратимо.

Можно даже сказать рывком.

Стоило только увидеть эту белоснежную макушку, широко распахнутые глаза, приоткрытые губы... Изящные пальцы, тонкие щиколотки.

Все кругом глазели на её дракона. Редчайшего соула, который при правильном уходе станет идеальным Хранителем любого магического источника.

И только он один, чувствуя себя идиотом, пялился на новенькую...

— Она – кормушка. – Повторял он про себя. – Корм, правильно говорит про них Илон.

Светочи созданы специально для них, тёмных. Они слишком иные, слишком отличаются и... слишком слабы в Хаосе, чтобы можно было воспринимать их всерьёз.

И всё же, даже несмотря на то, что светленькая послушно заглотила наживку и продемонстрировала редкий талант к Хаосу, затея использовать её в качестве живца нравилась Тиму всё меньше и меньше... Кстати о таланте – ему ещё предстоит долгий и о-очень неприятный разговор с отцом по поводу незапланированных скачков новенькой с Уровня на Уровень. Хотел, называется, обставить всё по-тихому, а вместо этого теперь вся академия в курсе, что новый светоч с лёгкостью прыгает через Слои...

Выпустив новенькую, дверь за ней захлопнулась. Тим откинулся на спинку, завёл руки за голову. Чуть было не рванул следом, но всё же в последний момент одумался.

Чтобы он, Тиму Петтери бежал за девчонкой? Да ещё за светлой?

Смешнее ничего не придумать.

Но её губы оказались такими нежными. Такими чуткими...

А смех – просто невероятным. Звонким, как россыпь хрустальных колокольчиков. И... бесящим! Просто вот до белых глаз бесящим! Как она над ним потешалась! Коза такая.

Вместо того, чтобы разозлиться как следует, как разозлился бы на любую на её месте, Тиму вдруг хохотнул.

Девчонка даже не в курсе, что умудрилась уйти на Пятый слой! И это после убойной дозы Хаоса.

Что ж. Значит, план «В».

Главное – не допускать её одну в Лабиринт.

Ну да на это они и напарники.

Глава 7

Туули Севèри

Высочив на крыльцо, я вдохнула полной грудью.

Мир живых обрушился на меня лавиной запахов, звуков и ощущений. С непривычки он был слишком плотным, твёрдым и вязким. Мелькнула даже мысль, что никогда не смогу задышать здесь в полную силу.

Однако вновь раздалось сакраментальное: «Дракон! Вон та новенькая, которая с драконом!» и я, аки собака Павлова мгновенно подобрала слюни, то есть собралась, концентрируясь исключительно на Ломтике.

Мой дракон. Дракошка. Драконище.

Вот уж кому куда хуже, чем мне. Он ведь совсем ещё маленький, полдня в клетке провёл, не поймёт никак что к чему в этой Морте... Впрочем, как и я.

— Ну что, как тебе напарник, Севèри? – окликнул меня тот самый рыжий адепт. И-И кажется. Странное имя. С широкого плеча парня весело подмигнула золотая ящерка.

— Ну вот, такой хороший вечер, а ты его раз – и испортил. – Вымученно улыбнулась я в ответ на столь откровенное издевательство рыжего. Ну да так во всех мирах, видимо: студенческое чувство юмора оставляет желать лучшего.

— Ну так я компенсирую! – широко улыбнулся «И-И» и сделал приглашающий жест в сторону... приличного до-

мика.

Ладно, пусть не домика, палатки, но самой, что ни на есть пряничной, да ещё и покрытой глазурью! Заглянув внутрь, я часто заморгала: в этом крохотном помещении развернулось целое фаст-фуд производство! Работали здесь не то феи, не то эльфы – крохотные человечки с острыми ушками и стрекотными крылышками.

— Времени у нас нет. – По-своему истолковал моё замешательство рыжий. – Но чашку горячего чокко после восстания ты заслужила. В конце концов, я, как куратор, настаиваю.

— Ну разве что как куратор. – Пожала я плечами, улыбаясь в ответ.

Пахло из пряничной палатки и правда восхитительно.

— А пока пьёшь чокко, введу тебя немного в курс дела.

Я с благодарностью приняла из рук рыжего высокую исходящую паром кружку с удобной ручкой, радуясь про себя, что куратор догадался захватить мне ещё и булочку.

Впрочем, радость распространялась не только на румяную, умопомрачительно ароматную сдобу. Ведь информация – это именно то, что для меня сейчас важнее воздуха. И потому как же здорово, что ректорат приставил ко мне куратора. Рыжий подтвердил, что обычно – кураторство формальность. Но не в моём случае. Ко мне приставили пятикурсника, потому что иномирянка. И потому что важна для Морте. Из-за Ломтика.

Ощувив на себе чей-то взгляд, я быстро посмотрела вверх и тут же столкнулась с Тиму Петтери глазами. Некромант и не думал скрываться – он стоял у окна и, скрестив руки на груди наблюдал за мной в открытое окно. И судя по нахмуренным бровям Петтери – то, что он видел, ему явно не нравилось.

Пожав плечами, я с аппетитом вгрызлась в румяный бок.

Булочка оказалась потрясающе вкусной! Я проглотила откусанное, не разжёвывая и не в силах справиться с собой откусила снова. И ещё прежде, чем в пальцах моих остался последний кусочек, выяснилось, что куратора моего зовут Иири Иизакки, а его соула, ящерку – Ими. И что местный Факультет Алхимии даёт прикурить всем подобным факультетам и кафедрам на материке, в частности – просто нещадно нагибает Кафедру Зельеварения в Лицее Леди Морвейн.

А ещё выяснилось, что меня развели. Банально.

— Жаль, ты в пролёте, Туули. – Участливо вздохнул Иири. – Светлым, конечно, Хаос не очень-то подчиняется, но зато отлично даются магические дисциплины. Если, конечно, душа лежит. Здесь, в Морте, нас лучшие обучают. Магистры! Не рядовые чародеи и уж тем более, не наставники, как в других ВУМах.

— ВУМах? – переспросила я машинально.

— Высших Учреждениях Магии. – Пояснили мне.

— А почему тогда я в пролёте? – не поняла я.

Иири хмыкнул и отмахнулся.

— Какая уж там учёба. Можно подумать, пустят тебя к алхимикам, мечтай... Ты в связке с пятикурсником, Туули, так что вместо новых знаний у тебя теперь – Петтери. Так себе перспективка, если честно. Будешь теперь как оглашённая по практикумам бегать. Чтоб ты ещё понимала в тех практикумах...

— Стоп. Ты ведь с самого начала его моим напарником назвал! – Ахнула я. – Не пошутил, значит, да? Ой, мамочки... Какие уж тут шутки... И в министерстве говорили, что мне предстоит практиковаться в паре с опытным некромантом... адептом пятого курса... – будто очнувшись, я хлопнула себя по щеке. – И он... он сперва говорил, что не подхожу... а потом, что подхожу!..

Я поспешно захлопнула рот, прекращая поток мысли вслух.

Вид у Иири Иизакки был виноватым.

— Светлые многого достигают после Морте. Если, конечно, учатся, а не работают проводниками Хаоса для тёмных. Мне правда, жаль, Туули.

Я задумчиво допила чокко. Отличный напиток, кстати. В нём оказалось собрано лучшее от кофе и горячего шоколада, с какими-то незнакомыми, бархатисто-ароматными специями.

В принципе, чего-то подобного можно было ожидать. Того, что и в этом мире, как и в моём родном, бесплатного сыра не бывает. Что за всё надо платить. И если ты иномирянка

без денег и связей – платишь за учёбу собственной магией.

По дороге к Приёмной Иири успел поведать, что срок обучения в Морте практически неограничен. Было бы только желание и талант, конечно. Ну или деньги, если с даром не повезло. Да и живут маги подольше прочих... То есть теоретически всё вроде бы было в порядке, но у меня отчего-то возникало чувство, что рыжий куратор чего-то не договаривает. И ощущение, что меня развели, обманули, облапошили, обвели вокруг пальца крепло с каждой секундой.

— А можно что-то сделать? – в конце концов не выдержала я. – Меня ведь вслепую использовали!

Иири фыркнул.

Почему-то мне показалось, что он ждал именно этой реакции.

– Да что тут сделаешь, кроме того, что насмешишь всех до коликов. – Иири хмыкнул и принялся загибать пальцы. – Документы подписала? Подписала. Ритуал прошла. Иномирянка, опять же. В Хаосе ни в зуб ногой. Вот тебя к опытному некроманту и приставили. Так что у них и с этой стороны всё чисто.

— Но можно ведь, наверное, сменить напарника?

— Только не тогда, когда он сын ректора.

Я только присвистнула. Ах, вот оно что...

— Кроме того. – Иири замялся. – Петтери и в самом деле – сильнейший на курсе.

Видно было, что признавать сей печальный факт рыжему

не хотелось, однако приходилось. Может потому, что я в любом случае узнала бы?

— Странно...

Иири снова воспринял моё замешательство по-своему.

— Если ты о Йолке...

— О ком?

— О Йо. Соул Петтери.

— Филин? – вырвалось у меня. – Тьфу, нетопырь?

— Вот-вот. – Усмехнулся рыжий. – Соул Петтери – перевертыш. То есть кем угодно может обернуться. Диковинка, ага. Не такая, конечно, как дракон, но всё же. Так что кормить тебе сына ректора вплоть до Двенадцатого уровня... То есть курса. А потом, конечно, и о себе подумаешь... Если ещё под какой контракт не подпишешься. Тёмные очень хорошо платят. И убеждать умеют. А светлые, как правило, деньги любят.

— Ещё чего! – возмутилась я. – Мне кажется, Иири Иизакки, или ты как будто что-то мне сказать хочешь, да всё не договариваешь?

Рыжий вдруг сделался серьёзен.

Прежде чем ответить, зыркнул по сторонам, спугнул чьего-то соула-бабочку...

— Если это правда, Туули и ты сходу Пятый уровень дара показала, а учитывая, что ты дракона из Приёмной в кампус перетянула, то как будто и не сбрехали... Так вот... В Лабиринт тебе, конечно, рано. Туда раньше Третьего не пускают.

Но есть Малый Лабиринт – без него в Хаосе делать нечего. Пройдёшь его перед самым учебным годом, до распределения – и докажешь Комиссии, что сама на что-то способна, без помощи Петтери. Вот увидишь, для тебя сделают исключение. А перепрыгнешь через пару курсов – и сама себе расписание выбирать будешь. И напарника.

— Тебя. – Не выдержав, съехидничала я.

Нет, ну я в силу недавнего попадания может и наивна... Но ведь не дура.

— А почему нет. – Не стал запираяться Иири. – Я тёмный, и о таком мощном светоче, как дракон, можно только мечтать. Но я-то в отличие от многих понимаю, что тебе самой учиться надо. Так что я бы даже на контракт пошёл. Хаос мне в свидетели.

И он рассказал, что контракты – обычное дело между тёмными и светлыми адептами. И весьма полезное, кстати – заранее обозначив количество затрачиваемой магии, а также расписание и дисциплины – меньше шансов испортить отношения.

— Поможешь мне туда попасть? – спросила я, когда рассказ подошёл к концу. – В Малый Лабиринт.

— В напарники набиваешься? – прищурился Иизакки.

— Прошу помощи, как у куратора. – Попала я ему в тон. – Заодно и присматриваюсь потихоньку.

— Быстро учишься. – Хохотнул Иири. – Так и быть. Ночью попробуем, если пропуск у Комиссии выбьешь.

— Спасибо. Я не собираюсь задерживаться с Петтери в паре. Вот ты скажи, будь у тебя шанс на вторую жизнь, в новом мире? Ты стал бы на Петтери его тратить? Вот и я не собираюсь.

Иири посмотрел на меня как-то странно. Показалось вдруг, что он скажет сейчас что-то важное... Однако наша процессия тем временем добралась до точки отсчёта, то есть до Приёмной и потому мы с Ломтиком побежали сдаваться.

Что примечательно – помимо членов Комиссии нас с Ломтиком поджидал и сам ректор.

Вид у главного Магистра, у которого и правда при более пристальном рассмотрении нашлись общие с сыном черты, был встревоженный.

Я уж решила, что меня сейчас будут пытаться, как Ломтика из Приёмной умыкнуть умудрилась, или, не дай их Триединая, предъявит мне соращение своего мажористого отпрыска, но то (к нашей с Ломтиком радости!) было другое.

— Снорх? – спросил ректор, вглядываясь куда-то мне за ногу и, задумчиво почесав подбородок сам себе ответил: – Да вроде нет...

Я оглянулась, проследив его взгляд и ахнула:

— Пых! Так ты всё время был рядом? Ну, даёшь!

На первый взгляд клочок тумана у моего колена был незаметен. Но вот он закружился, концентрируясь в едином центре и образуя довольно-таки плотный комок...

Из-под пальцев ректора вылетела искра и комок стал проступать в воздухе, образуя самый настоящий ком, а затем вдруг со скрипом распался, развернувшись как ёжик и засыпав мозаику плитки снегом. Загадочный «Пых» оказался коротышкой гренадёрского сложения! С красными глазами и красным же собачьим носом, с обручем вокруг лба и снежной бородой, заплетённой в косу. Одет человек был в какие-то белые шкуры. И сам был покрыт короткой шёрсткой, если приглядеться. Словом, мой новый знакомый из Хаоса представлял собой нечто совершенно невообразимое.

— Адептка Севèри, я правильно понял, вы дали имя высшей нечисти? – тоном, ничего хорошего мне не предвещающим, осведомился ректор.

— Ну уж нет. – Я твёрдо решила не сдаваться. Несмотря ни на что. – Он сам так представился. И на нём не написано, что он нечисть.

— Пых! – подтвердил мои слова снежный человек.

— Когда напишут, поздно будет. – Задумчиво протянул сутулый, худой, как жердь маг в остроконечной шляпочке.

— Он не нападает... – отмерла, наконец гнома и отрешённо пригладила бороду. – Поразительно!..

— Пых. – С достоинством ответило ей существо и... поклонилось.

— Ого! Вы ему понравились! – воскликнула я. – Может, это даже какой-то ваш предок!

Гнома выпучилась на меня поверх круглой роговой опра-

вы. Её розовые щёки в мгновение ока стали малиновыми. Судя по вытянувшимся лицам Магистров – я, кажется, что-то не то ляпнула.

— Или потомок. – Брякнула я в надежде спасти ситуацию.

Но увы. То, что мертво, умереть не может – это, кстати, у них у самих на дверях написано, не иначе как иномирской литературой на досуге балуются... Гнома лишь оскорбилась ещё сильнее.

— Возмутительно! Это совершенно никуда не годится! Какое сказочное хамство! – и тут она совершенно неожиданно для меня обернулась к ректору и взмахнула ручками: – Вот оно! Пожалуйста! Влияние Тиму!

— Ну конечно, всем вам Петтери виноват! – весело подхватил кто-то из Комиссии. – А до него девчужка была голубой незабудкой! Незабудки драконами не становятся. И, кроме того...

И тут до меня дошло, что о моём посещении, назовём это так, комнаты Тиму Петтери здесь всем известно... Правда, сейчас это уже казалось наименьшим злом. Магистры ругались! И причиной их ссоры, ну или яблоком раздора выступала ваша покорная слуга. Они разделились на два лагеря, а то и на больше, припоминали друг другу какие-то разорённые пикси теплицы и вытоптаннные кентаврами грядки... Поминали в сердцах расписанные похабщиной волшебдревья и наводнение неистоволунной ночью...

Что я могла? Лишь пытаться убедить всех успокоиться

и покаянно признать во всеуслышанье, что Пых – мой собственный предок. Самый что ни на есть.

— Ну, хотите, буду звать его Дедушкой?..

— Да вы только посмотрите! – нервно застучал копытами кентавр, когда «Пых» не позволил никому из Магистров ко мне приблизиться.

— Вот именно! Она ещё издевается!

— Да не то, руова Тофара! Смотрите, он ведь почему-то встал на её защиту!.. Или мне кажется?

— Ой... – мгновение – и обида гномы сменилась изумлённым недоумением. – И в самом деле ведь защищает! Точно!

— Правда, защищает!

— Немыслимо!

— Вот уж точно... Это ни на что непохоже...

— Ну-ка, нейтири, продемонстрируйте-ка нам целесообразность позитивного протокола...

— Эм?.. Что?

— Иди сюда, девочка. И Дедушку своего, – короткий смешок. – Тоже зови...

Далее последовала долгая муторная не то проверка, не то исследование и расспросы, расспросы, расспросы... Если вкратце – мне говорили, что скомандовать Пыху и всё никак не могли поверить в то, что он подчиняется. Беспрекословно.

Только я не командовала.

Я просила.

Усаживалась на корточки перед странным существом и приговаривала:

— Ну, пожалуйста, Дедушка Пых. Ну, ради меня, а? Ну или ради руовы Тофары, – это я приговаривала шёпотом. – Покажи ещё разочек, как вызываешь позёмку и крохотный снежный шторм?

И Пых показывал. Слал гноме воздушные поцелуи, чем заставлял её багроветь, дёргать себя за бороду и трястись от злости ещё больше и... показывал. Ему, кстати, нравилось, что я зову его Дедушкой. А что нравилось мне – так это то, что подробностей эпизода о нахождении моего тела в мужском кампусе не выспрашивали.

После долгих и откровенно провальных попыток загнать Пыха в стеклянную банку решено было оставить его при мне. Причём последнее веское «добро» дала именно руова Тофара Камнетёс. Оскорблённая нами с Дедушкой гнома.

— Нейтири Севèри каким-то образом умудрилась его подчинить. – Вздыхнула она, ставя затейливую закорючку под общим решением. – Он не опасен. К тому же, кому как не мне знать каково светочу в тёмной академии...

А вот насчёт факультета Алхимии Иири, к сожалению, не ошибся.

— Ты сперва с общими дисциплинами освойся. – Приподняла изящную бровь русалка, наматывая голубой локон на пальчик и остальные Магистры поспешно закивали. – Специализация начинается не раньше Третьего уровня.

— Тогда прошу допуск в Малый Лабиринт. – Произнесла я волшебную фразу, которой научил Иизакки. – Для тренировок

— Напарника сменить хочешь? – хохотнул кентавр, подмигивая ректору. – Кто б сомневался.

Гер Петтери только вздохнул.

— Тиму, конечно, не самый коммуникабельный адепт, Туули, – проговорил он, оборачиваясь ко мне.

— Засранец он. – Подтвердил ещё один Магистр, ухмыляясь и ректор досадливо поморщился. – И всё же практиковаться тебе пока лучше с ним. Для развития дракона, опять же...

— Вы серьёзно? Ну куда ей в Лабиринт? – тут же возмутилась гнома. – Вы ещё на соревнования с этой нечистой её отправьте!

Однако «абонемент» в Малый Лабиринт мне всё же выдали. То есть ежесуточный пропуск.

— Начиная с завтрашнего дня. – Хмуро предупредила руова Камнетёс. – Хотя я бы и завтра тебя туда не пускала.

По пути в женский кампус Иири успел более-менее внятно объяснить, почему Морте так важно было меня заполнить.

Дело в том, что Ялохикаарме, Ледяные Драконы прежде жили здесь, во Фьордах. Так что природы магий Источника Морте и нашей с Ломтиком – родственные. То есть – теоретически – мы с малышом попали в нужное место!

Если б, конечно, не кое-какие брюнетистые мажоры и не продажные ректора, что, пользуясь служебным положением приобретают сыночкам магические кормушки...

Из дельного, но увы, нудного до оскомины на зубах рассказа Иири Иизакки сам собой напрашивался вывод: раз уж я так важна для тёмных, на меня так и так наложили бы лапу, но всё же было неприятно. Кому понравится, когда его используют вслепую?

Чтобы избавиться от неприятного осадка, я принялась расспрашивать о связи мага и соула. И узнала, что пока Ломтик маленький, мы оба нуждаемся в непрерывном, как можно более тесном контакте. Однако, чем старше будет становиться дракошка – тем дальше сможет отлетать, не прерывая нашей глубинной душевной связи.

— Именно душевной, не духовной. – Поправил меня Иизакки. – Как-никак душа у нас с соулами одна на двоих.

И он с нежностью почесал свою золотую ящерку за ушком.

Я прыснула: представилось вдруг, как Ломик размером с собаку с ещё не отросшими крылышками скачет рядом... А потом увиделось вдруг, как летает над головой кругами... Поделившись своими мыслями с Иири, я призналась, что до сих пор не верится, что всё это со мной. И что однажды Ломтик произойдёт из дракошки в Дракона. ...

— Оглянуться не успеешь. – Кивнул куратор. – А на Двенадцатом уровне всё ещё круче. – Подвёл он туманный итог

своего рассказа.

По пути в кампус нас несколько раз остановили: меня поздравляли с прохождением Вступительного, который в Морте патетично звали «Кровавой платой за вход». Однако мне казалось, адепты драматизируют, о чём я и сообщала. Нормальный Вступительный, если, конечно, тело после него не ныкать где попало... Но тут уж ничего не поделаешь – как я поняла, это своего рода ритуал, так сказать, «Боевое крещение Морте». Выслушав несколько чужих историй о поступлении, я ещё и порадоваться умудрилась, что легко отделалась... Помимо расспросов и поздравлений, меня останавливали, чтобы рассмотреть дракона поближе. Своих соулов с готовностью и неизменной гордостью тоже предьявляли... В общем, нормальные здесь тёмные оказались. С большего. Кроме одного.

Того самого, что словно ни в чём ни бывало поджидал меня на крыльце кампуса.

— Что тебе здесь надо, Петтери? – скривился рыжий.

Отвечая, Тиму смотрел не на него, а на меня.

— Я хочу получить свою кормушку.

— Мало ли, что ты хочешь. – Воодушевлённый своими обязанностями куратора, огрызнулся Иири. – У неё отвод от Хаоса, пока не вникнет. В конце концов, Петтери, человек только прибыл, имей ты совесть.

— А это ещё что? – не слушая его, Тиму приблизился ко мне вплотную и принялся демонстративно сверлить взгля-

дом карман на груди.

Щёки помимо воли вспыхнули и это не укрылось от некроманта. Уж больно довольной стала его улыбка.

— Зачем тебе пропуск в Лабиринт, детка? – неуловимым для глаза жестом он извлёк мой пропуск из кармана.

— Пых! – воинственно сжал кулаки Дедушка Пых, пуская вокруг позёмку, но, подчиняясь моему взгляду, отступил и снег за собой прибрал.

Таково было условие Комиссии – «дедушка» пока на испытательном сроке. И кем бы он ни был, Пых остаётся на территории Морте, пока безоговорочно меня слушается...

— Значит, надо, если дали, сладкий. – В тон Петтери ответила я, выхватывая пропуск из его пальцев и прислушивающиеся к нашей беседе адепты захихикали.

— В Хаос без меня ни ногой. – Мигом посерьёзnel Тиму. – Поняла? Кто бы что ни сказал. Лабиринт – не игрушки, детка.

— Пройти дай.

— Помнишь наш уговор? – не унимался тёмный. – В следующий раз целую тебя в Лабиринте.

— Угум. У тебя с юмористически-дебилистической программой на сегодня всё? Если да, мы пошли.

— Детка. – Некромант сжал зубы. – Надумашь сунуться в Лабиринт без меня – и одним поцелуем не отделаешься.

— Ого! – загоготали сзади. – Хотел бы я на это посмотреть.

— Пошёл вон. – Отрезала взбешённая я и, обогнув брюнета, хлопнула дверью.

Не знаю, чего он добивался, но только что я окончательно утвердилась в мысли как можно скорее пройти этот клятый Малый Лабиринт, дабы избавиться от некоторых наглых брюнетистых, с замашками альфа-самцов.

Тиму Петтери

Первой проснулась Йолка. Она и разбудила его своим кряканьем – сегодня соули спала в облике перепончатой галуши.

Подскочив в постели, Тиму помотал головой, стряхивая остатки сна и прислушиваясь к *истинным* ощущениям.

Ну точно.

Не померещилось.

Лабиринт... Не может быть!

Да нет же! Может, как выяснилось!

Севèри. Проникла. В Лабиринт!

Вот что она там забыла?!

Иномирянка. Светоч. Новенькая.

Казалось бы, она должна шугаться от Хаоса, как чучундра от лучины, ан нет!

Так ли эта светленькая проста, как кажется? Или... как хочет казаться.

Да и вообще... раз пошёл такой разговор – та ли она, за кого себя выдаёт?

Всё это пронеслось в сознании Тиму Петтери единой

вспышкой-калейдоскопом, пока он рассекал Слои пространства, ориентируясь на собственноручно (или, правильной сказать, собственноручно?) поставленный на светошум маячок.

— Кто-то что-то не понял? – проворчал он, заметив впереди хрупкий девичий силуэт.

Туули Севèри

Он приблизился со спины. Бесшумно, как кошка. Горячие мужские ладони сжали плечи.

— Знаешь, что бывает с непослушными девочками тёмной ночью в страшном и опасном лабиринте?

Тёмный как он есть в своём репертуаре.

Уверенный. Соблазнительный. Опасный.

Сжав кулаки, я только и могла, что пытаться удержаться на пятом слое Хаоса и повторять про себя: ты сможешь! Ты выступишь!

Вот только сейчас всё было иначе. Не так, как днём. Пространство буйствовало, сопротивлялось. Сохранять присутствие духа в такой непосредственной близости от Тиму Петтери оказалось ох как трудно.

А стоит допустить малейший прокол, ма-аленькую, малюсенькую, вышедшую из-под контроля эмоцию – и меня выбросит обратно, на первый уровень.

— Я вот слышал, одна светлая малышка вышла ночью из общежития, да так и не вернулась... до утра. – Не унимался этот соблазнитель недобитый.

— А ты поменьше уши развешивай. Не ровен час, отвалятся. – Вежливый совет, разбавленный попыткой изобразить равнодушное недоумение. Отчаянной, надо сказать, попыткой... Жалкой даже, чтоб его.

А в ответ – насмешливое:

— Думал, после сегодняшнего ты перестанешь врать сама себе.

Ну всё, Петтери, на этот раз нарвался! Потому что разозлился! Серьёзно...

— Только попробуй сделать это снова и...

— И – что? – чуть шершавые пальцы Тиму на моей щеке и голос мой предательски дрожит.

— Узнаешь!..

— Тогда зачем откладывать, правда? Прямо сейчас и узнаю. – С этими словами тёмный рывком развернул меня к себе и поцеловал.

И без того шаткое пространство поплыло окончательно. Ноги увязли в низшем Слое Хаоса. Вскоре я уже по пояс барахталась в туманной каше, а вдали зазвучало бесстрастное пение гонга.

Не прошла!

— Ну, погоди, Петтери. – Прошипела я, прежде чем провалиться ниже. – Убью.

— Идёт. Только если поцелуешь снова. – Издевательски подмигнув, некромант исчез.

Это длилось целую вечность. Ну ночь так точно!

Понятия не имею, как умудрилась сигануть на пятый уровень из комнаты Тиму, но оказавшись в Малом Лабиринте, сразу поняла: то было ни что иное, как удача. Которая, поманив крылом, благополучно меня покинула.

Вместе с Пыхом и Иири, которые остались караулить у Врат.

Куда бы я ни тыкалась, в какую дверь ни шла – за мной неотступно следовал Петтери. И – да, целовал. Каждый раз.

Целовал так, что колени подкашивались, голова шла кругом, а в животе плясали мириады звёзд.

— Чем сильнее влюблён светоч, тем ярче светит. – Хрипло комментировал тёмный учиняемый им беспредел. – Ты ещё не поняла, что тебе от меня никуда не деться, светленькая?

— Да я скорее схохну, чем влюблюсь в такого засранца!

— Так уже, детка. – Издевательски хохотнул некромант, предупреждая мою попытку залепить ему пощёчину. – Выходит, уже влюбилась? Не рекорд, конечно, но, в принципе реакция предсказуемая.

Не знаю, как я это проделала, но в следующий миг открыла глаза в своей постели. С соседней подушки радостно заверещал Ломтик.

— Пых. – Раздалось из игла укоризненное. – Пы-ых...

Дедушка был явно не в восторге от того, что бросила его в Хаосе. Правда, он быстро сориентировался, вернувшись в комнату следом за мной...

— Нет, ну какой всё-таки гад! – взбешённо пробурчала я, запуская руку в коробку с пирожными и протягивая одно Пыху.

Повязанная красивыми лентами, коробка поджидала меня на тумбочке у кровати ещё днём. Комплимент от Морте, видимо.

— Пых. – Поблагодарил за угощение новоиспечённый Дедушка и смачно захрустел.

— Пых. – Согласилась я с ним, откусывая от своего пирожного. – Что сказать – хорошо хоть на адептах здесь не экономят. А на Петтери мы управу найдём. Найдём ведь, правда?

— Пых-ых! – Заверил дедушка и, преданно заглядывая в глаза, протянул руку ещё за одним пирожным.

— Влюбиться в него... ещё чего! – затолкав в рот остатки пирожного, пробубнила я.

— Ещё чего не хватало! – уже прицельно буркнула Дедушке, не дождавшись очередного «пыха».

Дедушка посмотрел на меня внимательно и... промолчал.

Глава 8

— Все здесь присутствующие показали способности к Хаосу. Однако это ещё не значит, что вы способны управлять им.

Вводную лекцию новеньким читал некромант с нервным бледным лицом. С его плеча за нами пристально наблюдала маленькая двуххвостая мартышка с кошачьей мордой, горделиво сверкая золотым ошейником с красным камнем. Соули профессора неотрывно следила за дисциплиной и если кто-то отвлекался от лекции, злобно шипела и плевалась.

— Хаос – Пространство. Хаос – Энергия. Хаос – Сила. – Чеканил каждое слово лектор. – Шаманы кочевых племён говорят: оседлавший Хаос – оседлал саму Смерть. Жаль... Очень жаль, что из тысячи способных до конца доходят единицы! – некромант выдержал паузу, обвёл аудиторию взглядом, а мартышкокошка прицельно плюнула в нас с Ломтиком.

Я рефлекторно отшатнулась. Вытираться нам пришлось уже трижды. Дело в том, что это была первая лекция в жизни Ломтика и потому дракошка никак не мог взять в толк – почему это он должен сидеть спокойно и тихо. Тем более в новом, таком интересном месте! К тому же очень уж не понравился кошкомартышке Пых, который был солидарен с Ломтиком и ворчливо пыхтел на вредную соули из-под сто-

ла, когда препод проходил мимо... Моя соседка по парте, а заодно и по блоку в кампусе – остроухая некроманточка с короткими и кудрявыми розовыми волосами и розовой белой с несколькими хвостами хихикала и строчила какие-то закорючки в блокнот.

Что ж. Внимать с умным видом лекции, щедро разбавленной пафосом и откровенным неверием в силы студентов, лекции скучной до зубовного скрежета, нам, землянам, не привыкать.

Впрочем, несмотря на старания лектора с его мартышкокошкой, скучать адептам не приходилось. И тому была *особая причина*... Одна, но какая!..

...Я покосилась через плечо соседки с кудрявыми и вздыбленными, как воронье гнездо, уже почему-то огненно-рыжими волосами (кстати, и белка успела цвет сменить!) и значки-закорючки в её блокноте вдруг ожили. «Скучилище-зубодробилище!» – таков был заголовок, под которым ухмылялись и корчили забавные рожицы танцующие кракозябры. Я хмыкнула: всё-таки у нас с тёмными больше общего, чем кажется. Одна кракозябра особенно напоминала препода и я не выдержала, прыснула. Спыхватившись, прикрыла рот ладонью, косясь при этом на мартышкокошку, но к нашей с Ломтиком радости вредное существо занимало себя тем, что шипело на призраков.

Призраки и были той самой особой причиной, которая не давала ни заскучать, ни расслабиться и могла скрасить и не

такое скучилище-зубодробилище.

В отличие от живых Привратники, с которыми нам всем вскоре предстоит встретиться и довольно часто, начисто игнорировали дисциплину. Они играли в кости, комментировали и острили, то и дело взрываясь загробным, леденящим душу хохотом.

К счастью, призраки бесили двухвостую вредину куда больше, чем мы с Ломтиком и Пыхом.

Если подвести итог того, что не побрезговал донести до нас, убогих профессор – все мы жалкие букашки, об Уровне выше Третьего нечего и мечтать.

— Если мечтать – то уж о Двенадцатом. – Буркнула под нос моя соседка, чьи волосы уже отливали нежной зеленью...

Её реплика пришлась как раз на паузу скривившегося препода и потому прозвучала на всю аудиторию. Ну и, конечно, смех мёртвых не заставил себя ждать...

Призраки вольготно развалились прямо за нашими студенческими партами. То обстоятельство, что они за ними ну никак не уместались Привратников не смущало ни коим образом и тем паче не останавливало. Кстати, пребывали они в том виде, в котором предстают у статуи Триединой в Первом слое Хаоса. Максимум звероподобности и максимум же объёма. Я уже знала, что именно так они и встречаются вновь прибывших возле Приёмной. А что же касается нашей первой встречи с Бонсайми, выяснилось, что Привратник тогда меня просто... пожалел.

— Уж больно растерянный вид у тебя был, козочка. — Ответил на мой немой вопрос Бонсайми, стоило мне войти в аудиторию и встретиться с ним глазами.

И — да, расхохотался, делая нам с Ломтиком козу гигантской ручищей. Впрочем, коза в исполнении Привратника дракошке понравилась. Он залился довольным писком и принялся хлопать крылышками.

Все мы, вновь прибывшие и поступившие — иномирянки здесь не одна, но кроме меня, землян больше не было — после сдачи Вступительного зачислены на Нулевой курс. Таких как мы адепты старших курсов зовут «нулевыми». Да, собственно, и фиг с ними — к нашему с Ломтиком счастью, «нулевые» мы не одни.

Поначалу будем заниматься в одной группе, а там как пойдёт.

Вообще это очень удобно. Учебный год в Морте начинается, как и у нас, осенью. А сейчас весна и у новичков есть время подготовиться к началу занятий.

Помимо общего курса «нулевым» предлагаются факультативы по интересам. А перед самым началом учебного года нас всех ждёт распределительный экзамен по определению Уровня. Об этом экзамене и говорил Иизакки — для меня это идеальная возможность сбросить балласт в виде кое-кого брюнетистого и наглого. Но дабы от этого балласта избавиться, нужно начинать подготовку к распределению прямо сейчас.

Дедушка вдруг тукнул меня по коленке и я, ойкнув, подскочила на месте. Привратники тут же загоготали, засыпали шуточками, что поляна не по кузнечику и я поняла, что о моих прыжках по Хаосу в Морте не слышал разве что глухой. Дедушка же на мой нахмуренный вид только мотнул косматой головой в сторону препода.

Тот как раз перешёл от нашего уничтожения к вещанию о Слоях Хаоса и, соответственно, об Учебных курсах Академии Морте.

Первый Слой мы все наблюдали на Вступительном. Поэтому профессор на нём особо не останавливался. Мир духов, мир мёртвых. Сумрак... Что ещё о нём сказать? Вечный Сумрак...

Второй – уже показался мне интереснее. По крайней мере, название Слоя интриговало: Сны. Или по-другому – Грёзы.

— Разумеется, не каждый ваш сон – путешествие в Хаос. – Скривился лектор на чей-то глупый, по его мнению, вопрос о снах. – Но то, что, обладая нужными навыками и силой, можно переместиться на один из слоёв Хаоса прямо во сне, факт. Да, для этого не нужно умирать, и всё же я бы на вашем месте осваивать эту лазейку не спешил.

— Там небезопасно? – с придыханием спросил блондин в круглых синих очках за первой партой.

— Забудьте это слово. – Бросил ему некромант свысока. – На Втором слое Хаоса это непозволительная роскошь.

— Безопасность? – с азартом уточнил ещё один парень.

— Память. – Отрезал профессор. – Если не замечали – с ней во сне перебои.

И он впервые за всю лекцию усмехнулся. А двухвостая мартышкокошка оскалилась.

— Реальность на Втором Слое зыбкая, ненадёжная. Пластичная, но... неподготовленным умам там может... мягко говоря, не понравиться.

— Умам? – вырвалось у меня.

— А вы как думали, нейтири Дракон? – ехидно поинтересовался препод и все головы в аудитории обернулись на нас с Ломтиком. – Вообразите себе свой самый страшный кошмар... Ведь вы чего-то боитесь, нейтири?

— Все чего-то боятся. – Сглотнула я.

— Именно. – Ослабился некромант. – Чего же боитесь вы, нейтири?

— Привидений!!! – басом подсказал прямо на ухо Бонсайми и я подпрыгнула, а вся аудитория так и покатилась с хохоту.

Вот только препода было не так просто сбить с мысли.

— Все боятся за близких, нейтири Дракон. – Выразительный взгляд на Ломтика. – Все боятся боли... Так вот – чего бы вы ни боялись, оно покажется вам лёгкой прогулкой по сравнению со Вторым Слоем Хаоса.

— Но ведь я могу уйти на Третий Слой? – не выдержала я. – Или на худой конец, вернуться на Первый...

Профессор пожал плечами со скучающим видом.

— Можете, кто спорит, вот только... вы просто не вспомните об этой замечательной возможности! Не вспомните, что именно *вы* управляете сном. Потому и не выберетесь из него. Никогда.

Я снова сглотнула, но профессор уже утратил ко мне интерес. Развернувшись спиной, он продолжил вышагивать между рядов.

— Я слышала, что в Немой башне *спят*. Адепты. – Шепнула на ухо соседка, успевшая снова порыжеть. – Узники Хаоса, узники Грёз... Здесь они по-прежнему спят, представляешь? Вечным сном.

Прозвучало жутко. И – руку готова дать на отсечение – препод её услышал. Однако комментировать не стал. Ни подтверждать, ни опровергать. Просто... продолжил лекцию.

— То ли дело Третий Уровень. Он называется Мыслеформы. Или Реальность. И в какой-то степени он похож, да... На Трёхмерную реальность.

Тут же выяснилось, что рядовые некроманты, как правило, наёмники – о них профессор вещал с лёгким оттенком презрения (не с таким, как о нас, но всё же) – как правило, выпускники Третьего курса Морте. Существует даже программа лояльности для неимущих магов. Научившись уплотняться в Хаосе и становиться недосягаемым для низшей нечисти Первого-Второго Слая, некроманты обучаются эту самую нечисть упокаивать – а что ещё нужно наёмникам?

Так что после освоения Третьего Слая у адептов Морте

появляется возможность зарабатывать, и зарабатывать хорошо. Часто сами дальше не идут, насколько я поняла.

Я невольно покосилась под парту.

— Интересно, с какого Слая пришёл ты, Дедушка? – шепнула я.

— Пых, – шепнули в ответ.

— Большой вопрос. – Ухмыльнулась рыженькая, тоже бросая взгляд под парту.

О Высших Слаях профессор вещал неохотно.

Четвёртого, Энергии или Силы коснулся лишь вскользь, отмахнувшись от возмущённых нас и заявив, что мы всё равно не поймём. Пока в себе не откроем...

— Пятый – Творчество. Или Воплощение...

– Лабиринт! – вырвалось у меня. – Его создали адепты, дошедшие до Пятого курса!

— Лабирии-инт!!! – подхватили Привратники и, сделав волчьи морды, дружно завыли на заплясавшие в воздухе импровизированные луны.

А нас с Ломтиком тут же «премировали» общественной нагрузкой, наказав вымыть склянки после лабораторной. Которая, к слову, через минуту...

— Как это – лабораторная?! – тут же возмутились адепты.

— Нас не предупреждали!

— А ещё о Высших Уровнях рассказать?

— Так нечестно!..

Профессор обвёл аудиторию взглядом – и угомонились

все, включая Привратников.

— Очень советую сперва дожить до Высших уровней. — Отрезал он. — Дети.

Мартышкокошка уже скакала по партам, расставляя перед адептами закупоренные склянки с густой розовой жидкостью.

— Ух ты! Высшая алхимия! — обрадовалась соседка по парте.

— Мечтайте, нейтири. — Меланхолично пожал плечами профессор.

— Нет, серьёзно, ну скажите хотя бы на каком Курсе учат оживлять приборы с помощью добытых в Хаосе Зелий?

Вопрос блондина в синих очках препод проигнорировал. Как и все вопросы, что последовали за ним.

— А на каком создают существ?

— А правда, что на Двенадцатом Уровне умирать для того, чтобы ходить в Хаос, обязательно?

— Это же бессмертие, ну скажите?

— Маги потому и живут так долго, они ведь одной ногой в Хаосе?..

Наступившая тишина была такой внезапной, что оглушила.

Все задававшие вопросы продолжали открывать и закрывать рты, вот только не раздавалось больше ни звука.

— Посмотрим, как вы спровоцируете Хаос с помощью эмоций, лишённые возможности болтать попусту. — Съехид-

ничал препод, разжигая очередной приступ призрачного веселья. – Итак, ваша задача, нейтири и нуори – открыть склянку без помощи рук. И соулов. Время!

И он перевернул неизвестно откуда взявшиеся и зависшие прямо в воздухе песочные часы.

Напряжённое молчание длилось пару секунд, не дольше.

Затем «нулевая» аудитория взорвалась суетой и нестройным хором.

— Эй!

–

Тук-тук!

–

Есть кто живой?

— Выходи!

— Выбирайся!

— Давай, выбирайся, розовый ублюдок! – неслось со всех сторон.

— Выходи, поговорим! – запальчиво восклицали адепты и жижа лениво булькала в ответ. Вот только выбирать из склянок не спешила.

— Ах ты, мой хороший! – пискнули за моей спиной и я обернулась. У розовощёкой блондинки начало получаться: жижа пустила «росток» с бутоном, который медленно, но уверенно устремился к крышке.

Хмыкнув, будто что-то поняла, моя соседка склонилась над своей склянкой. Что она нашёптывала, мне не было

слышно, но спустя минуту по стеклу перед ней потянулись розовые завитки...

А спустя ещё десять выяснилось, что у меня начисто отсутствует способность к управлению Хаосом.

К этому времени жижа забулькала даже у «молчунов», правда, никому из них ещё не удалось спровоцировать Хаос настолько, чтобы выбить пробку... Вот только в нашей с Ломтиком склянке царил полный штиль и безмятежность. Дракоша помогал как мог: прыгал вокруг, по-куриному хлопая крыльями, фыркал гарью и возмущённо пищал. Я успела перебрать все методы – от похвалы до ругательств, вот только на меня Хаос не реагировал.

Игнорил жёстко!

Препод кривился, адепты хихикали, Привратники откровенно ржали. Что касается Дедушки – он начисто отказался во всём этом участвовать.

— Вот вам и дракон. – Подытожил довольный профессор. – Уровень, который вы продемонстрировали в моменты крайнего стресса – ничто, пшик, нейтири Севёри. Способность к управлению Хаосом проявляется лишь тогда, когда свои собственные эмоции вы держите под контролем. И это по силам лишь избранным.

— Есть! – раздалось над ухом. – Ю-хуу!

Соседка по парте с гордостью продемонстрировала приоткрытую крышку. Хаос в её банке пенился и переливался через край.

— Неплохо. – Кивнул препод, нахмурившись. Мне показалось, что в его интонациях послышались удивлённые нотки. – Можете быть свободны, нейтири.

Подхватив розовую белку, некромантка унеслась.

Я машинально обернулась на открывшуюся дверь и вздрогнула: в проёме застыл Тиму Петтери. Самоуверенный, наглый, выглаженный и причёсанный и... блистательный, чтоб его.

— Мне бы новенькую украть. – Сообщил он, поздоровавшись. – Ненадолго. На полчасака всего. Потом верну, честно-честно.

Раздалось слаженное «ах!» и препод, выкрикнув слово на неизвестном языке, выбросил в мою сторону руку.

Я часто заморгала: в воздухе вокруг меня кружили осколки банки. Хаос же вился позёмкой, стелился по парте розовым снегом.

Профессор, нахмурившись, перевёл взгляд с Петтери на меня, затем опять на пятикурсника, и опять на меня. Кивнул каким-то своим мыслям и дал добро.

— Забирайте, Петтери. Только вернуть не забудьте – ей ещё аудиторию мыть.

— Вы сказали, только склянки. – Решила я проявить характер.

— Это было до того, как вы начали их бить. – Парировал профессор.

Глава 9

Тиму Петтери

Снорхи его дёрнули целовать новенькую!

Так что сам виноват. Сам...

Сам подставился. Оплошал. Влип.

Жалел ли он? Вот уж вопрос вопросов...

...Рядом с Туули очень легко дышалось. Будто некий неуловимый, но осязаемый морозец окутывал его незримым коконом. А когда новенькая двигалась – этот морозец стелился позади легчайшим шлейфом, вился и колыхался, откликаясь на малейшее её движение: шаги, биение сердца, дыхание... Оно у новенькой тоже было лёгким.

Пожалуй, даже слишком лёгким и свежим, как северный ветер.

Светлая природа её магии почему-то особенно ощущалась во время этих оглушающих внутренним звоном поцелуев, щедро и беззастенчиво наполняя его какой-то очень чистой, почти детской радостью и желанием свершений.

Ну это Тиму себе так объяснял, что свершений.

Потому что рядом со светошей желания его просто переполняли. Самые разнообразные и далеко не все приличные. Особенно одно... Оно, как ни сопротивлялся ему Тиму, лишь росло и крепло.

Ну, где такое видано, а?

Это ведь светлячки должны лететь на тёмное пламя!

Это светоши обязаны сходить с ума, терять контроль и вообще всячески изнемогать в присутствии хозяев Хаоса. Тёмных. Тем более в такой непосредственной близости от тёмного источника...

И всё же чем больше Тиму вглядывался в её черты, да что там вглядывался, девчонка с белыми, как снег волосами категорически отказывалась выходить у него из головы, дразня и растравливая мыслевзор, тем сильнее и крепче становилось это желание.

Ту-у-ли... Ветер...

Туули Севèри – Ветер Севера.

Имя ей подходило чрезвычайно.

Пожалуй, она и была самым воплощением северного ветра... Думая так, Тиму кривился и посмеивался – мог ли он прежде заподозрить в циничном и недоверчивом себе подобную поэзию...

Видит Хаос, он сопротивлялся этому новому... Проклятье Привратников!.. он ведь даже не мог дать годной дефиниции происходящему с ним...

Чувство? Эмоции? Желание? Навязчивые мысли?

Целый несуразный скоп какого-то неправильного мироощущения, не желающий реагировать на приказы, угрозы и уговоры хозяина – не смотреть на Ветер Севера, перестать думать об этой мелкой прыгучей занозе!

Да что ж в ней такого этакого, кроме разве что дракона-со-

ула?.. да этой неуловимой... покусывающей за щёки и губы свежести...

Ведь обычная девчонка. Ну решительно ничего выдающегося. Ну, глаза... широко распахнутые, по-кошачьи зелёные, очень светлые... Ну, улыбка... озорная и лучистая... и смех... ох уж этот её смех.

...Его память хранила не так много детских воспоминаний. Лишь самые яркие, самые острые. Самые запоминающиеся.

Как, например, та картина, проступившая некогда в полумраке отцовской библиотеки...

Маленький Тиму ловил сверчка, в которого обернулась капризная Йолка. Замешкавшись под массивом чёрного дуба, он сперва услышал приглушённые голоса, а затем, выглянув, увидел их: отца и какую-то постороннюю женщину.

Всегда собранный, чопорный герцог был непривычно раскрасневшимся, растрёпанным и... каким-то растерянным. Это поразило маленького Тиму даже больше того невозможного обстоятельства, как то, что отец сжимал незнакомку в объятиях и... целовал, целовал, целовал без передышки.

— Твои губы – мой горький источник. – Шептал герцог в перерывах. – Чем больше пью из него, тем больше жажду...

Вскоре после того случая мама ушла...

Маленький Тиму связал оба этих события воедино и твёрдо решил, что никогда не простит отца. Никогда и ни за что.

Повзрослев, он решил, что понял... настолько, насколько

вообще возможно было понять такое... Он никогда и никому в этом не признавался, даже самому себе, но так и не смог отпустить детскую обиду.

К тому же проклятая фраза о горьком источнике намертво въелась в память и, как Тиму ни пытался изгнать её, убираться ну никак не желала.

Что удивительно – сейчас Тиму по-настоящему понял. Не герцога, нет. Ту фразу. Метафору... Некромант осознал её. Прочувствовал нутром. Ощутил собственными губами и кончиками пальцев...

Ощутил вместе с нежным и свежим привкусом её мягких, податливых губ. Вот только поцелуи Туули горькими не были. Наоборот.

Они были какими-то неуловимо тонкими, прозрачными, трогательно кроткими и завлекающими в свою морозную свежесть всё дальше, всё сильнее... Всё основательнее.

Они были нежными, податливыми... Притягательными.

А ещё целуя светленькую, Тиму Петтери чувствовал себя всесильным.

И это было совершенно необъяснимо.

И ни на что, решительно ни на что не похоже.

...Вся эта рефлексивная чушь единым потоком неслась в голове Тиму Петтери, когда он шёл к аудитории, где вёл вводную лекцию для «нулевых» профессор Онни.

Будучи прекрасно осведомлённым о том, что истинная провокация Хаоса ведётся в данный момент на Пятом уров-

не Лабиринта, Магистр не отказал себе в удовольствии всласть поиздеваться над новенькими: конечно же, розовая субстанция в склянках была лишь ширмой. На самом же деле Хаос таился в самом стекле. Наевшийся досыта предельными эмоциями старшекурсников он практически не реагировал на наивные поползновения новичков.

Тиму не осуждал Магистра Онни. В конце концов, каждый имеет право на слабость.

Вот только того, что у светленькой получится, не ожидали оба.

По лицу Магистра Онни Тиму сразу понял: тот списал крохотную победу Севèри на появление её тёмного напарника и, что логично и предсказуемо, решил понаблюдать за ними. Ох уж эти наблюдатели. Всегда-то они невовремя.

Сам же Тиму отчётливо уловил злость светоши.

А ещё – раздражение, досаду, обиду и... стыд.

Одним словом, взрывоопасный – в самом прямом смысле – коктейль эмоций.

И злости в этом во всём было больше всего.

Чудна́ человеческая природа – он ведь шёл сюда с мыслью, что нужно быть помягче с новенькой. А встретив подобный приём, осатанел.

То, что светоч продемонстрировал им с Магистром (нулевые, конечно, не в счёт, но всё равно обидно) было совсем не тем, что именно он, он, Тиму Петтери желал ощущать от новенькой.

Полыхающие голубыми зарницами сполохи в её ауре были до того острыми и колючими, что их можно было запросто принять за мириаду ледяных игл.

Да что ей *ещё* нужно, в конце-то концов?!

Он, тёмный, адепт Пятого уровня, можно сказать, состоявшийся некромант – сила и доблесть всея Ракастава’Аите – носится со светошей, как типладок с яйцом, всячески выкалывает ей своё расположение, знаки внимания, опять же... Да он лично пришёл за ней, а ведь мог *приказать* явиться! И шиш бы ослушалась: ведущий в их связке – он, как ни крути.

А эта пигалица северная ещё нос воротит... Вот уж правда, пришла метель откуда не ждали.

— Куда мы идём? – чуть ли не сквозь зубы поинтересовалась Севèри.

Она вышагивала рядом с гордо задранным подбородком и нервно поглаживала дракона. Следом, пыхтя и подпрыгивая, то и дело пуская по мозаичной плитке позёмку, семенил загадочный «ледяной гном». Только бы не назвать его так в присутствии настоящих гномов... Вот где она его взяла, а? И чем умудрилась так очаровать высшую нечисть, что та встала на её защиту?

...Сгрести бы её в охапку, впиться хозяйским поцелуем в губы, что так старательно и демонстративно кривит... Уж он-то точно знает цену этому её напускному сопротивлению.

Как, впрочем, знает и то, что надолго его не хватит.

— Тебе понравится. – Нарочито резко ответил Тиму и

подтолкнул новенькую ко внезапно открывшемуся в стене коридору.

Туули Севери

Если Петтери думал напугать меня распахнувшейся пастью портала – он крупно просчитался. Так что пусть выкусит.

Потому что портал у него получился классным! Ломтик тоже был в восторге от концентрированной, потрескивающей огненными прожилками магии. Довольно попискивая, дракошка лизнул меня в подбородок. И Тима тоже собирался лизнуть в знак крайней признательности, но я, понятно, не позволила. Зато из рукава некроманта вдруг высунула голову причёсанная на прямой пробор змейка и с изумлением захлопала глазками.

Вышли мы уже совсем в другом месте. Это тоже был коридор, только в отличие от прошлого, «зелёного», стены здесь были тёмно-синими, усыпанные звёздами и объёмными шариками планет и спутников. А ещё здесь были статуи. Большинство скульптур прикладывало указательные пальцы к губам, будто уговаривая прохожих быть потише. Остальные зевали, прикрывая мраморные рты ладонями, а кто-то и вовсе дремал, прислонившись к стене или даже свернулся клубочком на постаменте.

— Мы где это? – не выдержала я, с любопытством крутя головой.

Демонстрировать некроманту интерес не хотелось. Но

пойди ты, захлопни варежку, когда одна из статуй вдруг оторвала заспанное лицо от сложенных ладоней и заругалась на нас свистящим шёпотом.

Тиму на её ругань никак не отреагировал. И мне не ответил.

— Вот. – Протянул он бланк с круглой печатью Магистру, с плеча которого свешивалась сонная голубая куница.

Магистр покачивался в кресле-качалке за длинным столом с золочёной табличкой:

«Профессор Дримлин, заслуженный Сонолог высшей степени»

Профессор Дримлин принял бланк из рук Петтери и тот вдруг сам собой занялся синим пламенем, которое, впрочем, вреда пальцам Магистра не причинило. По мере горения бумага таяла в воздухе.

Я же ошалело вертела головой, мысленно умоляя свой рот закрыться и перестать изображать букву «о».

Вот только ох как непросто это мне далось!..

Начиная с того, что в наполненной таинственным полумраком аудитории вместо парт стояли кровати и заканчивая тем, что в этих кроватях – спали. Прямо сейчас, днём, спали. Адепты. И кто-то даже вывозил звучные рулады носом.

Я уж решила, что Петтери притащил меня в пресловутую Немую башню, которой давеча пугала соседка, в конце концов, с этого ненормального случилось бы, но тут препод закончил читать благополучно догоревший бланк и снова обратил

внимание на нас.

— У вашей напарницы недопуск к Хаосу, Петтери. – строго проговорил он шёпотом.

— Вы не так поняли. – Покачал головой некромант. – Севèри к вам на занятие притопала, все уши мне о Грёзах прожужжала, покажи да покажи. А в Хаос иду я.

— Ах, вон оно что. – Тут же расслабился Магистр и улыбнулся ничего не понимающей и уж точно не помышляющей о жужжании или о чём-то подобном мне. – Значит, Грёзами интересуетесь, нейтири Севèри? Добро пожаловать, в таком случае. С краткой инструкцией по погружению можно ознакомиться...

— Да познакомились уже. – Радужно заверил его Тиму, пожимая руку. Я даже не думала, что у некроманта может случиться такое благодушное выражение лица и такой голос. – Самым подробным образом!

— Ну-ну. – Неодобрительно покачал головой профессор Дримлин и указал на две свободные кровати у стены. – В таком случае... прошу. И всё же я бы на вашем месте не спешил.

— Хотела убить меня, сладкая? – подмигнув, шепнул Тиму, по-хозяйски разваливаясь по центру своей кровати и натягивая одеяло. – Ну так убей. Только быстро. Время сейчас дорого.

Спящий человек всегда выглядит трогательным и безза-

щитным. И, независимо от возраста, становится похож на ребёнка.

Петтери не стал исключением – даже в силу вредного, да что там вредного, откровенно мерзкого характера. Лоб его разгладился, губы смягчились, глаза пустились в пляс под веками – и это пока я, всё ещё не веря в происходящее, хлопала ресницами. Не стоит судить меня строго. Одно дело – рассказ Магистра Онни, придём довольно поверхностный и совсем другое – наблюдать всю эту сонную вакханалию воочию. Больно уж сюрреалистично выглядела «сонная» аудитория... А некромант уже всюду смотрел сон...

— Ай-ай, так и знал, что насчёт вводного инструктажа соврали. – Прошептали над ухом, и я нервно оглянулась на стоящего за спиной препода.

— Ложитесь уже, нейтири. – Продолжал он нетерпеливо. – Не задерживайте.

Я поспешно уселась на соседнюю с Петтери койку. Ломтик тут же соскочил с рук и завозился на подушке, сворачиваясь калачиком. Счастливый и довольный, дракошка устраивался поудобнее. Пых, кряхтя, тоже забрался на кровать, но укладываться не стал. Замотавшись в край простыни, он, скрестил короткие ножки перед собой и застыл в этой суровой, но в его случае – непривычной и потому комичной позе нахохленным воробьём.

— Простите. – Шепнула я преподау на всякий случай.

Кто знает, как Главный Соня отреагирует на такое пове-

дение «высшей нечисти», как тут модно ругать Дедушку...

— Мне то что. – Зевнул, прикрыв рот ладонью, препод. –
Ваша нечисть. Если вас всё устраивает...

— Устраивает, – поспешно закивала я. – Только...

— Ну? Смелее, Севèри. Не мямлите. Вы срываете мне лекцию.

В этот раз у меня даже «простите» вымолвить не получилось. Вместо этого просто часто заморгала с открытым ртом. Но спустя секунду взяла себя в руки. Не мямлите! Нет, ну каков, а? Хорошо им тут: то спят на лекциях, то на розовую жижу орут, а то вовсе помирают и по Хаосу скачут кузнечиками. Обычные дела, ничего особенного!

— Боюсь, у меня так быстро, – я поспешно кивнула в сторону посапывающего Тиму, – уснуть не получится.

Препод попытался изобразить строгость, но не выдержал, хихикнул самым непедagogичным (по меркам моего родного мира!) образом. Сам же себе закрыл рот ладонью и прошептал, отмахиваясь от меня, как от назойливой мухи:

— Не дурите мне голову, нейтири. Просто ложитесь.

После чего устроился в кресле-качалке, позёвывая.

Пожав плечами, я нырнула ногами под одеяло, лёгкое и очень пушистое, упёрлась стопами в мягкий тёплый бок Пыха... Вот же чудо-юдо на мою голову! Снежный, а как будто горячий. И мягкий... Интересно, почему так? Вот только додумать эту несомненно важную мысль не успела: стоило голове соприкоснуться с подушкой, как веки налились свин-

цом, и я провалилась в сон.

Глава 10

Очнулась я в залитой мягким, чуть подвижным и бликующим светом аудитории. Обнаружив себя за партой, сообразила, что вижу сон. А затем заметила розовое, всё в радужных облаках небо за высоченными арочными окнами и окончательно убедилась в зыбкой природе своей новой реальности.

— Пиу. – Тихонько пискнул Ломтик, который был почему-то розовым и покрытым мягкими пёрышками.

— Пиу, – пискнула в ответ малышу и с нежностью чмокнула его в мордочку. – Как же прикольно!

Совсем рядом фыркнули. Оказалось, что Петтери тоже был здесь – некромант сидел рядом и прилежно выводил какие-то закорючки в блокноте.

— А вот и вы, нейтири. – Обернулся профессор от висящего в воздухе куба, на прозрачной поверхности которого размашисто писал какие-то незнакомые символы и фигуры. – Не прошло и полгода.

— А Магистр Онни говорил, в Грёзах начисто отшибает память. – Наябедничала я, решив пропустить мимо ушей пассаж про полгода. – А я себя помню. Ух! То есть осознаю, я хотела сказать.

— Это учебная территория, – рассеянно кивнул профес-

сор Дримлин. – Управление Грёзами – серьёзный этап освоения Хаоса, не советую им пренебрегать.

Я закивала с таким жаром, что Магистр оттаял.

— Просто попытайтесь открыть книгу перед вами, Туули. – Предупредил он мой уже соскальзывающий с кончика языка вопрос. – В лекцию вам вникать пока рано, поэтому сильно не напрягайте мозг. А если сможете что-то написать в тетрадь, хоть снорха лысого там нарисуйте – с меня кружка чокко и любой десерт на ваш выбор.

Что удивило – адепты практически не отреагировали на наше с Ломтиком появление, не оборачивались и не пялились. И хихикать в ответ на шутку препода не спешили. Каждый старательно писал в свою тетрадь, причём некоторые аж языки от усердия высунули. Приглядевшись, я заметила, что двигаются они, в отличие от Магистра Дримлина, немного замедленно, будто под водой, силясь преодолеть некое сопротивление.

Спустя секунду мне стало понятно это всеобщее усердие. Книгу открыть, говорите? В тетрадь запись сделать? Рука просто прошла сквозь стопку брошюр передо мной! О том же, чтобы поднять ручку, не говоря уж о том, чтобы удержать её в непослушных пальцах, не могло идти и речи!

Я так увлеклась попытками подцепить со стола злосчастную письменную принадлежность, что на какое-то время забыла, по чьей милости здесь нахожусь. И когда меня потрогали под столом за колено, ойкнула, подпрыгнув на месте,

как ужаленная.

— Севèри. – Устало оглянулся на меня препод. – Сей-час-то что?

— Ручка. – Пискнула успевшая прийти в себя я. – Ручка... уворачивается.

Не говорить же, что меня под столом кто-то трогает? Сты-да ведь не оберёшься!

Раздались сдержанные смешки и все опять вернулись к лекции.

А меня потрогали за колено снова и я зашипела от злости. Что было совсем ни в какие рамки – обе руки Тиму лежали поверх стола!

Нет, я это не к тому, что предпочла бы конечности наглого брюнета на своих коленях!..

Просто поклясться была готова: трогал меня именно он!

Недоумевая, я осторожно заглянула под парту и в следующую секунду меня рывком утянуло вниз.

Кувырок – и наклонная поверхность парты тюкнула по макушке, а затем стремительно унеслась куда-то вверх.

— Нет времени объяснять, светленькая, – не пойми откуда взявшийся Тиму притянул меня к себе и накрыл мои губы своими.

Поцелуй в Грёзах... Боги Ракастава'Аите, да я ничего восхитительнее в жизни не испытывала! Может потому, что стоило мне соскользнуть с края кресла, как память-таки тут же отшибло, как и предрекал Магистр Онни? Не начисто, но

всё же довольно ощутимо – голова превратилась в воздушный шарик, а тело от близости властного и соблазнительного некроманта налилось лёгкостью и предвкушающим трепетом...

Время споткнулось.

Мир застыл.

И губы Тима замерли, делая и без того нежный поцелуй каким-то до невероятности пронзительным и глубоким...

И вот я окончательно утонула в каком-то волшебном космосе, совершенно не смущаясь ни некроманта, ни собственно поцелуя... причём поцелуя прямо в аудитории, под партой!..

Снорхи! – как здесь принято выражаться... Да я с трудом вспоминала, где нахожусь!.. Таким правильным и естественным казалось происходящее.

Самым правильным из всего, что вообще могло со мной произойти...

— А теперь просыпайся и стереги тело. – Вырвал меня из этого волшебства голос Тиму. – Разбуди меня ровно через десять минут.

Что было обидней всего – вот этот его приказной тон. Ровный. Холодный какой-то. Безэмоциональный.

Неужели это он только что целовал меня, будто пил и не мог напиться?

— Смелая просьба, Петтери. – Фыркнула я, высвобождаясь из его объятий. Впрочем, окончательно отстраниться

мне дали, плечи не выпустили. – Особенно в твоём случае.

Я с любопытством заозиралась, обнаружив себя по-прежнему сидящей за партой, рядом с Петтери, всё ещё отчаянно пытающейся оторвать от гладкой поверхности стола ручку.

Снорх меня знает, как это всё снизу разглядеть удалось – просто столешница была прозрачной и непрозрачной одновременно. И, если уж на то пошло, теперь «те» Тиму и Уля, что за партой остались, были маленькими, как мы совсем недавно. А мы «настоящие» – большими и прозрачными, как желе. И нас никто не видел! Звучит, конечно, чудно, даже бредово, но ведь во сне случается и не такое!

— Очень не хочется, чтобы ты восприняла это как просьбу, Ули. – Вновь развернул к себе тёмный, впиваясь пристальным взглядом в лицо.

Я невольно вздрогнула.

Ули... Почти как родное, привычное Уля...

Никто здесь так меня ещё не называл.

— Может, объяснишь всё-таки, что происходит? – приняла я решение не ссориться. В конце концов, странно браниться с тем, с кем только что целовалась, причём так, что в ушах флейты пели, пространство вокруг звенело. И если уж на то пошло... Не только Тиму Петтери был инициатором... всех... поцелуев.

Хоть он и гад, конечно. Кто ж спорит.

— Так я ж сразу объяснил, – ухмыльнулся некромант и вдруг каким-то нежным движением отвёл локоть от моего

лица.

— Ты о том, что нет времени объяснять?

— Умница! – прозвучало неожиданно тепло и почти совсем не издевательски.

Он бросил взгляд куда-то за моё плечо и нахмурился. Я машинально обернулась. Ломтик – почему-то уже зелёный, в венке из одуванчиков – задрав мордочку, пристально всматривался в нашу сторону.

— Дракон нас спалил. – Одобрительно заметил Тим. – Молодец. Давай, светошка, шевели булками. Время не ждёт.

И – гад такой! – самым недвусмысленным образом придал мне ускорения, шлёпнув по этим самым «булкам»!

Да так звонко, что я так и подскочила в кровати на сон-лекции!

— Ах ты ж, зараза такая!!!.. – прошипела я, сжав кулаки и тут же поспешила убедиться, что никого не разбудила.

— Пых, – деловито отчитался о произошедших за время моего сна событиях, единственный недремлющий в этом сонном царстве, Дедушка. – Пых...

И он бросил лукавый взгляд в сторону спящего Тима.

Я же прищурилась и мстительно потёрла ладони.

Сразу не разглядела письменных принадлежностей на тумбочках у кроватей. Должно быть, это на тот случай, когда срочно нужно запечатлеть некое откровение, открывшееся в Грёзах. Или, скажем, лекцию дописать...

Вот только мне все эти их цветные карандаши с ручками

сейчас как нельзя кстати.

Кормушка, говорите?

Ну так смотрите внимательнее – сейчас вылетит «птичка». Или «рыбка». Выплывет. А может, и «свинка» выбежит. У меня с рисованием с детства как-то не сложилось.

И пальцы от злости дрожат.

От злости... и предвкушения!

— Ну, как-то так. – Подмигнула я с интересом наблюдающему за моим художеством Дедушке.

Птичка из Тима не вышла. Свинка тоже не задалась.

Зато получилась некая – весьма очаровательная, кстати, помесь котика и совы. Этакий Котище-Совище. Но котище, пожалуй, больше. Если справа смотреть...

Соули Тиму, которая в образе полосатой котейки дремала рядом, свернувшись клубочком, (что и послужило, собственно, вдохновением), время от времени приоткрывала жёлтый глаз, поглядывая на меня неодобрительно. На какой-то момент показалось, что это Тиму следит за моими художествами глазами своего магического спутника, но всё же если б то был некромант, уже вскочил бы, как пить дать, дабы задать наглой новенькой жару. Йолка же, муркнув в усы что-то ругательное, снова засыпала.

— Родила царица в ночь не то сына, не то дочь. А что, на поросёнка тоже похож, кстати. Тут как присмотреться...

— Пых! – шепнул с моей кровати Дедушка, качнув головой в сторону циферблата-пузыря в воздухе. – Пыыы-ых!

— Да помню я, помню, – машинально ответила странному существу, которое, понятно, знать о просьбе Тима ну никак не могло. – Я почти закончила. Ну ведь хорошо получилось, а оценить некому. Так что не вредничай.

Нанеся последний штрих, то бишь последний кошачий ус, украсивший холёную моську тёмного, я аккуратно сложила письменные принадлежности и осторожно потрясла Тиму за плечо.

— Эй, Петтери... Подъём. – Позвала я. – Пора вставать. Ноль реакции. И это неприятно насторожило.

— Не спи, – потрясла я уже увереннее. – Замёрзнешь!

Присмотрелась к некроманту повнимательнее – и брови сами собой сдвинулись к переносице.

Надо сказать, в процессе моей самостоятельности тёмный почивал богатырским сном – и в этом не было никаких сомнений. Теперь же... Теперь с ним творилось что-то странное.

Странное и очень настораживающее.

Неприятно так настораживающее.

Кожа некроманта – в местах свободных от моих художеств, конечно – стремительно бледнела, наливаясь какой-то неприятной синюшной серостью, глаза запали. Ещё мину-ту назад крепкое, горячее, и, чего греха таить, приятное на ощупь тело стало холодным... оочечевшим...

— Умер? – спросила я вслух и сама же себе ответила: – Нет...

— Пых. – С видом знатока покачал косматой головой Дедушка. – Пых-пых-пых...

С некромантом продолжало твориться странное.

Будто кто-то невидимый стремительно пил из него краски.

Пил вместе с жизнью.

Вдруг проснулась Йолка. Странно дёрнувшись, будто в параличе, соули лизнула мне руку и завалилась на бок.

Это уже было ни в какие ворота!

Петтери, конечно, засранец и вообще мерзко-доминантный тип с альфа-самцовыми замашками, но чего бы с ним ни происходило, этого я ему не желала...

А вид соули, которая, колотясь, принялась таять на глазах и вовсе резанул ножом по сердцу.

Запищал, прыгая у кровати тёмного, Ломтик.

Пришлось посадить малыша и он тут же принялся лизать Йолке мордочку и фыркать паром, будто пытался помочь той удержаться в этой реальности.

В глазах бедной соули застыл немой крик: «Помоги!»

Меня прошибло этим призывом так отчётливо и так остро, что стало вдруг ясно, как день: прямо сейчас, вот сию секунду Тиму Петтери угрожает что-то пострашнее смерти.

От этого осознания озноб прошил. Бросило в ледяной пот. Внутри словно оркестр вразнобой заиграл.

Я взволнованно оглянулась на пыхтящего, как чайник, Дедушку. Тот внезапно вытянул трубочкой губы и чмокнул воздух. Вот только глаза у Пыха были серьёзные. И жестикулировал он так отчаянно, будто изо всех сил уговаривал меня торопиться.

Я сделала глубокий вдох и выдох.

То, что светочи для тёмных – проводники силы в Хаосе, я уже в курсе.

Вот только каким снорховым образом происходит передача этой самой силы, мне пока никто объяснить не удалось!

В том числе мой тёмный напарник, который в силу этой своей глупой таинственности сам себе «злое буратино»!

Иизакки говорил, что на ближайших занятиях по управлению энергией всё подробно расскажут и покажут... Но ведь Тиму подпитывался через меня, в этом никаких сомнений. Причём как-то хитро, не от меня, а именно через меня!.. Иначе как объяснить то, что после путешествий по Хаосу в компании заносчивого тёмного у меня у самой всегда прибавлялось сил? В отличие от того же Вступительного, когда была одна, или когда была с Иири...

Стрелка часов с неумолимой быстротой ползла по циферблату.

Десять минут прошли ровно пол... нет, уже минуту назад. И вот что делать-то?

Профессора Дримлина будить?

Но в двух словах всего не объяснишь, а ведь каждая секунда на счету... К тому же вряд ли у них тут поцелуи между напарниками прописаны правилами... Снорхи меня дери! Есть ли у меня выбор?

— Да поняла я, поняла, — отмахнулась я от Пыха, который вслед за Ломтиком перебрался на кровать Тиму, и, дёргая меня за рукав, пыхтел уже не как чайник, а как целый паровоз. — Поцелую, поцелую, если это поможет. Надеюсь, это не превратит его обратно в лягушку. Хотя туда ему и дорога, если честно.

Я склонилась над разрисованной моськой тёмного. От него пахло черникой, апельсином и ещё какими-то фруктами. Не от него, конечно, от цветных чернил на его коже... Осторожно припала к покрытым краской губам. И тут мир вдруг совершил кувырок, а я понеслась в пропасть.

Я снова была в «северной локации», или как она у них тут обзывается.

На этот раз меня вышвырнуло на вершину пологого холма, откуда открывался вид на потрясающий красотой и гармоничностью пропорций ледяной замок с четырьмя башнями и шпилями, украшенными хрустальными звёздами.

Заметив, что перенеслась я вместе с Дедушкой, чуть в пляс не пустилась от радости.

— Пых. — Одобрительно пыхнул снежный гном и я каким-то чудом поняла его.

Дедушка напомнил мне, что Ломтик остался с Йолкой, что и логично.

Услышала я в коротком «пыхе» и краткий рапорт-извещение о том, что, во-первых, дракончик ещё маленький для путешествий по Хаосу, ну да это я и без Дедушки знала, а во-вторых, Йоле сейчас, как никогда нужна помощь: соули изо всех сил удерживает связь Тиму с реальным миром.

И вот это было уже серьёзно.

— Тиму!!!

Показалось, или у ворот замка мелькнул силуэт, похожий на некроманта?!

Но стоило мне рвануть следом, как ноги вдруг по колено увязли в обманчиво-снежной, а на самом деле туманной каше Лабиринта.

Снорхи!!!

Я и забыла, что без помощи Петтери я здесь как слепой котёнок! Слепоглухонемой котёнок-инвалид с рыбьим хвостиком вместо задних лапок, если быть конкретнее...

— Пых, – нахмурившись, взмахнул короткими ручками Дедушка и Хаос в виде сугроба перед ним вдруг ожил, словно по мановению волшебной палочки.

Я замерла, застыла, даже моргать перестала, пока Дедушка Пых, высунув кончик красного языка от усердия, ваял снежную скульптуру, на глазах превращающуюся в снеговика! Один-в-один напоминающего тех, на которых велись те самые снежные не то гонки, не то соревнования.

Составлен был снеговик из двух шаров – и верхний был чуть сдвинут, надо думать, для удобства посадки всадника.

Самым бесцеремонным образом оторвав от моего пиджака пуговицы Пых приделал снеговiku глаза. Носом послужил красный цветной мелок, явно стибринный Дедушкой из аудитории. Рот у невероятной сущности прорезался сам. Сам же улыбнулся и неожиданно щёлкнул острыми ледяными иглами зубов!

Я чуть на нижний Слой не провалилась!

Повинуясь жесту Пыха и стараясь не дышать, я приблизилась к хлопающему глазами-пуговицами снеговiku. Снеговик принялся ко мне носом-мелком и... снова щёлкнул зубами, пружинисто отскакивая в сторону.

Пых взялся за косматую голову.

«За что мне это всё», – читалось в его красных глазках.

— Стоп...

Я вдруг вспомнила, что те снеговики, что участвовали в гонках, были в вязаных шапочках и шарфах.

— Кажется, я поняла...

Шапочки у меня не было.

Но был шёлковый шейный платок и заколка-бабочка для волос. И пояс, которым я тоже без сожаления пожертвовала и который прекрасно сошёл за уздечку. Ну или что-то, выброшенное на то место, где у снеговика, по логике, должна была быть шея.

Снеговик снова замер – Дедушка как раз прилаживал ему

торчащие в стороны руки – и я, повинувшись активной жестикуляции самопровозглашённого скульптора, с замиранием сердца вскарабкалась на нижний ком. Холодно, конечно, без седла, даже учитывая, что это не настоящий мир, а Хаос, но всё же жить можно.

Вот только как я ни пыталась, как ни уговаривала снеговика прыгать, он и не думал двигаться с места. Только зубами продолжал клацать, не так зло, конечно, как поначалу, но всё же норовил цапнуть меня за ногу.

Пых задумчиво постучал себя по лбу, а затем вдруг ударил в грудь и произнёс как-то ну очень отчётливо:

— Пых!

И снова каким-то чудом я его поняла.

Может, мы и правда родственники?

Меня подобное родство в отличие от руовы Камнетёс ни капли не оскорбляет...

— Ах, да! – ответила я Дедушке. – Нужно дать ему имя... То есть ей. Судя по характеру и по заколке-бабочке, она у нас девчуля... А что, девчуля... Чуля... Чу, отличное ж имя! Чулькин, Чулик, Чуленька, как тебе?..

Снеговик, то есть снеговичка, как выяснилось, замерла и... передумала кусать меня за ногу.

Спустя минуту, показавшуюся мне вечностью, я всю скакала на Чуле по направлению к ледяному замку, а Пых, подпрыгивая, как мячик, и пыхтя, как паровоз, нёсся рядом, окутанный снежным шлейфом.

Провокация Хаоса, говорите...

Вывести розовую жижу из себя...

Ох, и будет нам с вами что обсудить, профессор Онни!

Когда выберусь отсюда!.. Если, конечно, вообще выберусь.

Живой.

Гигантские многоголовые змеи, кошмарные драконы, ше-стирукие безголовые чудища, ужасающе ревущие десятихо-ботовые слоны с жалом из каждого хобота... все они бы-ли стеклянными! И появлялись из огромной стеклянной по-верхности, катка у ледяного замка!

И... стекло это я узнала, причём сразу же!

Само воплощение Хаоса, которое там, в реальном мире мы столь наивно приняли за обыкновенные склянки!

Ну, профессор!! Ну, Магистр с мартышкокошкой!!!..

Стеклянных чудовищ нещадно дразнили, то бишь «выво-дили из себя» скачущие на снеговиках – вокруг и между, су-ицидники такие! – адепты, вооружённые бичами, кнутами, плётками...

Ужасающие монстры то и дело рассыпались снежными осколками и... собирались вновь, ещё более кошмарного ви-да.

Пространство, наполненное магией, звенело, перелива-лось всеми оттенками льда, адептам же каким-то чудом уда-валось уворачиваться от острейших, размером с дерево, зу-бов и когтей...

Виляя и подпрыгивая, Дедушка увлѣк меня в самую гущу сражения!

С одной стороны, мы мигом затерялись в толпе таких же снежных всадников, никто не обратил на нас внимания, а с другой... Мамочки! Как они вообще здесь выживают и умудряются целыми доучиться?!..

К счастью, в таких крайних обстоятельствах не до размышлений.

Мир сузился до хрустящих снежных боков подо мной, до шёлка, зажатого в пальцах, до наполненного оглушительным рѣвом и свистом десятков хлыстов, звящего, искристо-снежного пространства над головой.

— Эй! Светоч! Куда?! – донеслось мне в спину вместе с досадным пониманием: засекли-таки.

— Кто такая?

— Не из наших!!!

— Лови!

Вот уж не хватало.

Я изо всех сил ударила пятками бока Чули, уводя ту из-под удара кнутом. Если моя снежная лошадка рассыплется, и я окажусь на живой эманации Хаоса... нет, в эту сторону даже думать не хотелось! И тем более не хотелось думать о том, во что она превратится, если соберётся заново.

— Куда?! – ещё удар и мы, вслед за Дедушкой, перепрыгиваем кнутовище, прямо как в детских играх в скакалочку.

Некромант же, который пытался не то сбить меня, не то

заарканить Чулю, не удержал равновесия и распластался по стеклу, его светлые волосы рассыпались веером. Зеркальная поверхность тут же пошла под ним рябью. Прежде, чем парень провалился на нижний Слой, я успела подумать, что лицо его мне знакомо...

Правда, вспомнить как и где мы встречались, не было никакой возможности.

— Ах ты, зараза светлая! – завопило чуть не в унисон несколько глоток.

Ну вот, теперь я ещё и зараза.

Совершенно не понимая, о чём речь, но отчётливо догадываясь, что чёт важное им тут испортила – вслед за блондином на нижний Слой провалились ещё четверо. Их взгляды, брошенные мне напоследок, ничего хорошего не сулили.

Теперь уж меня заметили все участники этих диких соревнований. И наравне с отчаянными попытками увернуться от ледяных игл-шипов-когтей приходилось ещё и вилять между монументальных стеклянных лап, уходя от гикающей погони из старшекурсников.

Мы вильнули в какую-то арку, проскочили двойные ворота, анфиладу...

Силы стремительно таяли. В какой-то момент меня просто размазало по Чуле. Но когда уже начала проваливаться сквозь снежную лошадку на нижний Слой, Дедушка с разбегу прыгнул в открывшуюся ледяную воронку и Чу, не задумываясь, прыгнула следом за ним.

— А-а-а-а!!! – мой крик рикошетом отразился от со-
мкнувшегося над головой льда, от стеклянных стен извили-
стого тоннеля, который принялся вылить, как американские
горки.

Наконец, нас «выплюнуло» и, кружа в сумасшедшем тан-
це, понесло по какой-то скользкой, как зеркало, поверхно-
сти. Чудовищ здесь не было, но зато была надвигающаяся
прямо на нас бесформенная глыба! О которую мы непременно
должны были расшибиться буквально через секунду-дру-
гую...

У подножия глыбы я успела разглядеть распостёртое те-
ло и два призрачных силуэта по сторонам.

При нашем приближении они прыснули в разные сторо-
ны.

Один – я готова руку дать на отсечение – принадлежал че-
ловеку, вроде бы... второй... второй был каким-то смазан-
ным, размытым, будто находился за призрачной, туманной
завесой.

Сквозь завесу отчётливо проглядывались светящиеся
красным светом глаза... Вот существо подняло колыхающую-
юся туманную голову и впилося жутким взглядом мне в ли-
цо.

От этого взгляда меня прошибло самым большим ужасом,
который я, наверное, когда-либо испытывала в жизни...

Сознание затуманилось. Пространство сгустилось. Жизнь
хлынула из моих приоткрывшихся губ как тогда... когда

умерла... впервые.

Не в силах ничего поделаться, я беспомощно наблюдала за потоком своей жизни, состоящем из мерцающего сияния...

Тварь, скрывающаяся за целым Слоем, а может, и за несколькими Слоями Хаоса, кружила вокруг, не отрывая от меня взгляда леденяще-красных глаз и мерзко подвывала от какого-то странного, невыносимо порочного удовольствия... Вот она распахнула свою ненасытную пасть пошире, чтобы одним вдохом вырвать из меня остатки жизни...

Чуля вдруг споткнулась подо мной, будто с размаху налетела на невидимую стену. Но ещё раньше, чем меня по инерции сшибло со снежной спины, какая-то сила налетела с другого боку, стягивая вниз.

При более пристальном рассмотрении сила оказалась Тимом Петтери.

Некромант сграбастал меня в охапку, как коршун добычу, и мы понеслись по гладкой поверхности к нависающей над нами синей бесформенной глыбе.

— Дура. – Сообщил этот неблагодарный, когда движение, наконец, замедлилось.

И, не позволяя повернуть головы на странное сооружение и кружащие окрест красноглазые тени, поцеловал.

Где-то вдалеке, будто сквозь толщу воды, послышался знакомый хохот. Смех мёртвых...

Бонсайми – я узнала его голос!

Мир же вдруг взорвался оглушительным звоном и мири-

адой ледяных огней, сознание подёрнулось вялой туманной дымкой. Сквозь звенящую шумовую завесу почудилось, что меня подхватывают на руки, несут куда-то... укладывают на что-то мягкое... И... снова целуют.

На этот раз нежно-нежно. Бережно.

По-особенному.

— Дурёха светлая... Вот кто просил, а?! Насилу вытащил...

Я хотела заметить, что кто ещё кого вытащил, но тут прямо под боком запищал Ломтик и я растерянно захлопала глазами, обнаружив себя в кровати на сон-лекции.

С соседней койки обессиленно и как-то одновременно с досадой и виновато ухмылялся Тиму.

И, глядя на его размалёванную моську, трудно было не ухмыльнуться, а, пожалуй, что и банально не заржать в ответ.

Сообщив сперва заносчивому тёмному, что сам дурак, если что.

Вокруг, позёвывая и потягиваясь, просыпались остальные адепты. На нас поглядывали, но не очень пристально – в аудитории царил полумрак и если не приглядываться, сходу моих художеств на лице пятикурсника было не различить. К тому же народ был сонный, серьёзный, кто-то ошеломлённо тряс головой, прогоняя остатки сна, а кто-то даже строчил в блокноты, подтверждая мою догадку о том, что не все успевают записать лекцию в Грёзах.

— Нет, Ули, ну ты как маленькая. – Не унимался со своей

койки гад брюнетистый. У меня почему-то возникло ощущение, что он нарочно зубы заговаривает. Вот только нафига? Позёр снорхов...

— Карандашей налопалась? – Продолжал тёмный. – Так они только пахнут фруктами, глупая, а на вкус такое... Мерзкое очень.

— Думаю, нейтири просто не смогла удержаться. – Вогнал меня в краску профессор Дримлин.

Магистр неслышно подошёл к нашим койкам и незаметно сунув мне платок, задумчиво повертел голову Тиму из стороны в сторону, уцепив того за чуб. Брюнет поначалу не возражал, а потом, смеясь, отмахнулся.

— Что, профессор Дримлин, нравлюсь?

— Не то слово, Петтери. Мяу.

— Что, простите? – фыркнул некромант.

— Послышалось. – хмыкнул Магистр. – Хрю. Или ух...

Это как посмотреть...

И он обернулся ко мне.

— Это вообще кто?

— Так ваш адепт, – пожав плечами, попала я ему в тон. – Хаос немного над ним поработал. Превратил не то в сына, не то в дочь... Не мышонка, не лягушку, а неведому зверюшку...

— Хаос, значит, – ухмыльнулся профессор. – А что, так даже лучше. Всегда так ходите, Петтери.

Тут уже остальные заметили, и, сгрудившись вокруг нас,

ржали в открытую. Кто-то даже выудил камеры-кристаллы, мне такой тоже выдали вместе с учебниками, и с энтузиазмом запечатлевал Петтери «для потомков».

К счастью, на меня с моими цветными губами, которые я, воспользовавшись платком профессора, ещё и самым тщательным образом облизала (прав Петтери, мерзкий у местных фломастеров вкус, прям откровенно дрянной) внимания особо не обращали. Слишком уж охотно позировал Второуровневым Тиму. Даже на подушки откинулся, да руки за голову завёл. Показушник.

— Чего ждёшь, светوشка? – осклабился он в мою сторону. – Солнце ещё высоко, Хаос сам себя не отработает.

— Напарника жду. – Обозлилась я.

В конце концов, разве не он меня сюда привёл?!

Я, на минуточку, никакого представления не имею, где нахожусь!

— Вот уж зря. – Хмыкнул некромант. – Разве что обещаешь меня помыть вместе со склянками.

— С чем? – опешила я и закусила губу, опомнившись. – Мечтай!

О том, что мне аудиторию профессора Онни отмывать, я и забыла.

— Народ, подхватите новенькую кто-нибудь, ей к Нулевым. А мне после такой увлекательной и насыщенной лекции выспаться надо.

И, завернувшись в одеяло, подмигнул мне, гад такой.

— Ты – козёл. – Сказала я одними губами, следуя за по-манившим меня за собой профессором Дримлином.

— Я – лучше. – Ответил «козёл» брюнетистый так же, одними губами.

После чего послал мне воздушный поцелуй.

Тиму Петтери

— ...Ты привёл светоч?

— Скажем так, я работаю над этим.

— Не играй со мной, некромант.

— Какие уж тут игры.

— Зачем позвал?

— Разговор есть...

— Ты. Привёл. Светоч?

— Я же сказал...

— Ты должен был привести светоч...

— Нет!!! Не надо... Пожалуйста... Всё... сложнее, чем кажется! Дай же сказать!

— Неее-ет, некромант! О н а ждёт.

— Я знаю! Я помню! Прекрати это... пожалуйста... пре-кра...ти...

— Не нравится, некромаа-ант? Е й тоо-оже не нравится ждать.

— Я... я же... вывел тебя... к Источнику! Разве не это – твоя цель?!

— Мне нужен светоч.

— Только для того, чтобы добраться до Источника!

Разве нет?!

— Ты утомил меня, некромант. И ты заплатишь за это.

— Не надо... Я приведу её...Светоч... светоч... практически у меня в руках.

— Ты уже говорил это, некромант. Надоело.

— Я приведу её. Приведу...

— Если обманешь...

— Не обману...

— Светоч – мой. МОЙ!!! Повтори!

— Гульвейг тебя деру!!.. Твой...

— ПОВТОРИ!!!

— Све...тво...

— Если не приведёшь её, тебе ничто не поможет... Повтори!..

— Мне... ничто... не поможет... А-а-а-а-а....

Тиму даже не думал, что на этот раз будет так просто. Хотел лишь рассмотреть... сквозь маску. Сквозь Слои. А там и в реале можно будет попытаться достать. И у него непременно получилось бы, он сумел подобраться практически вплотную, осколок, опять же, подхватить догадался, наизготовку держал... Вот только... надо же было подставиться таким глупым, просто глупейшим образом!

Хорошо ещё, светوشка заподозрила неладное. И дважды хорошо, что не разбудила препода – пожалуй, они даже могут сработаться. Если, конечно... Снорхи, как же понять, кто она на самом деле?

Сила таких масштабов...

Дракон... Ялохикаарме, как по заказу!

Шерсть на заднице йети!

Ну не верил Тиму Петтери в подобные совпадения!

Да и вовсе не работать с ней хотелось.

Скажете, и это совпадение? Ха!

Пробуждённый Хаос способен и не на такое... Особенно, если чует: присели... присели на хвост. Надо сказать, Тиму не просто присел на мерзкий йотуновый, то есть хаосовый хвост, он вцепился в него руками и ногами, зубами вгрызся, намертво. Теперь или он, или таинственная о н а ... Некромант понимал это со всей отчётливостью.

Как же не хотелось думать, что это всё для того, чтобы сбить его прицел. Подставить преследователя, заманить в ловушку.

И – кто бы за всем этим ни стоял – ему, ей, им... это почти удалось.

Ясси... Яако... Яска...

Что же вы наделали, ребята...

Что же. Вы. Наделали.

Но вас было трое.

Он, в отличие от них, один.

«У тебя есть Ули». – Шепнул внутренний голос и Тиму сердито цыкнул на него, чтоб заткнулся.

Признать, что они с Туули – значит, подставить её. Как когда-то подставили Яску...

Признать, что они порознь – ещё хуже.

Значит, Ули вместе с драконом и этой необъяснимой мощью, скрытой в такой хрупкой светленькой – не совпадение... Далеко не совпадение!

Да что ж такое!

Вот как тут разобраться?!

Особенно, когда мозги отшибло. Особенно, когда начисто. Как же сильно его всё-таки приложило... Мысли теперь вялые, неповоротливые... Пятка Хюндлы! Накормил, идиот, поганую тварь досыта...

Дёрнуло внезапно. И весьма ощутимо. К тому же, учитывая его состояние, дёрнуло совсем не в тему. Он-то думал банально отлежаться после такой потери, но Хаос явно считал иначе...

К светленькой вновь подбиралась тьма и Тиму отчётливо ощущал – выдоенные досуха склянки в аудитории шутника-Онни ни при чём.

Туули Севèри угрожала опасность.

Конечно, было полным свинством отправлять Йо в разведку, кто ж спорит, но был ли у него выбор?

Возмущённо проухав всё, что о нём думает, Йола сорвалась с подоконника самкой филина. Напоследок ещё взгляд прицельный бросила, пигалица такая, мол, подчиняюсь вашему свинству, но только по о-очень большой любви.

Сердце привычно затрепетало от нежности и спустя минуту Тиму уже наблюдал за Ули глазами своей соули.

Вот хрупкая фигурка, на ходу приглаживая встрёпанные волосы, догоняет профессора Онни. Магистр разворачивается, вид у него удивлённый. Явно не ожидал от «нулевой» такой прыти. И такого напора, ха. А светленькая что-то гневно выговаривает ему, ещё и ручками машет, что та мельница. Тиму усмехнулся – многое бы он отдал, лишь бы услышать сейчас, что она говорит. К Пифии не ходи – догадалась насчёт Хаоса в стекляшках. И всё же послушать её было бы забавно. Уж очень смешно она хмурила брови и кривила свои нежные губы.

Профессор Онни, похоже, считал так же. Ну или как-то похоже. На бледном, всегда отстранённом лице Магистра проступило даже некое подобие усмешки. Усмешки довольной кривой – это ж Онни! – и тем не менее.

Но вот мордашка светленькой просияла и тут уж Тиму и правда пожалел, что Йолка не поспела подлететь поближе. И потому он не услышал ни слова.

Мыть аудиторию Туули понеслась с таким счастливым лицом, будто не наказание отбывать, а за наградой!

И это совсем не понравилось Тиму.

И уж точно ему не понравилось, когда в аудиторию следом за ней, предварительно дождавшись, пока спина профессора Онни скроется за поворотом, проникли с заговорщицким видом Илон с Юсси, Ахо и Никласом... Причём Ахо, войдя внутрь последним, наложил на дверь такую печать, что бедную Йолку отбросило к противоположной стене волной

плотного воздуха.

Отчаянно снортыхаясь, Тиму заставил себя подняться.

После хм, небольшого приключения в Хаосе его банально вело.

Снова постучалась мысль, что это ловушка. Не группки адептов-однокашников, а самого Хаоса. То есть западню на него расставили не у Источника, а сейчас.

Блохастая задница йети! Йотун-шатун его за ногу!

Он, выходит, теперь и Илона подозревает?!

Губы Тиму сжались в одну линию, будто горизонт в степи.

Хотел бы он подозревать Илона, видит Триединая, хотел бы!

Но, увы, мотивы одnogруппника были самым красноречивым образом написаны у того на лице и были они более, чем прозрачны.

Проклиная всё на свете и вытираясь на ходу подцепленной с койки наволочкой, Тиму рванул в корпус нулевых. Бежал, не вписываясь в повороты и натываясь на адептов!

Пятка Хюндлы ему в рот!

Сил на портал банально не было!

Только бы успеть!

Только бы успеть!

Если Илон посмеет...

Если эти йотуновы дети хоть пальцем тронут новенькую...

Он. Живьём. Скормит их. Хаосу!!!

Глава 11

Интересно, это у всех некромантов мода такая – приближаться со спины, по-кошачьи?

Тот самый блондин, что вчера видела в комнате Тиму... Сперва больше по снежной рыси его узнала, а потом в лицо заглянула и вздрогнула: тот самый, кого сегодня «стекло» втянуло. И который, судя по всему, решил в этом обвинить маленькую непричёмную меня.

С блондином, кажется, Тиму называл его Илоном были ещё трое. Надо думать, те самые, что следом за этим провалились. В лица я особо не вглядывалась, но соулов, кстати, видела прежде. Очень уж примечательные.

Крупная чёрная, вся в алых огненных прожилках горилла, рогатая волчица и трёхголовый попугай с короной-хохолком на каждой голове...

Ломтик воинственно фыркнул с моего плеча, исторгая облачко гари и я чудом сдержала кашель. Дракошке было страшно. В особенности он робел перед соулами, это я ощущала особенно остро. И в то же время Ломтик был исполнен решимости меня защищать! Мой храбрый малыш...

И, похоже, защита в самом деле не помешала бы.

Убей меня их Триединая, но ведь когда замышляют что-то хорошее, дверь за собой не запирают. А они заперли.

В то же время на холёных лицах адептов цвели самые ра-

душные улыбки. А глаза оставались холодными. Злыми.

И это совсем, совсем не нравилось.

— Привет, Туули. – Илон поздоровался с таким приветливым видом, что я окончательно утвердилась в своём подзрении. Гадость замыслили. Вот только какую? И главное, за что? Сами ж за мной попёрли, если уж на то пошло.

Ломтик вопил и предупреждающе фыркал. Хлопал по щеке своими крохотными крылышками. Правда, стоило мне подумать, что дракончик таким образом и моё волнение выдаёт, чуть поунылся. Но лапки его на моём плече – это я ощущала особенно отчётливо – дрожали.

Может, это и к лучшему – за Ломтика я волновалась сильнее, чем за себя. А потому быстро взяла себя в руки.

— Здравствуйте! – поздоровалась я с парнями. – Вы, наверное, из-за сегодняшнего случая, в Лабиринте...

— Надо же. Догадливая! – хмыкнул встрёпанный, с торчащей дыбом чёлкой некромант.

Его соул-гориллоид неспешно приблизился и так же неспешно принялся меня обнюхивать. И ведь знала, что соул не причинит мне вреда, по крайней мере, не в стенах академии, вот только когда горилла скалит на тебя свои жёлтые клыки, трудно не вздрогнуть. Самую капельку. Вот как я. И этого не могли не заметить некроманты.

— Трое на одну, да?! – вырвалось у меня нервное.

— О чём ты, Туули? – заломил бровь Илон.

— Рвала, не приставай. – Лениво отозвал гориллу вихра-

стый. – Будь вежливой.

Оскалившись напоследок, горилла послушалась. И хотела бы я сдержать облегчённый выдох, но, боюсь, вышло так себе.

— Испугалась, светленькая? – продолжал Илон.

— Правильно. – Ухмыльнулся тот, что с попугаем. – Очень правильно, что испугалась. Мы страшные, как Гульвейгин глаз.

И заржал, свинтус такой!

Тот, что с рогатым волком, демонстративно зацокал на него языком.

— Не пугайте её. Не люблю, когда малышки зажатые.

— Да что вам нужно-то?

— Ничего такого, чего ты не смогла бы нам дать, милая, – тот, что с волком, развязно подмигнул.

— Таковы правила, Туули. – Развёл руками Илон, как бы приглашая меня разделить с ним досаду. – Накосячила – плати.

— Это где это я накосячила.

— Она ещё и издевается!

— Не советуем играть с нами, светленькая.

— Ты сорвала нам провокацию. – Подвёл итог Илон и пояснил, когда я лоб наморщила: – Практикум сорвала.

— Мы по твоей вине зачёт не сдали. – Кивнул другой и попугай на его плече возмущённо заорал.

— Мне жаль, правда. – Меня не покидала надежда, что

это всё какая-то дурацкая шутка, розыгрыш. Неужели из-за какого-то зачёта...

А потом некстати вспомнились лязгающие над головой челюсти размером с дом, адский скрежет ледяных когтей...

— Нам теперь этот практикум передавать не в группе, а по одиночке. — С нескрываемой злостью в голосе подтвердил мою догадку «волк». — Так что плата за проваленный зачёт — не более, чем справедливость, Туули.

— Да какая плата! — возмутилась я. — Что ж вы все на пафосе здесь такие! Я ведь случайно... и мешать не хотела... Я просто заблудилась! — ухватилась я за более-менее внятное объяснение.

— Ну уж нет, Туули. — Лениво покачал головой Илон. — Никого не волнует, что ты там забыла.

— Накосячила — отработывай.

Я невольно отступила на шаг.

— А за каким снорхом вы вообще за мной бросились-то? Показалось — или на лицах парней проступило сомнение? Тень сомнения, если быть точной. И всё же...

— Посмейте только приблизиться и я...

Всего ожидала, но только не того, что парни переглянутся и... разразятся смехом. У Привратников своих что ли хватались?!

— Что ты, Туули. — К моему удивлению Илон вдруг развернул ближайшее кресло и вальяжно уселся в него. — Никто тебя и пальцем не тронет.

Я часто заморгала, когда его примеру последовали ещё двое. Один плюхнулся в кресло, другой опустился на парту. Остальные остались стоять, привалившись к стене. Соулы же – весьма устрашающего вида соулы, если что! – не сводили внимательных глаз с Ломтика и ни мне, ни дракошке это совершенно, вот прям категорически не нравилось.

— Приблизиться к ней. – Хмыкнул тот, что с гориллой. – Ещё чего!

— Нет уж. Сама пускай подёргается.

На этих словах дракончик нервно захлопал крылышками и выпустил очередную порцию едкого дыма. Чем, надо сказать, очень развеселил некромантов. А мне стало обидно за Ломтика. Я ведь, в отличие от этих недоумков, умерла совсем недавно, мой соул практически новорожденный!

Так разозлилась, что дёрнулась было к двери и... застыла, как вкопанная. Заперто же! Доставить им удовольствие, дёргая в панике ручку и взывая к чьей-то помощи? Ну уж дудки.

Только вот как уйти и к тому же не потерять при этом лицо?

Решение, пришедшее в голову, не успело ещё даже оформиться, как Илон обрезал его на корню.

— И не вздумай прыгнуть в Хаос, светленькая. – Покачал он головой. – Догадываешься, что в таком случае будет с твоим телом?

Я невольно вздрогнула.

— Нет-нет, ничего такого, Туули. – Развязно подмигнул

«волк». – Что ж мы, звери, какие? Или извращенцы?

— Кстати, об извращенцах... – Протянул «гориллоид». – Ты только представь, в каком виде очнёшься на главной площади... мм-м...

— Картинка будет – загляденье.

Некроманты, потирая, руки, извлекали камеры. Они в этом мире сплошь из кристаллов состоят, только для удобства на ремешки крепятся. Так что со стороны это выглядело даже красиво.

— Что вы задумали? – нервно спросила я и ободряюще погладила запищавшего Ломтика.

— Ну же, светленькая, не кривляйся.

— Лучше станцуй.

— Или спой.

Станцевать или спеть? За сорванный зачёт? Если так подумать, ничего такого тут нет, мы, правда, за успешно сданный экзамен в универе пели, причём тем громче, чем выше была оценка и злее препод, а тут... Вся ситуация – откровенно мерзкая. Дверь заперта, в руках у парней камеры, и ухмылки на холёных лицах гадкие. Мерзкая ситуёвина, да.

А что самое неприятное, вот пятой точкой, что называется, чую – не всё это. Не весь подвох...

— Приступай. – Скомандовал Илон и Ломтик на моём плече странно дёрнулся, а я... я всё же устояла на месте.

— Да ну, танцы эти... надоело. – Хмыкнул «попугайстый». – Ты прости, Туули, что отвлекли. Продолжай зани-

маться чем ты тут занималась. Убиралась, да? Ну вот и продолжай.

Я невольно покосилась на швабру с ведром в углу. Только-только из подсобки выволокла... Это что же, получается, я тут чистоту наводить буду, а они – на камеры снимать?! Вот уж фигурки.

Последнее прозвучало вслух.

А Илон улыбнулся так широко, что меня зазнобило. А потом вдруг в жар бросило. Я невольно дёрнула отворот пиджака и...

Тут уж разулыбались и остальные.

— Что такое, Туули? – голос Илона стал какой-то особенно вкрадчивый. – Жарко стало?

Невинный вопрос. Вот только задан он был отнюдь не невинным тоном.

— Кажется, ей и в самом деле жарко. – Ещё один голос. Туманный какой-то...

Голоса... лица... всё сливается в одно... плывёт... танцует даже.

Только писк Ломтика удерживает в реальности и весьма относительной трезвости. Причём писк его доносится откуда-то снизу, а ведь только что сидел на моём плече...

— Тебе жарко, Туули. – снова этот вкрадчивый, проникающий прямо в кровь голос. – Тебе очень-очень жарко...

Снорхи! И правда, жарко... Да так, что не продохнуть.

Руки сами собой зашарили по груди – форменный пиджак

явно лишний, но вместо жёстких краёв отворота пальцы почему-то нащупывают мягкую ткань рубашки...

А где пиджак?

Вот же он! Какой-то размытый... нечёткий... смятый... и почему-то на полу валяется. Рядом со сброшенным ботинком и какой-то тряпочкой. Чулком, кажется...

Стоп! Я что, чулок сняла?! Сама?

Когда только успела, спрашивается...

Но некроманты, ровно, как и их соулы не двигались с места. И, похоже, жарко было не только мне.

Что-то вдруг пощекотало обнажённую кожу. Я стыдливо одёрнула юбку.

— Пых. – Раздалось тихое у щиколотки и поплывшие от непродыхаемой жары мозги резко встали на место.

Точно помню, что отследила момент «исчезновения» Дедушки, то есть его перехода в небольшое туманное облачко – ещё подумала, что это он на чужих так отреагировал. Даже порадовалась этой прозорливости и осторожности – как-никак, Пых пока на испытательном сроке...

Но как же вовремя он решил снова появиться!

И как вовремя изрёк своё короткое «пых»!

Обнажённую щиколотку облизало ледяное дыхание.

Внезапно в воздухе проступил силуэт Дедушки – чёткий, в отличие от плывущего пространства. С всклокоченными волосами и раздутыми от усердия щеками. Дедушка дул и его ледяное дыхание медленно, но верно приближалось к

некромантам и их соулам.

— Жарко. – Встряхнувшись и подхватив с пола попискивающего от возмущения (но настроенного самым решительным образом!) дракошку, согласилась я с некромантами. – А вам – холодно.

Парни зло переглядывались. Ёжились. И больше не улыбались.

— А вот это ты зря, Туули. – Стремительно синеющими губами проговорил Илон.

— Уйми свою нечисть!

— Отзови нечисть, слышала?!

— Или ему сейчас не поздоровиться!

— Пых! – С достоинством ответил Дедушка и... пустил ещё и позёмку.

И я не знаю, как это поняла, каким местом, да и поняла ли... Это слово решительно не подходило. Осознала, скорее, что прямо сейчас, в самый настоящий момент подпитываю Пыха своей силой. Силой света.

А Дедушка и рад был. Дул щёки только в путь. И сам раздулся, как мячик, как рыба фугу!!

Злые, как черти, парни, повскакивали со своих мест. Только приблизиться к нам с поднявшим целую метель Дедушкой не могли! Их соулы словно с ума сошли. И атаковали они не меня. Ломтика! А я за своим дракошкой – и в огонь, и в воду!

Я ощущала, как силы покидают меня, будто мы в Хаосе.

Но стояла насмерть.

— Ты сама нарвалась, светленькая! – злобно выплюнул Илон.

— Есть из чужой кормушки дурной тон, конечно.

— Но... ситуации бывают разными.

Они синхронно выбросили вперёд руки, выставя перед собой ладони.

У ног некромантов за клубилась тьма. Жуткая. Чёрная. Зыбкая.

Мои силы схлынули, будто волной слизало. В голове зазвенело.

Запыхтел от натуги Дедушка. Заверещал Ломтик.

Перед глазами потемнело, а пол вдруг подпрыгнул и больно ударил по ладоням.

Я ошарашенно затрясла головой, пытаюсь отогнать звон.

А потом вдруг раздался треск. Рокот. Гром.

С грохотом вынесло дверь.

Обломок косяка больно царапнул плечо и Дедушка накрыл его своей прохладной ладонью.

В проёме застыл чей-то силуэт.

Магистр Онни? Нет...

Это был Тиму Петтери.

— Магический поединок. С нулевой. – Некромант чеканил каждое слово, приближаясь. Голос его дрожал от ярости. – Это делает вам честь.

Он остановился в двух шагах.

— Цела?

Я кивнула.

— Твоя кормушка охренела, Тим. – Подал голос кто-то из этих гадов. Но прозвучало обвинение как-то неуверенно.

Петтери резко обернулся.

— Она такая. – Процедил он. – Ещё и дверь запечатала прежде, чем напасть на вас, так ведь?

На лицах некромантов проступило злое недоумение.

— Не смеши, Петтери. – Процедил Илон, извлекая из центров ладоней клубы снежных искр.

— Лучше уйди.

— Или хочешь биться вместо своей светлой девки?

— Ты не выступишь против четверых, Петтери.

— А я готов рискнуть.

Одним движением Тиму извлёк из ладоней язычки пламени. И... пошатнулся.

Снорхи! Я ведь понятия не имею, как ему помочь! Сама обессиленная, руки-ноги едва слушаются... К тому же не представляю, как светлые силой делятся!

— Ну же? – подначивал Тиму. – Поединок? Давайте!

Соулы бросились первыми. Все. Разом.

Не на Тиму.

На нас с Ломтиком.

И отлетели, мяукая, как котята, отброшенные лапой полярной медведицы! Так вот что значит, перевёртыш...

Вот, что значит, сильнейший...

В считанные секунды занявшая добрую половину аудитории Йола, круша мебель и грозно рыча, оттеснила рысь и волка с гориллой к дальней стене. Попугай, конечно, мог бы перелететь через неё... теоретически... Но не стал рисковать ни одной из своих голов.

— Ну что же вы?! – «Мой» некромант едва на ногах стоял, я видела, что пламя в его ладонях стало кроваво-алым и каким-то необъяснимым образом поняла, что это очень, просто очень нехороший знак...

— Магические поединки запрещены, Илон. – Громко прошептал кто-то из этих гадов.

Блондин поморщился и стряхнул с ладоней снежные искры. Затем бросил на меня злой взгляд.

— Что ж. Магические поединки и в самом деле под запретом. Считай, что твоя светлая девка получила отсрочку.

— Убью!!!

Глаз не успел отследить скорость, с которой Тиму ринулся на Илона и его дружков.

И это была уже не магическая дуэль, а самый настоящий мордобой.

Я только моргать успевала и уворачиваться от обломков мебели.

— Убью, твари!!! – раздавалось рычание, слабо напоминающее человеческое. – Хаосу живьём скормлю!!!

Я ошарашенно таращилась на того, кого всё это время считала мажором, таким золотым мальчиком, которо-

му папка покупает игрушки-кормушки или кто мы для них, тёмных...

Больше всего Петтери был похож на дикого зверя.

На всех диких зверей разом!

Сорвавшегося с цепи бешеного пса... озверевшую росомаху... лютого осатаневшего медведя!..

Он бил и крушил, он даже рвал противников зубами, разбрасывал их, будто щенков, прыгая через перевёрнутые парты от одного к другому! Будто торопился утолить некую совершенно дикую, первобытную жажду крови! Кувыркаясь, уходил от ударов... Перескакивал... нет, переносился через распростёртые тела. Нещадно бил и крушил снова. И снова. И снова.

— Только... попробуй... мразь... – Доносилось до ошарашенных нас с Ломтиком.

Шквал сокрушительных ударов, череда кувырков, грохот ломаемой мебели.

И снова этот голос, больше похожий на рычание, чем на человеческую речь!

— Только попробуй хоть посмотреть в её сторону! Глаза!! Вырву!!!

Наверное, если бы некроманты успели опомниться, собрались, кинулись все разом, Тиму не смог бы выстоять против четверых. Но парни явно не ожидали от него подобной прыти. И подобного бешенства. Как пасует стая волков перед озверевшей росомахой, так и они вынуждены были от-

ступать от взбешённого тёмного.

Вот только Тиму отступить не собирался!

Поэтому «рыси», «волку», «горилле» и «попугаю» не оставалось ничего иного, кроме как защищаться.

— Пыыы-х. – Я и не заметила, как Дедушка увлёк нас с Ломтиком к стене.

И только когда обломками парты заслонил, возводя во-круг баррикаду, начала немного приходить в себя.

— Да он же еле на ногах стоял... – Дошло до меня вне-запно.

И – да, как до утки, на пятые сутки.

— Он ведь потому и в сон-аудитории остался!..

— Пых. – Дедушка пнул россыпь осколков, и я поняла, что Тиму сейчас черпает силы напрямую из Хаоса. Того са-мого, что теплится ещё в склянках, оставшихся после лабо-раторной...

— Ему же... помощь нужна. – Чуть не проплакала я.

— Пых! – Серdito покачал головой Дедушка и я снова его поняла.

«Он сделал выбор!»

Что мне оставалось? Смотреть, как гадкий, несносный, за-носчивый мажор, сын ректора, Тиму Петтери – бьёт за меня морды?!

Мешкала я минуту, не больше. И то – больше пыталась отдышаться, приходила в себя.

— Не могу так. – Призналась Пыху и тот вдруг с силой

вцепился мне в руку.

— Пусти! – возмутилась я, хоть и сама не понимала, что собираюсь делать. Не целовать же Петтери сейчас?! – Пусти, тебе говорят!

— Пых! – Свободной рукой Дедушка с достоинством ударил себя в грудь.

Навалившаяся тишина была такой внезапной, что я решила, у меня заложило уши.

— Что. Здесь. Происходит. – Разрезал эту тишину новый голос.

В проёме, оставшемся от сорванных дверей, застыл профессор Онни.

Дерущиеся замерли.

Причём не по своей воле.

Я же будто в фантастическом фильме себя ощутила.

Ребята не просто прекратили драку с появлением профессора. Они застыли, как статуи в тех же позах, в которых их и застал Онни. Застыли с перекошенными лицами. Даже круглые капли крови и осколки чьих-то зубов повисли в воздухе.

— Отвод от Лабиринта на неделю. – Отрезал Онни, обходя каждого и обводя их кристаллами. Не то магичил, не то запись какую делал...

Закончив, он обернулся к выглянувшей из-за мебельной баррикады мне.

— Что здесь произошло, нейтири Севери? – спросил он невозмутимо, будто мы всё ещё беседуем о магических зе-

льях и реактивах в коридоре.

— Это... случайность. – Пробормотала я и отчаянно краснея, попросила: – Отпустите Петтери, пожалуйста. Он... Он ни в чём не виноват.

— Петтери – и не виноват? – усмехнулся Магистр, мгновенно собирая из обломков стол и с самым невозмутимым видом расставляя на нём склянки с порошками и жидкостями. Стало быть, выполнил своё обещание. То самое, которое давеча (а по ощущениям – так в прошлой жизни!) в коридоре дал. – Это что-то новенькое.

Спотыкаясь, я подбежала к Тиму.

Тёмный тарасил глаза и дрожал крупной дрожью. Пошевелиться он не мог, как я поняла, заклятье профессора не позволяло. Однако для того, чтобы стоять в весьма неудобной, пожалуй, даже неестественной позе, некромант тратил собственные силы.

— Пожалуйста, Магистр Онни! – я чуть не плакала. – Отпустите его. Он ведь за меня... За меня... вступился.

Профессор задумчиво провёл языком по губам, не разжимая губ и щелчком пальцев освободил Петтери.

Всё, что я могла – это попытаться смягчить его падение... вот только стоило нашим пальцам встретиться, остатки сил стремительно схлынули и я рухнула на пол вместе с закатившим глаза Тиму.

Последнее, что видела, прежде чем вслед за некромантом провалиться во тьму – задумчивый интерес на бледном лице

профессора Онни.

Часть 2. Тиму Петтери

Глава 1

Попрощавшись с руовой Камнетёс, я подхватила с парты Ломтика, отметив про себя, что малыш снова прибавил в весе, затем сграбастала короб с одушевлёнными образцами (в толк не возьму, почему гнома зовёт эти минералы одушевлёнными, как по нам с Ломтиком, так самые обычные камешки) и, наконец, выскочила из аудитории навстречу солнцу.

Разбежка между занятиями полчаса, как раз успею в лабораторию сгонять, а потом к «пряничному домику» пикси, ватрушки и чокко у них проо-осто обалденные!

Стоило двери за моей спиной захлопнуться, как пыхнув, рядом тут же материализовался Дедушка. С некоторых пор Пых предпочитал посещать занятия профессора Тофары в виде облачка. Всяко лучше, чем образцами по макушке получать. Пусть и одушевлёнными. А так – только мне видно, какими преданными, умильными глазками он на гному смотрит, да ещё причмокивает, паразит, когда она, хм, ладно, пусть будет спиной к нам поворачивается... А уж если за мелком нагибается... нет, в виде облачка однозначно лучше. И мне спокойнее.

Чародейский полог спал и тотчас из сумки мелодично тренькнул включившийся постогограф – на своих занятиях ру-ова Камнетёс технику не жалуется, даже магическую. Гнома предпочитает, чтобы мы пользовались тетрадами и блокнотами. Правда, против чародейских чернил не возражает. Если, конечно, чернила эти собственного изготовления...

Кстати, о продукции собственного изготовления – я потому и спешила в лабораторию, буквально, аж волосы назад. Ведь между следующим занятием для иномирян и практикумом по алхимии столько времени уже не будет, а значит узнать, вышло ли у меня вчера, в отличие от предыдущих провальных попыток, выяснить можно только сейчас...

И, если вышло, на практикум к Магистру Онни можно скакать уже во всеоружии!.. Что очень приятно, потому что я к этому практикуму две недели готовилась!

Так что треньканье это из сумки мне сейчас было ну совсем не в тему!..

Я всё же выудила постогограф, бросила взгляд на экран и нахмурилась, убеждаясь в своей догадливости.

«В беседке у фонтана». Эта надпись была размашисто начеркана на кристаллическом экране.

И ни словом больше!

Такой лаконичностью у нас только одна особь отличается. То есть один. Особь. Который наглый и брюнетистый.

— Пых? – лукаво взглянул на меня Дедушка и я зарделась.

Ослушаться главного в связке – не могу. Тем более, что

вызов, как ни крути, во внеурочное время. Так что чем-то придётся пожертвовать – или чокко, или лабораторией... больно уж неудобно они друг от друга расположены.

Состроив Дедушке рожицу, я со вздохом сообщила, что предпочитаю лабораторию.

И прежде, чем нестись к фонтану, как оглашённая, свернула в святая святых Магистра Онни.

— Пых? – нетерпеливо запрыгал рядом Дедушка. – Пых!

— Пых. – Не стала я спорить, но и шагу не сбавила. Всё же пришлось объяснить: – Пойду сейчас в беседку – и там и останусь. Хорошо ещё, если к практикуму успею... А Луноблик кто проверит?

— Пых. – Принял резонность моих аргументов Дедушка.

Хоть он, ровно как и Ломтик, необъяснимо благоволил неким наглым тёмным, понимал не хуже моего, что занятия для новеньких по энергообмену Тиму всерьёз не воспримет.

Ещё бы.

Нас ведь там учат, как управлять энергетическими потоками без всяких там поцелуев и эмоциональных всплесков!

— Ерунда. – Отмахивается Петтери, когда пытаюсь воззвать к чьей-то крепко спящей совести. – Чушь волкодлачья. Можно подумать, я не в курсе, что они там только мозги вам теорией забивают, а практики дают – ноль. У нас же что ни встреча, то практика в чистом виде, правда, светленькая?

Я обычно хмурюсь, больше из вредности, конечно... отбиваюсь, но... не слишком-то всерьёз. В конце концов вся

эта возня заканчивается тем, что некромант сгребает меня в охапку, зарывается носом в волосы, вдыхает... и кто-то определённо самый счастливый в мире.

Конечно, к местному обращению и манерам привыкнуть надо. А пожалуй, что и вникнуть в разницу менталитетов. И только вникнув, можно понять, что они тут только кажутся пафосными и непробиваемыми. Мол, такие уж мы, себе на уме... На деле же народ в моём новом обитает довольно простой, просто времени попусту тратить не любит.

Вот и Тиму Петтери оказался прав в том, что с «нашей практикой по энергообмену», хм, назовём это так, я скорее освою Аураведение.

И хоть правоту некроманта я ни в жизнь не признаю, себе-то врать бесполезно!

Я и в самом деле куда быстрее остальных сумела отследить то место в пространстве (на самом деле – в энергетическом теле, которое окружает физическое светящимся коконом), через которое и производится передача энергии. А также раньше всех сумела выделить из целого спектра эмоций нужную, ту самую, которая «кляц!» – и открывает клапан, позволяя энергии светоча течь.

Сама я, как ни парадоксально это звучит, пользоваться собственной силой не могу. Пока.

Грубо говоря, магические «мехи», или, проще говоря «лёгкие» у меня ещё не вполне растянуты...

В этом и заключается главная проблема «светлячков»:

нам, в отличие от тёмных, напрямую контактирующих с Хаосом, нужно с собой в первую очередь работать. «Магические мышцы» качать. А это долго, нудно и трудно. И уж, конечно, не так интересно, как по Слоям скакать!

А ещё обидно бывает вот от чего: Петтери за считанные секунды проворачивает то, на что на практикуме у меня по паре часов уходит. Я тупо отследить энергетический поток не успеваю! Отчего злюсь и... размыкаю новые энергоканалы для этого нахала!

И снова не успеваю ничего понять!

Чтоб ему с йети в гоне повстречаться!

И всё же... как ни крути... благодаря связке с Петтери, на занятиях по Ауроведению, или энергообмену я лучшая.

Леди Маро – Ауроведение у нас ведёт самая настоящая горгона, даром что призрачная – на меня не нарадуется.

— И это благодаря мне, детка, – подначивает Петтери, нарываясь на очередную порцию возни и тычков. И поцелуев, чтоб его!..

Я так разозлилась, думая о Петтери и ещё больше от того обстоятельства, что не думать о наглom некроманте было совершенно невозможно, что сама не заметила, как дошла до лаборатории.

— Так, что мы тут имеем? – деловито поинтересовалась я у Ломтика, который, стоило нам оказаться в святая святых, с видом заправского инспектора заскакал между склянок с порошками и реактивами.

Вымахал дракошка за прошедшие две недели – будьте-на-те.

Если при поступлении не больше белки был, то сейчас, пожалуй, размером с грифона. С печально запомнившуюся мне собаку-грифона из моего родного мира, если что, а не с того, что за академией, в «угодьях» профессора Гриффирда пасутся...

— Осторожно! – буквально в последний момент я успела подхватить порошок из сушёных мушrooms, уводя ценный магический ингредиент из-под удара непоседливого хвоста. – Будет нам с тобой от Магистра Онни за его драгоценные мушrooms!

Ломтик лукаво посмотрел на меня умными глазками и умильно заморгал.

— Пиу-пиу. – Исчерпывающе объяснил своё несносное поведение малыш и заскакал белкой вокруг вертушки.

— Пых! – донеслось ему в ответ с пола. – Пыыы-ых!

Я только руками развела. Пых у нас всегда на стороне Ломтика (можно подумать, я против!) Но с Дедушкой у них и правда просто слепое обожание какое-то. Если рядом Йо-лы нет, конечно. Перевертыша Петтери Ломтик тоже любит. Хоть и побаивается немного.

Итак, вчера я в очередной раз в нужных пропорциях замешала концентрат белладонны с щепоткой толчёного корня мандрагоры и реактивами, после чего, нырнув следом за профессором сразу на Третий слой Хаоса, щедро разбавила

полученный порошок лунным светом...

Сердце привычно затрепетало, когда дрожащими от нетерпения пальцами извлекала пробирку из вертушки... Неужели снова обнаружу вместо обещанного Магистром Онни Луноблика лишь жалкую горстку пыли?

— Ага! – завопила я в голос и чуть было не последовала примеру Ломтика, заплясав между лабораторных столов. – Выкусите все! Получилось! Получилось! У меня получилось!!!

В крохотной пробирке легонько покачивался лунный отблеск. Крохотный совсем, едва различимый... Но всё же это был Луноблик! Самый настоящий! Что ни на есть! Собственного производства!

А значит... Ух! Да много чего это значит, вот! У меня аж голова закружилась от счастья.

Но первое и самое главное на настоящий момент – это именно то, что нужно для предстоящего практикума у профессора Онни.

Он, на минуточку, со старшими курсами заниматься будет! И меня пустил бы, конечно, не отказал. Но как же здорово будет посетить настоящий, «взрослый» практикум не в качестве вольнослушающей, а вроде как без пяти минут практикантом самого профессора Онни!

— Ещё пару капель родниковой воды, про запас. – Пробормотала я Ломтику, бережно укладывая пробирки в специальный носитель.

— Пых? – уточнил Дедушка и сделал «козу» ростку мандрагоры.

Тот недовольно выглянул из-под зелёной шапочки, и, естественно, разразился препротивейшим пискком.

— Да, да! – поморщившись, я бросила в заходивший ходуном горшок подкормки. В наступившей тишине послышалось довольное причмокивание. – Теперь можно и в беседку.

Напоследок бросила взгляд в зеркало. Пригладила выбившиеся из пучка волосы, покусала губы и, не удержавшись, пощипала себя за щёки.

— Вот теперь – идеально. – Шепнула своему отражению. Девушка в зеркале мало напоминала меня прежнюю.

Некогда русые волосы превратились в копну белоснежных локонов, которые то и дело норовят выбиться из причёски, зазеленевшие глаза лихорадочно блестят, губы вечно припухшие... В общем и целом – вид кошки, нализавшейся сметаны. А как же иначе? У меня ведь теперь Ломтик есть. И Пых.

И... целый волшебный мир, вот!

«Ага, мир, как же. – Не замедлило вмешаться Ехидство и гаденько протянуло. – Волшебное-ебный! Волшебнее некуда, ага».

«Цыц!» – отрезала я Ехидству, не в силах перестать улыбаться.

«Молчу-молчу. – Притворно вздохнуло Ехидство. – Фьорды забыла...»

Махнув на Ехидство рукой, я понеслась к фонтану.

Очень надеялась по пути, что кто-то не в меру наглый не сорвёт мне предстоящее занятие. И... ещё больше надеялась, что сорвёт.

Непонятно? Я сама слабо что понимала.

Но таков уж этот Петтери.

Непонятный. Противоречивый. Сложный.

Замороженный, чтоб его!

Вот и рядом с ним сложно. Очень.

А без него...

А без него просто невыносимо!

Только я в этом никому и никогда не признаюсь.

Даже Ломтику с Дедушкой.

Правда, этим и признаваться ни в чём не надо. Насквозь меня видят...

— Пых... – вдруг тихо и как-то предупредительно пыхнул Дедушка и в следующий миг превратился в облачко.

Не дойдя до беседки десятка шагов, я застыла, как вкопанная...

— Девочка моя, как ты похорошела! – пропела леди Морвейн, поднимаясь мне на встречу. – Ну просто персик! Кли-мат фьордов не навредил тебе? Вижу, вижу, что не навредил!

Вот случается же такое – ожидаешь чего-то, предвкушаешь, обдумываешь, даже ощущаешь заранее, а в итоге получаешь совсем другое и чувство такое, будто тебя обманули.

И ведь я рада была повидаться с Леди Морвейн, хотя бы потому, что леди с её соули-бабочкой – одни из тех, кто первыми встретили нас с Ломтиком в новом мире... Так что правда, я рада... была... бы... наверное...

Вот только учитывая, что, спеша к беседке, чуть ли не чьи-то горячие губы на своих ощущала, руки опять же... наглые... а ещё сильные и нежные одновременно... и потому, увидев на нашем с Тиму месте «розовую ректорессу», чувство у меня возникло такое, будто ждала подарка, а получила носки. Ношенные.

— Вовсе нет... – Я запнулась, отвечая на её риторический вопрос и замешкалась.

Уверенность, что это именно Тиму вызвал меня через постограф, по какой-то непонятной причине отступать не желала. А потому пришлось приложить усилия, лишь бы не показать, не продемонстрировать это чувство «обманутости». Ведь местные маги до того чувствительные и проницательные, прям житья от них нет...

— Здравствуйте, руова Шанель. – Взяв себя в руки, я улыбнулась как можно приветливее. – Очень рада вас видеть!

— Ах, оставь эти церемонии!

С этими словами леди звонко расцеловала меня в обе щёки. Её розовая бабочка-соули трепеща крылышками, закружила над нами.

Сама леди тоже была в розовом. Раздуряившаяся, цветущая, щебечущая без умолку, будто райская птичка.

За минуту я узнала о Лицее Морвейн больше, чем пишут в студенческих новостях. Хотя, признаться, я особо и не вчитывалась... Просто Морте увлекла, очаровала, вскружила голову с первой же минуты. И тут уж даже Ехидству возразить было нечего. Тиму Петтери тут точно ни при чём. Почти...

— Представляешь, пыльцу потом по всему кампусу за принцами собирали! – щебетала леди. – Хорошо ещё, феи помогли. Но уж вытоптаннные грядки курпицы они теперь долго вспоминать нам будут. А что поделаешь, наследные принцы, к тому же светлые... детка, да ты совсем меня не слушаешь!

Леди Морвейн нахмурилась.

Завладев обеими моими руками, она увлекла меня на скамью рядом с собой и пристально заглянула в глаза.

— Нет-нет, что вы, очень интересно. – пробормотала я. – Принцы, курпица... ага. А у меня Луноблик получился!

Вопреки ожиданию, ректоресса «розового лица», как презрительно зовут его в Морте, моему достижению не обрадовалась.

— Тебя допускают в Хаос? – приподняла леди изящную бровь. – Уже?

Я пожала плечами.

Трепещущие крылья её соули задели щеку и пришлось

приложить усилия, чтобы не отшатнуться. Лепидоптерофобии, или как по-правильному называется боязнь бабочек, у меня нет и близко, по крайней мере, не было до сего момента, но соули ректорессы определённо раздражала.

— Периодически. – Ответила я осторожно и покосилась на Ломтика.

Тот, в отличие от меня был не столь щепетилен, и когда насекомое изъявило желание присесть ему на мордочку, фыркнул облачком пара и попытался спрятаться за отворотом моего пиджака.

— Простите его. – Вымученно улыбнулась я руове Шанель. – Над манерами нам ещё работать и работать.

— А не по Хаосу шляться. – Как бы невзначай бросила ректоресса, и я вздрогнула. Очень уж внезапно прозвучало. И грубовато, да.

Но леди Морвейн уже звонко смеялась, давая понять, что пошутила.

А потом вдруг сделалась серьёзной.

— Детка, тебя используют.

Я часто заморгала от неожиданности. Даже не успела произнести резонное «кто?», как леди заговорила снова.

— Но я тебя вытащу. Непременно вытащу. Главное, не волнуйся, Туули!

Я невольно отстранилась. Наверное, что-то такое проступило на моём лице, потому что леди Шанель Морвейн невесело и как-то нарочито понимающе усмехнулась.

— Благодарю, леди Морвейн, за заботу... мне приятно, правда. Но Морте, — я невольно оглянулась на академию. — Она только с виду такая... немного пугающая, готиченькая даже, пожалуй... Но на самом деле...

— На самом деле твоему дракону рано ходить в Хаос, Туули! — отрезала леди. Я даже не подозревала, что «розовая ректоресса» может говорить таким тоном. — Все эти ваши походы к Источнику ничем хорошим не закончатся!

Однако я уже успела взять себя в руки.

— Ломтик не ходит со мной в Хаос. — Покачала я головой. — Он для этого слишком маленький, вы верно заметили.

— Хочешь сказать, что ходишь в Хаос без защиты? — леди посмотрела на меня с каким-то новым интересом.

И вот самое время, чтобы похвастаться Дедушкой — с таким защитником мне даже нижние уровни не страшны, особенно после тренировок с Тиму, но... рассказывать о Пыхе мне почему-то совершенно не хотелось. Вот так, без объяснения причин. Не хотелось, и всё.

Тиму бы сейчас пошутил, что я сама становлюсь тёмной. Таинственной, важной, загадочной и вообще себе на уме. А что, меня устраивает.

Вот только от меня не укрылось, что Дедушка «испарился» ещё на подходе к беседке. И «пыхнул» напоследок — неоднозначно и предупреждающе. А значит, почувствовал неладное.

— Да какой там Хаос. — Я нарочито небрежно пожала пле-

чами. – Меня пока только в Лабиринт допускают. И то под присмотром.

— Ну-ну, – покачала Морвейн головой. – А как же Источник?

— А что Источник? – не поняла я.

— Девочка моя. – Руова Шанель прищурилась. – Источник Морте, один из мощнейших на континенте... иссыхает. Для того твой дракон и нужен, чтобы питать его магию!

— Вот как? Но мы ни разу не были у Источника. – Покачала я головой.

— Очень надеюсь, что ты говоришь правду, Туули.

Я даже спрашивать не стала, зачем мне врать.

— Вы извините нас, пожалуйста, руова Шанель. У нас как раз занятия для иномирян по расписанию, не хотелось бы опоздать к началу.

— Конечно, дорогая, беги! – Леди Морвейн снова была приветлива и беззаботна. – Ещё увидимся!

— Надеюсь, это будет нескоро. – Пробормотала я, убедившись, что руова Шанель растворилась в окне портала.

Время и впрямь поджимало.

Потому я подхватила Ломтика и ринулась напрямиком к «нулевому» корпусу. Чтобы спустя секунду чуть ли не лбами столкнуться с Иири Иизакки.

Хорошо ещё, некромант успел сменить траекторию и меня за локоть придержал, чтоб не споткнулась.

— Иири! – обрадовалась я. – Как я рада тебя видеть! Как

ты себя чувствуешь?

С куратором мы виделись редко. На второй же день моего пребывания в Морте Иизакки заболел, так что мы с Ломтиком навещали его в лечебнице. Правда, пустили нас лишь спустя несколько дней. А что касается кураторских обязанностей Иизакки, их на себя мужественно взял Петтери. И не сказать, чтобы кто-то был против.

И тем не менее, видеть Иизакки, оправившегося после болезни, пусть всё ещё бледного и осунувшегося, было приятно и радостно.

Некромант горячо заверил нас с Ломтиком, что они с Медянкой в полном порядке «и даже лучше, чем прежде». И прямо сейчас готовы приступить к своим кураторским обязанностям. Я сдержанно поблагодарила, думая при этом, что вряд ли этой новости обрадуется Тиму.

Не заметив моего замешательства, Иири тут же ошарашил новостью:

— Сегодня вечером покажем вам с Ломтиком, наконец, Источник.

— Источник? – опешила я.

Как говорит Петтери «Не верю я в такие совпадения»!

— Источник Морте. – Кивнул, сияя, как начищенный тенге, Иизакки.

— Но разве Ломтик не слишком маленький, – я замаялась. Сообразила, что глупость сморозила.

Маленький – для чего? Для Хаоса? Так нас вроде туда и

не зовут. А всего лишь хотят показать их местную достопримечательность.

Иизакки посмотрел на меня с недоумением.

— Ты чего, Туули? Вы ведь там ещё не были. К тому же это распоряжение ректора.

— Ректора? – задумчиво переспросила я.

— Ну да, гера Петтери. Кого же ещё?

Глава 2

— Никогда б не пропустил твоё первое перевоплощение, козочка. – Развязно подмигнул Бонсайми, выныривая прямо из парты передо мной, как дрессированный дельфин.

Ломтик смешно заухал, приветствуя старого знакомого, а мартышкокошка Мюмла зашипела и раздражённо замахала на Привратника обоими хвостами.

Магистр Онни степенно вышагивал между рядами, проверяя домашнее задание по получению Луноблика и, по своему обыкновению, вгонял адептов в состояние если не паники, то лёгкого мандража или даже тревоги по поводу предстоящей трансформации. Особая хитрость грядущего перевоплощения заключалась в том, что оно готовилось случайным. На целенаправленные адепты Третьего, Четвёртого и Пятого курсов – а этот факультатив Онни вёл именно для них – пока неспособны.

— Высшая Алхимия начинается с Шестого Уровня, – не замедлил блеснуть искусством чтения мыслей профессор.

Погрозив Бонсайми кулаком, Мюмла продолжила скакать по партам, расставляя перед адептами наборы склянок с нужными магическими реактивами.

— Передержали, нейтири Пьетхъёо, слишком увлеклись вертушкой, нуори Расмус, жидковато получилось, нуори Стабитхъйу. – Хмурясь, комментировал профессор Онни,

разглядывая горделиво выставленные вперёд пробирки с Лунобликами.

По нашей с Ломтиком пробирке он едва мазнул взглядом и сухо кивнул – и справедливо. Как-никак Луноблика того у меня вышла капля, но третьекурсники поглядывали на наш с Ломтиком стол со смесью интереса и уважения.

А кто-то даже не сломался комплимент сделать.

— Молодец, Туули. Справилась. – Заметил некромант за соседней партой, а его соули, больше всего похожая на оранжевого чебурашку, захлопала в ладоши.

— Спасибо. – Улыбнулась я.

— Тебе спасибо. – Ответил парень. – Я благодаря тебе двадцать тенге заработал.

Я скривилась и показала ему язык. Между прочим, мог бы и меня предупредить о тотализаторе, я бы на себя поставила...

— Сама в Хаос ныряла? – спросила, ревниво разглядывая мой Луноблик, некромантка с густым синим ёжиком на голове и синим же ёжиком-соулом. – Или, как всегда, с Петтери? Может, он и Луноблик тебе делал?

— С профессором. – Сухо ответила я, предупреждая дальнейшие намёки на помощь Тиму Петтери. Можно подумать, Вильда не в курсе, что подтасовки Онни не потерпит.

— Не обращай внимания, Туули. – Подмигнул некромант с соулом-василиском на плече. – Вильда и сама не отказалась бы от помощи Петтери.

— Что сказать? – шепнула я, пожимая плечами. – Жизнь полна несправедливостей.

— Ну-ну. – Фыркнула Вильда и тут же замолчала под пристальным взглядом Магистра.

И всё же комплименты были заслуженные. Они тут сплошь Третий уровень, мы же с Ломтиком – нулевые. Пока.

— Профессор Онни! – подняла руку Вильда. – А разве это справедливо, что мы тут все в связках, а Севèри одна? Может, стоило её напарника вызвать? А то ведь не выйдет трансформации. Так и зарождаются комплексы.

— Благодарю, нейтири, – хмыкнул Магистр. – Без вас мне бы нипочём не догадаться о природе зарождения комплексов.

Бонсайми зачмокал губами и с деланным сочувствием погладил некромантку по стриженной макушке. Фыркнув, та отмахнулась, вызвав смешки. Однако не так-то это просто отмахнуться от Привратника. Вредина-Бонсайми лишь засююкал ещё старательнее.

— Вот потому вам никогда не стать настоящими некромантами. – Осадил хихикающих адептов Магистр Онни. – Внимание мага направлено в первую очередь на себя. И только на себя. А вам лишь бы по сторонам вертеться да впустую силу расплёскивать.

Пристыженная Вильда склонилась над партой и нервно погладила ёжика.

Профессор же продолжал.

— Зелье случайного перевоплощения не терпит небрежности. Но раз уж вам так не терпится, прошу под купол, нейтири Вильда. Вы первая.

Некромантка живо поднялась со своего места и с гордостью продемонстрировала всем наполненную лунным светом пробирку. Проследовав в центр аудитории под мерцающий купол, она принялась деловито замешивать зелье.

— Пых. – Шепнули рядом.

— Ага. Ещё как Пых.

Мы с Дедушкой обменялись понимающим взглядом.

Противная Вильда знала, куда уколоть.

За пролетевшие недели Тиму Петтери не посетил со мной ни одного практикума, зато по своим «таскал» чуть ли не каждый день. О нас даже шептались, что новенькая для сына ректора ни что иное, как кормушка, работающая проводником по контракту.

Вильда тем временем закончила замешивать зелье, после чего быстро выпила полученную субстанцию и, произнеся заклинание, вытянула перед собой руку.

Мы все, включая призраков, сказали слаженное «Ах!».

Зрелище, открывшееся нашим глазам, было того достойно.

Изящная рука адепки на глазах покрылась змеиной чешуёй, по которой побежали разводы, на ходу оборачиваясь плавниками. После плавников были кактусы, птичьи перья и даже зелёные колосья.

— Очень недурно. — Резюмировал Магистр Онни, удоставляя Вильду высшим комплиментом на свой манер. За это его и любили. Спуску алхимик никому не давал, но и заслуги признавать умел. — Впрочем, как всегда. Садитесь, нейтири. Нуори Фйери следующий.

Мы с Ломтиком с волнением ожидали своей очереди.

— Это же ненастоящий практикум. — Шепнула я «попыхвающему» Дедушке. — Это факультатив. И я здесь в качестве вольнослушающей... Откуда Тиму знать, что я тоже перевоплощаться буду...

Дедушка лишь прищурился.

Я вздохнула.

Тиму и правда не знал, что у меня Луноблик вышел — хотела с ним этой грандиозной новостью лично поделиться. В беседе... Тогда же и на практикум пригласить... да леди Морвейн планы спутала... А после Тиму на связь не выходил.

Я смотрела, как некроманты выращивали вместо пальцев апельсины, демонстрировали звериные когти, жабры, плавники и даже грибы.

Длилось каждое перевоплощение недолго — несколько секунд, не больше.

Кому-то, как Вильде, удавалось задействовать всю руку, кому-то только один палец, в зависимости от количества и чистоты Луноблика.

С моим вызовом профессор Онни почему-то тянул. Про-

пускал одного адепта за другим, время от времени бросал взгляд на круглый циферблат, плавающий в воздухе.

Вдруг он прислушался к чему-то и, скупно усмехнувшись, кивнул мне.

— Нейтири Севèри, прошу.

В тот же миг дверь в аудиторию распахнулась. Мне и оглядываться не нужно было, чтобы знать, кто это. Сердце так и застрочило!

— Простите за опоздание, Магистр Онни. – Некромант быстро занял место рядом со мной. А у меня дыхание перехватило.

Тиму Петтери. Пришёл. На мой. Практикум.

Сухо кивнув Тиму, Онни поторопил меня:

— Ну же, нейтири. Мы все ждём.

— Она ждёт, когда Петтери её за ручку отведёт. – Прокомментировал, глядя в пустоту перед собой, Илон.

— Завидуйте молча, Брауни. – Осадил блондина профессор и все снова захихикали, за исключением одной знаменательной компашки...

Они тоже присутствовали. Отрабатывали таким образом право на посещение Лабиринта после отвода за разгромленную аудиторию. Нас с Ломтиком не задирали – после того случая мы для них словно умерли, что, впрочем, нас с дракошкой вполне устраивало. А вот с Тиму конфликтовали в открытую. И не только за битые морды. А главным образом за то, что его, несмотря на самое, что ни на есть, прямое и

активное участие в драке, в Хаос допустили и избавили от необходимости «отработок»...

Зардевшись под пристальными взглядами старшекурсников, я проследовала к куполу. Если на то пошло, Магистр Онни мог бы и предупредить, что Петтери появится! Тоже мне, экспериментатор выискался!

Вот и думай теперь – Тиму здесь из-за меня или потому, что Онни попросил? А может, тоже какой эксперимент ставит.

Поди их тёмных, разбери.

Оказавшись за мерцающей завесой, я машинально взглянула на своё отражение на внутренней поверхности купола и пригладила волосы. После чего постаралась сосредоточиться исключительно на приготовлении зелья. Только вот фигушки! Пристальный взгляд Тиму Петтери я ощущала буквально всей поверхностью кожи...

Потому всё и шло сикось-накось.

Склянка с порошком из измельчённых игл лиловой ели никак не желала открываться, а когда, наконец, удалось открутить крышку, оказалось, что он отсырел и потому отмерять нужное количество пришлось на глаз. Кристаллы воздуха и вовсе просыпались мимо, и пока я, снортыхаясь сквозь зубы, собирала их, большая часть успела испариться...

— Может, ей и правда лучше было бы в розовом лицее? – задумчиво произнесла Ритва.

— Я, кстати, видела, розовая ректоресса навещала нашего

дракона сегодня. – Подхватила Марджут. – Очень даже мильенько щебетали в беседке.

— Не иначе, поддержать бедненькую приходила...

Проклиная всё на свете и особенно розовый цвет, Луноблик я бахнула уже не глядя...

Взболтав полученное зелье, опрокинула его в себя залпом.

Голова закружилась. И совсем не от счастья.

— Концентрируйтесь на своём соуле, Туули. – Будто сквозь толщу ваты донёлся голос профессора Онни.

Дракошка тут же заскакал вокруг, привлекая внимание. Я попыталась сосредоточиться исключительно на нём, но вот кто-то снова упомянул леди Морвейн и назойливая мысль о ненавистном розовом цвете не замедлила вернуться.

Голова уже не просто кружилась – её вместе с заходившим ходуном миром безжалостно мотало из стороны в сторону.

— Концентрируйтесь на соуле! – профессор уже чуть ли не кричал.

Лица за прозрачным куполом слились в одно.

Красивое до невозможности и... испуганное. Лицо Тиму Петтери.

— Севèри! – рявкнул Онни и я, вздрогнув, снова перевела взгляд на Ломтика.

И тут вдруг дракончик мой принялся расти.

Практически сразу мир расшатываться перестал и как-то неуловимо изменился. Я же с изумлением уставилась на свои

руки. То есть лапы. Лапки. Розовые...

В ледяном ящере, который был выше меня на голову, я с трудом узнала Ломтика.

— Пиу! – сообщил Ломтик – сверху и почему-то басом, восторженно меня разглядывая. – Пиу!

— Блестяще, нейтири Севèри. – Раздалось чуть ли не над ухом. В то время как сам профессор Онни царил на какой-то недосыгаемой высоте. И был гигантским! Впрочем, как и остальные, окружившие купол.

— Блестяще – Севèри или блестяще – Петтери? – ехидно уточнила уязвлённая Вильда.

— Это как раз тот случай, когда неважно. – Невозмутимо ответил ей профессор. – Связка прекрасно работает. И только это главное.

— Так нечестно! – возмутились чуть ли не в один голос Марджут и Ритва. – Она вообще нулевая!

— Какого снорха она вообще на нашем практикуме делает?!

Я больше не слушала их перепалку. Вместо этого с изумлением разглядывала... розовую зайку, отразившуюся от стен купола.

Зайка была совсем крохотной, даже меньше Ломтика. С длинными ушами, белой грудкой и смешным подвижным носом.

Я так удивилась присутствию чьего-то соула под куполом, что не сразу сообразила, что не соул это никакой! А вижу

я себя, после пресловутой «случайной трансформации»! И когда осознала, что это действительно я, голова опять закружилась и в следующий миг я уже была прежней.

Аудиторию потряс взрыв хохота и... рукоплесканий.

И даже профессор Онни не возражал против столь вопиющего нарушения дисциплины.

Столовая в Морте – отдельная песня. Это вам не «столовка» в моём бывшем универе. И хоть на микробиологах там особо не экономят, по сравнению Морте наша бывшая столовая – прям позор-позорище.

Перламутровые летающие люстры, круглые столики на драконьих лапках, удобные кресла, уютные занавески – и, самое главное, кухня. Очень разнообразная и столь же восхитительно-вкусная.

Правда, нет в мире совершенства – это я о том, что и здесь полно тех, кто от академической столовой нос воротит.

Старшекурсники предпочитают ресторан, или, на худой конец, кафешки на территории, Вышкекурсники (в переводе на «наш» сленг – аспиранты) так и вовсе столуются с профессорами-Магистрами. Петтери меня тоже всё по кафешкам таскал, для ознакомления, так сказать, а на деле, чтобы в отдельной нише-комнатке обедать, за специальной ширмой.

Там, кстати, и обнаружилось, что пирожные, те самые, что у себя в комнате находила и которые нам с Дедушкой особенно полюбились – не от Морте вовсе, как я сразу решила,

а из ресторана. Точнее – от нуори Тиму Петтери.

Все эти «пирожные дела» я решительно пресекла, как только научилась магическую защиту на дверь ставить. Петтери она, конечно, что яичная скорлупка, но вопит гадко. Голосом Ломтика, помноженным на Дедушкин возрастающий «пых». Так что пусть непрошенный гость только сунется – его соседки-адепки тапками закидают. И правильно. Нечего со своими пирожными вламываться...

Что же касается ресторанов этих – можно подумать, о нас мало сплетничают...

К тому же кормят в столовой и правда вкусно!

А если кому охота побыть джентльменом, что ж, может вполне поднос с тарелками донести. Так я некроманту и сказала после практикума у Онни. Тиму ответил, правда, что понятия не имеет, кто такие джентльмены, и что он мне не официант, а старший в связке. После чего оставил меня за столиком у окна и пошёл заполнять мой поднос едой. Потому что мне после трансформации восстанавливаться надо. И срочно. Так он сказал.

— Спасибеще!!! – Искренне поблагодарила я вернувшегося некроманта и набросилась на запечённые с сыром овощи, даже не удосужившись переставить тарелки с подноса на стол.

Петтери, посмеиваясь, принялся проделывать это за меня. Но когда приподнимал блюдо с тушёной в сметанном соусе рыбиной, от которой я как раз отщипнула, продолжая наби-

вать рот овощами, клянусь, я чуть не зарычала! Как выяснилось, эти их случайные перевоплощения совершенно выматывают и аппетит пробуждают просто зверский!

— Да ладно тебе, – усмехнулся Петтери, отхлёбывая чокко. – Это всего лишь еда.

— И фто на практимум прифол. – Решительно плюнув на манеры, пробубнила я.

Тиму расхохотался и тут же сделался серьёзен:

— Я бы никогда не пропустил твой первый практимум, Ули.

— Ты даже не знал, что у меня Луноблик получился! – возразила я.

— Я просто в тебе не сомневался. – Ответил он, пожимая плечами. И добавил вдруг: – Ты умница, Ули. Правда, умница. Не злишься на меня?

— Ого! В один день комплимент и от Онни, и от тебя... Надо будет заметку в постографе сделать! Как думаешь, напечатают обо мне в Вестнике Морте?

— Всё-таки злишься...

— Да за что? За то, что пирожных не доложил? – я скептически окинула взглядом тарелку с оными. Эх, далеко им до тех трубочек... И всё же недурно, недурно! Две корзиночки – со сливочным и взбитым кремом, эклер и мороженое в специальной леденцовой вазочке на утиной лапке.

— Куда! – Я хлопнула по обнаглевшей конечности за попытку подцепить одну корзиночку.

— Злишься, злишься. – Не унимался тёмный. – Вон, раз пирожное зажала, точно злишься...

— Да что ты заладил, злишься, злишься! – Взвилась я и откусила от пирожка с грибами. Тесто оказалось таким нежным, что остановиться, пока не прикончила всю сдобу, я просто не смогла. Проглотив, продолжила: – Я на тебя всегда злюсь. Ты наглый и самоуверенный. Но периодически бываешь хорошим. И даже милым. Вот как сейчас, например. И сейчас я и правда не понимаю, о чём ты.

— Снорх меня дери, Ули! – вспыхнул и Тиму. На нас заоглядывались, захихикали. Некромант заговорил тише: – Прости меня. Ты же это хотела услышать, да?

— Ага. Легко. – Не стала я капризничать, а решила брать, что дают. – Напомни только, за что я тебя только что простила?

Петтери посмотрел на меня долгим взглядом. Видимо, считал, что я придуриваюсь. А я не придуривалась, у меня и правда после превращения мозга набекрень.

— Прости, что вызвал и не пришёл. К фонтану. Меня... снорхи, меня к ректору вызвали. – Нехотя признался он. – И срочно. Нельзя было отказаться, никак. Как закончил – сразу к тебе на практикум. Могла бы, кстати, предупредить, что участвовать собираешься, а не просто слушать. Так нет же, для этого мы слишком гордые!

— Так это ты всё-таки написал?! – воскликнула я с облегчением. – Значит, я ещё не сошла с ума.

— От любви ко мне? – нахально усмехнулась зараза брюнетистая. – Сошла-сошла, не выдумывай. Таких очаровательных розовых зайцев стены Морте ещё не видели. Но написал я. А ты кого-то ещё ждала?

— Леди Морвейн приезжала. – Нехотя сообщила я и Тиму нахмурился. Розовую ректорессу в Морте, мягко говоря, воспринимают с осторожностью, а у Тиму же к руове Шанель и вовсе какая-то подозрительно личная неприязнь. – Именно она меня и встретила. В беседке.

Между бровей некроманта пролегла глубокая складка.

— Как ты говоришь в таких случаях? Совпадение? Не думаю. – попыталась я пошутить. Шутка вышла так себе, Тиму даже не улыбнулся.

— Вечером поход в кино отменяется, Ули. – Со вздохом сообщил некромант о крушении наших вечерних планов.

— Я знаю. – Пожала я плечами. – Сама хотела тебе сказать.

Некромант тут же насторожился.

— Что ты имеешь ввиду?

— А ты? – да, я тоже умею быть наглой.

Учителя, знаете ли, хорошие были.

— Ули. Не испытывай. Моё. Терпение. Не советую.

Я невозмутимо пожала плечами.

— А ты – моё. Тоже, знаешь ли, чревато. Ладно, одну корзиночку можешь взять. И пирожок. Только не с брусникой!

К выпечке Тиму не притронулся. Вместо этого продолжил

сверлить меня взглядом. А что я? Я тоже на него смотрела. Поглощая при этом мороженое. Клубничное, с мятой и шоколадной крошкой. Моё любимое.

— Вот ты упёртая! – не то с уважением, не то с порицанием качнул головой Тиму и снова нахмурил брови. – Да у меня тут просто практикум внеплановый нарисовался. За пределами Морте. Так что в кино завтра сгоняем.

— Ого, а что за практикум?

— Да на кладбище в соседнем городке умертвия шалют. Нужно упокоить. Можно подумать, кроме меня больше некому... Впрочем, я не против. Больно уж хорошие деньги обещают.

— Удачной охоты, лягушонок. – Великодушно пожелала я и отхлебнула чокко.

— А вот это уже наглость, Ули. В вашем мире все светоши такие деловые?

— Не-а, я одна-единственная в своём роде.

— Ули...

— Тиму...

Снова игра в гляделки, закончившаяся на этот раз моей капитуляцией.

— Да мы с Иизакки к Источнику идём. – Со вздохом сообщила я, стараясь сделать это как можно спокойнее и не ёжиться.

Выдал меня Ломтик – дракошка задрожал мелкой дрожью, демонстрируя наше общее волнение.

— Что?!

Некромант потемнел лицом. Даже известие о визите леди Морвейн так его не рассердило. Может, права леди? Что-то тут в Морте нечисто и это как-то с Ломтиком связано?

— Распоряжение ректора. Так Иири сказал, – осторожно заметила я.

От щёк Тиму мгновенно отхлынула кровь. Он стал бледнее призрака. Я уж подумала – внезапный скачок в Хаос.

— Тим...

Некромант потряс головой, будто отгонял морок и хмыкнул.

И выдал вдруг:

— Вечером идём вместе.

— К Источнику? – уточнила я.

Но от сердца уже отлегло.

Мысль о том, что рядом будет Тиму Петтери, успокаивала.

— Нет. На кладбище.

— Но распоряжение ректора... – замямлила я. – Да и мне нельзя пока покидать территорию Морте, ты же знаешь. Нулевых не выпускают...

— Мы идём вместе – и точка. – Отрезал Тиму. – Давай, Ули, приятного аппетита. Вечером зайду за тобой. Форма одежды – тёплая и удобная.

Глава 3

*«О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И Опыт, [сын] ошибок трудных,
И Гений, [парадоксов] друг,
[И Случай, бог изобретатель]»
А. С. Пушкин*

Незримый защитный полог накрывает Морте специальным куполом. Вот почему на какой Уровень Хаоса ты бы ни вышел, находясь в академии – окажешься всего-навсего в Лабиринте. Исключение – Врата. Для профессоров и старших курсов.

Умирая же за стенами Морте, ты попадаешь в чистый Хаос. И это далеко не учебная территория и не студенческий Лабиринт... Вот почему новичкам нельзя покидать академии. Сперва нужно дождаться распределения на Уровень и факультет, пройти специальный обряд, получить защиту, которая изготавливается для каждого адепта индивидуально...

То, на что подбивал меня Тиму было прямым нарушением правил, за которое можно было запросто вылететь ещё до начала обучения.

Всё это и многое другое я услышала от соседки по кампусу, Иикки. Рыженькая и кудрявая – она оказалась младшей сестрёнкой Иизакки. А её природный цвет волос ры-

жим. Просто Иикки Иизакки любила экспериментировать с иллюзиями – это же касается и заострённых, как у эльфийки, ушей. В остальном же она была самой обычной девчонкой, насколько это понятие вообще уместно в контексте потомственной магини из волшебного мира. Деловитая, хорошенькая, строгая. Пожалуй даже, чересчур строгая. И во всём старалась походить на старшего брата.

— У тебя один выход, Туули – честно признаться во всём ректору. – Резюмировала Иикки свой гневный спич. – Петтери хорошо! Сын ректора, поди, не выгонят. А вот насчёт тебя, моя милая, будут вопросы. Будут, будут, даже не надейся, светленькая моя!

Что примечательно – Иикки Иизакки оказалась вовсе не тёмной. Природа её дара – светлая, как и у меня.

...В своё время это стало для меня настоящим открытием – светлые тоже учились в Морте! И ещё как учились. Просто не такие они заметные были, как некроманты, что ли. Держались почему-то скромно, вроде как по ошибке зашли. Должно быть, потому что чаще всего дар некромантии, тёмный дар проявляется у самых сильных магов. Причём у аристократии.

У меня даже собственная теория появилось, что светлые здесь – потомки иномирян, как я, например. Но сейчас не об этом.

Иикки выросла среди тёмных братьев и потому за себя постоять умеет. И вид имеет беззастенчивый и надменный,

так что, пока не научился видеть ауры можно запросто спутать её с тёмной.

— Только не говори, что если я к ректору не пойду – ты это за меня сделаешь, – буркнула я и Иикки тут же пошла на попятную.

— Ещё чего! Светоша светошу не обидит! – фыркнула Иикки. – И добавила насмешливо: – К тому же лезть в разборки высшей аристократии – себе дороже. Нет уж, сама как-нибудь разберёшься, не маленькая.

Я состроила рожицу.

— Вот и славно.

Ещё одним открытием стало то, что ректор наш, гер Вальфрам Петтери – герцог. К слову, какой-то там даже в очереди на престол. Не то восьмой, не то седьмой. То есть фамилия Петтери довольно громкая. И к трону близкая. Настолько близкая, что в своё время не одно поколение на этом самом троне провела...

Собственно, это и стало решающим аргументом по прекращению всех этих «пирожно-ресторанных дел» с Тиму Петтери.

Одно дело – крутить роман со студентом, не только в моём родном мире так делают, и совсем другое – с наследником герцогства, который никогда серьёзно к этому самому роману не отнесётся...

А также тебя всерьёз не воспримет.

И... это открытие было во всех отношениях трансформа-

ционным.

То есть я, получается, хотела от Тиму не только поцелуев в Хаосе, но и... чего-то большего?

Увы мне: так оно и было.

И одно дело врать самой себе, что это обычный студенческий роман, ни к чему такому ни одну из сторон не обязывающий и совсем другое – ловить на себе снисходительно-насмешливые взгляды местной аристократии.

Я, если честно, поначалу недоумевала, даже удивлялась, что прекрасная половина Морте ну совсем ни одной гадости мне не сделала и, в отличие от тех же Илона с компашкой, даже не попыталась! Ведь не секрет, что на Тиму здесь многие облизываются... а они просто всерьёз меня не восприняли. Впрочем, сноرخ с ними, с местными королевами. С Ритвой, Марджут, Вильдой и иже с ними...

Как узнать, воспринимал ли меня серьёзно сам Тиму Петтери?

Это, как говорит Иикки, большой вопрос...

— Что брату сказать? – прервала соседка поток моих мыслительных экзерциций.

— Эм... А?

— Он тебя искать будет.

— Угум... будет... Слушай, а скажи, что я у Онни? Алхимичу вовсю. А что, как по мне, так отличный аргумент.

— Ну-ну, – тряхнула Иикки рыжей чёлкой, но возражать и возмущаться на предмет того, что мало того, что сама вру,

ещё и её в свою ложь втягиваю да брату врать заставляю — не стала.

Впрочем, светлые в Морте и впрямь друг за дружку горой. А как иначе.

Что же касается Иири Иизакки, он, как и другие адепты, прекрасно осведомлён, что Онни в своей лаборатории, собственно, как и многие препода, магической техники не терпит. Так что пропущенные сообщения в постографе будут выглядеть довольно логично. Отбрешусь потом, что Онни задержал. И что сама утратила счёт времени. Учитывая, что Иири в курсе, что в моей прошлой жизни я училась на микробиолога и потому, естественно, увлеклась в Морте алхимией...

А Источник... Ну, потом как-нибудь сходим.

— Ули, ты готова? — спросил Петтери, заглядывая в окно.

Мы с Иикки синхронно взвизгнули: у нас тут как бы третий этаж.

— Ты что, на ходулях? — Иикки отмерла первой и бросилась к окну, проверять своё дикое предположение, я — следом за ней.

— Позер. — Фыркнула я, с восторгом наблюдая... половину Петтери. Вторая просто растворялась в воздухе.

Тиму выглядывал из портала!

— Ещё какой! — даже не думал спорить довольный собой некромант. — Так что, если готова, шевели булками. Не ровен час, заметят, как я у вас за окном тут болтаюсь.

— А что! Тебе идёт.

— И болтается лишь твоя половина.

— Вот именно! В то время, как моя лучшая часть мёрзнет за воротами Морте.

Иикки фыркнула, я зарделась, а Тиму, довольный произведённым эффектом, скомандовал мне шапку надеть. И шарф ещё один прихватить. На всякий случай.

— Давай сюда сперва нечисть твою. – Сказал он, пока я бегала к шкафу, извлекая шапку с шарфом. – И, знаешь, что... шапки тоже, пожалуй, две возьми.

Я нахмурилась. Признаваться, что шапка у меня одна, зато голубенькая и с двумя помпонами, не хотелось. А что? На территории Морте тепло, впереди лето, зачем почём зря стипендию тратить?

— Возьми мою, – любезно разрешила Иикки. После чего бросила в меня вязанным свитером с оленями. Пришлось стягивать куртку и натягивать свитер крупной вязки.

Дедушка уже приплясывал на подоконнике, развлекая этим Петтери.

— Откуда бы ты ни пришёл, дружок, идея прогуляться точно тебе по душе.

— У нечисти нет души. – Тут же смертельно обидела Дедушку Иикки.

— Пых. – Укоризненно погрозил ей пальцем Дедушка и, пыхтя, протиснулся мимо смеющегося Тиму в портал.

— Ты идёшь, Ули?

Я замешкалась на секунду-другую. Захотелось вдруг стянуть перстень Бонсайми с цепочки под сорочкой и надеть на палец. Вот такое нерациональное, необъяснимое желание. И притом практически непреодолимое, на грани фолла. Как говорится, захотелось, и всё тут. А в следующую секунду возникла мысль вернуть злополучный перстень Привратнику. Я бы уже давно это сделала, вот только с призраком наедине мы со Вступительного так и не оставались. А делать это при свидетелях – значит, расписаться в том, что пошла на поводу у призрака. Ещё и ради экзамена. Тоже, знаете, такой себе повод для гордости...

Проклиная про себя и перстень, и Бонсайми, и себя за то, что вспомнила о нём ну совсем невовремя, я протянула руку Тиму и провалилась вслед за ним в портал.

Первое открытие за стенами Морте – небо.

Чистое. Синее. Пронзительно-звёздное.

И северное сияние, которое обрамляет это самое небо лучисто-зелёными занавесками.

На территории Морте, надо думать, из-за магического купола небо занавешено туманно-фиолетовой дымкой. И северное сияние не такое яркое и чистое...

Зато в Морте всегда хорошая погода. И спутники со своими кольцами и поясами астероидов тоже всегда видны, а из-за магического преломления они кажутся куда ближе, чем на самом деле.

За воротами же дул такой ветрила, что Тиму нагло воспользовался распахнувшей варежку мной для давно ставшего привычным самоуправства. Недолго думая, выхватил у меня из-под мышки вторую шапку, которую дала Иикки. Натянув её, некромант поднял борта куртки и как следует замотался шарфом.

А я всё отмереть никак не могла.

Застыла, как заморожённая, пялясь в небо.

Глубина... Высота... Звёздность...

Ни одно слово не могло выразить моего внутреннего трепета перед этой бесподобной красотой, перед величием неба фьордов...

— Пошли, Ули. – Дёрнул, наконец, за рукав Тиму. – Нам ещё до места доплыть нужно. И, кстати, молодец, что решилась.

— Иикки сказала, что тебя из-за меня отчислят. То есть меня из-за тебя. – рассеянно ответила я и, с усилием оторвав взгляд от звёздного купола, потопала вслед за Тиму к причалу воздушных лодок.

— Оговорка по Гульвейг. – Фыркнул Петтери и почему-то поморщился.

— По ком-по ком? – не поняла я.

Тиму неопределённо махнул рукой.

— Да... Забей... Была одна колдунья... Мать демонов. Не люблю о ней, если честно. Даже имя упоминать противно.

И некромант демонстративно передёрнул плечами.

Я пожала плечами. Бывает.

— У нас говорят оговорка по Фрейду.

— Он тоже колдун?

Я покачала головой.

— Не-а, мыслитель и отец психоанализа. Хотя, если так подумать, и демонов тоже. Тех, что обитают в человеческих умах.

Тиму хмыкнул. Кажется, он прекрасно меня понял.

— И всё же по Фрейду мне нравится больше. Определённо, — он подмигнул и тряхнул красным помпоном на шапочке. Я не возражала.

Плыть на мини-дирижабле, или, как говорят здесь, на воздушной лодке, задевая днищем макушки вековых сосен и елей... Плыть под кристально-чистыми звёздными небесами в обрамлении зелёных и лиловых сполохов... Плыть, вдыхая всей грудью свежий, наполненный упоительными ароматами хвои и звенящей ночи, воздух... Плыть с нежным трусишкой Ломтиком на руках, доверчиво льнущим к щеке, с попыхивающим от удовольствия Дедушкой, приобнявшим меня за ногу... Плыть под счастливое уханье Йолки, изображающей из себя самку филина и летящей, распластав крылья параллельно с дутым полосатым парусом... Плыть рядом с Тиму Петтери, который меньше всего сейчас походил на недоступного аристократа и наследника герцогства Семи Фьордов...

Натянув мою шапочку на самые брови, — к этому времени шапка с красным помпоном, принадлежащая Иикки бла-

гополучно перекочевала на мою макушку, чем-то она Тиму не устроила, – он с серьёзным видом проверял специальный гарпун на поясе, метательные звёзды, цепочки с вращающимися брелоками и прочее замысловатое и незамысловатое оборудование для упокоения умертвий.

Если я о чём и мечтала в этой воздушной лодке – так только о том, чтобы восхитительное ночное плавание под звёздами никогда, никогда не заканчивалось...

— Приплыли, – положил конец моим чаяньям Тиму и бросил конец швартовы коротышке в котелке, поджидающему нас на стоянке воздушного транспорта.

Коротышка переминался с ноги на ногу у наземного экипажа, пускал дымные кольца и ёжился, оглядываясь по сторонам.

До кладбища мы добирались в закрытом дилижансе.

Ехали окрест городка, потому и разглядеть особо ничего не удалось. Очертания домов с остроконечными крышами, силуэты повозок и дилижансов, сонно мигающие огни окон...

Добравшись до места назначения, мы попрощались с провожатым, который стоило нам спуститься с лодки оказался выше меня на голову и устремились в самую глубину кладбища, мимо надгробных плит и каменных пирамид и обелисков.

Всю дорогу Тиму хранил молчание. Я в свою очередь не лезла с расспросами, молча наблюдала, как тёмный чертит

защитный круг и возводит из лиловой окружности едва заметный, и то лишь благодаря энергетическим отблескам защитный купол.

Закончив все необходимые для охоты на нечисть приготовления, некромант подошёл ко мне и взгляделся в лицо как-то странно. Возникло ощущение, что он видит меня и не видит одновременно. Или смотрит что-то, видимое ему одному... А может, лишь хочет увидеть что-то... этакое...

По-прежнему не произнося ни слова, Петтери вдруг растегнул куртку и размотав шарф, нервным жестом рванул борта рубашки в стороны. Сперва ничего не происходило. Затем на его коже – гладкой и приятно-смуглой, так и захотелось ощутить её под пальцами – замерцали символы, образуя очертания сверкающей цепочки.

Я ахнуть не успела, как Тиму уже сдёрнул через голову вполне себе материальную цепочку с небольшим кулоном на ней. Пылающие буквы на чёрном камне в форме капли показались мне странно знакомыми, но вспоминать, откуда они были мне знакомы времени не было – Тиму и мой шарф тем временем размотал и, надев цепочку мне на шею, беззастенчиво сунул руку с кулоном мне за пазуху.

Несмотря на ночную свежесть, рука Петтери оказалась тёплой. Даже горячей, чуть шероховатой наощупь... И наглой! Вот кто бы сомневался!..

Погладив там, где не стоило и сжав там, где не следует, Тиму, наконец, вынул обнаглевшую конечность под акком-

панемент моего возмущённого писка и тычков.

— Это же твоя защита! – Дошло до меня как до утки, на пятые сутки. – Ты с ума сошёл! А ты как же...

Некромант буркнул что-то неопределённое. Он продолжал смотреть на меня странно и дышал при этом тяжело. Даже Йола с Ломтиком, затеявшие возню под куполом притихли, Дедушка же делал вид, что он вообще не с нами.

— Погоди, – отмерла я. – А разве она не индивидуальная? Защита Морте...

— Точно. – Отмер и Тиму. – Хорошо, что напомнила... Иди-ка сюда... Светошка...

С этими словами он притянул меня к себе и сделал то, о чём я мечтала с момента выхода за стены Морте. Накрыл мои дрожащие губы своими. Твёрдыми. Горячими. Уверенными. Будоражаще властными до головокружения, до умопомрачения. И целовал так долго и так яростно, что колени мои вконец ослабли, во рту появился металлический привкус крови, а дыхание моё мне больше не принадлежало...

В таинственно-звонящем сумраке границы наших с некромантом тел размылись и я больше не ощущала, не осознавала, где я и где он. Мир закачался в каком-то восторженном танце, а затем вдруг отступил стыдливо, уступая место... мне? Тиму? Некому новому существу? Некой силе, связавшей нас воедино?

Вопросы прыскали из стремительно пустеющей головы в разные стороны, кружась и путаясь стайкой разноцветных

бабочек.

А потом всё вновь встало на свои места.

Сперва из ночного звенящего танца возник Тиму Петтери.

Затем появилось жжение... где-то в районе груди... за ним возникла пульсация... довольно болезненная.

Перстень Бонсайми нервно заплясал на цепочке, задёргался, как пёс на цепи.

Не то был недоволен соседством с защитным кулоном Тиму, не то, наоборот, ему обрадовался!

Поди разбери, что у этих магических артефактов на уме

...

Может, стоило всё же Тиму об этом перстне рассказать?

Тиму, который, к слову, принялся целовать меня снова.

Нежно-нежно на этот раз, как будто извиняясь. Заключил в объятия так, будто баюкал, будто намеревался укрыть собой, защитить от всего мира, будто больше никогда-никогда выпускать не собирался!

Пока я, покачиваясь на упоительных волнах удовольствия размышляла, сказать-таки о перстне Бонсайми или погодить, жжение постепенно сходило на нет.

Разомлевшая от череды этих умопомрачительных поцелуев и близости некроманта, я так и не решилась.

А потом было уже поздно.

Петтери вновь сделался серьёзен и деловит.

— Ну вот что, Ули... – не подозревая о моих сомнениях и

терзаниях, он, по своему обыкновению особо не церемонясь, втолкнул меня под купол.

В ушах зазвенело от концентрации магии.

Пока я привыкала, Петтери забрался следом и принялся расстилать скатанные коврики, что извлёк из рюкзака, раскладывая рядом снаряжение. И продолжал при этом говорить:

— В Хаос я тебя не пущу. Сама понимаешь. Но ты должна знать, что делать, если вдруг что-то пойдёт не так.

— Я так и знала. С тобой всегда не так.

— Вот именно! Рад, что мы, наконец, понимаем, друг друга. Кстати, то, что я предлагаю, поспособствует этому пониманию.

— В смысле?

— В некотором, ага. – Фыркнул Петтери. – Я пойду в Хаос, ты же будешь на связи со мной, через Грёзы. Я выманю нечисть и дам бой. Упокаивать буду уже здесь, в реальности. Всё это время ты будешь оставаться под куполом, что бы ни происходило, поняла? В Грёзах, чтобы лучше слышать меня. Однако если я задержусь в Хаосе, хотя бы на секунду, ты должна будешь проснуться и меня разбудить. И не скакать для этого на Пятый слой! Это понятно?

Я передёрнула плечами.

— Ты прям как с блондинкой.

— Что? – не понял Тиму. – С какой ещё блондинкой?

— Забей. – отмахнулась я. – Как с нулевой я имела ввиду.

— А ты какая? – Возмутился Петтери. – Нет, я имею виду, помимо того, что наглая сверх меры.

Я приснула, довольная собственным остроумием, Тиму лишь головой покачал.

— Смотри, особо в Грёзах не увлекайся. – Он шутливо щёлкнул меня по носу.

— А я себя помнить буду?

— Будешь. – Уверенно подтвердил некромант. – Под щитом – точно будешь. А кроме того, сможешь мысли слышать.

— Твои?

— Чьи угодно.

Я довольно потёрла руки и посмотрела на своего визави многозначительно.

Тот вдруг расхохотался. Не хохотнул скупно, как обычно, не хмыкнул, кривя рот и не фыркнул насмешливо, а именно рассмеялся. Весело, звонко, запрокинув голову, по-мальчишески.

— Вот ты и спалилась, светленькая. Так сильно хочешь знать, о чём я думаю?

Я насупилась.

— Больно надо.

— Ну-ну, так я тебе и поверил. Сильно губки не раскатывай, у меня от некоторых любопытных светошек ментальная защита стоит.

— Так и знала, что в чём-то тут подвох.

Тиму снова рассмеялся.

— Ты сможешь слышать то, что сам разрешу. То есть мы сможем общаться мысленно. Только не отвлекай по ерунде разной. Я всё-таки в Хаос иду.

— Яволь-яволь.

— Чего?

— Ай, неважно. Иди уже.

Но некромант не спешил. Он снова смотрел на меня странно. И дыхание его как будто сбивалось.

— Ули. Посмотри на меня.

— Мм?

— Пожалуйста, не выходи из-под щита, ладно?

— Да с чего ты решил, что я куда-то собираюсь? Можно подумать, мне на этом кладбище мёдом намазано.

— А то я не знаю, какая ты коза упёртая...

— Ай, всё. Хорошо заморачиваться. И с чего бы это мы вдруг вежливые такие стали?

Неожиданно нежным жестом Петтери вдруг погладил меня по щеке. Приподнял подбородок. Но целовать не стал, а сказал, глядя в глаза:

— Я серьёзно, Ули. В любой момент меня позвать можешь. И я тебя услышу. Впрочем, надеюсь, это не понадобится. Просто на всякий случай.

— Да поняла я, поняла. Думаешь, мне так охота с Ломтиком расставаться, и одного его оставлять? Ещё и за пределами академии?

— Вот сейчас поверю. Ладно, нечего вату катать, поехали.

Улегшись, Тиму закрыл глаза, сделал глубокий вдох и выдохнул. В следующий миг дыхание его стало ровным. Не просыпаясь, он вдруг перевернулся на бок. По-хозяйски сгрёб меня в охапку, припал в поцелуе к виску. Я даже глаза приоткрыла – точно спит? Но Тиму спал. Довольно глубоко. Вот только из объятий меня не выпускал.

А потом рука, обнимающая меня, потяжелела. Стала холодной. Но всё же не чужой...

Тиму Петтери ушёл в Хаос.

Спустя минуту и я скользнула в Грёзы следом.

Глава 4

Я проснулась во сне и мигом вспомнив наставления Петтери, решила побыть хорошей девочкой, разнообразия ради. А ещё потому, что он мне свою защиту отдал...

Ломтик тоже уснул. Дракошке снилось, что он мартышкокошка, как соули у Онни. Только не с двумя хвостами, а с целой дюжиной. И скачет эта хвостатая мартышкокошка с ветки на ветку в каких-то диких пурпурно-розовых джунглях... Поумилявшись вволю, я не стала тревожить сон малыша.

Из-под защитного купола дракошке не выбраться и потому я не стала его тревожить. Пусть себе скачет.

Йолы же под щитом не было. Как и Дедушки. Они ушли в Хаос вместе с Тиму.

От того, что Пых рядом с некромантом, оставшимся без защиты, немного отлегло от сердца.

Я взмыла под самый купол и взгляделась вниз – там, обнявшись, лежали мы с Тиму.

Новичку в Хаосе не рекомендуется разглядывать своё тело, даже если это всего лишь Грёзы – утянет в реальность. Опасаясь подвести Петтери я принялась перебирать ладонями по внутренней поверхности купола, как космонавт на орбитальной станции.

В реальности Грёз купол оказался зеркальным изнутри. Вот только здесь стоило взглядеться в своё отражение, как на

его месте начинала проступать картинка из памяти и спустя мгновение картинка эта становилась реальной, оживляя воспоминания.

— Туули, ты здесь? – спросил вдруг прямо в голове Тиму.

— Здесь! – тут же ответила я, не удивившись тому, что голос тёмного воспринимался как мой собственный внутренний голос.

Ух, как же прикольно!

Последняя мысль неожиданно прозвучала «вслух» и Тиму довольно рассмеялся.

— Девчонка ты ещё совсем. – С нежностью сказал он. – Несмышлёныш светлый на мою голову.

— Это ты сейчас в моей голове, – тут же нашлась, что возразить я. – И вообще, сам же говорил, не засорять связь.

Тиму хмыкнул.

— Ах ты ж, подлюка такая!.. – выругался он уже совсем другим тоном. В ответ что-то отвратительно заверещало, и я поняла, что Петтери добрался до нечисти. – А я тебя вот так...

Верещание перешло на какой-то отвратительный ультразвук, а затем, наконец, умолкло, наполнив внутренний слух звоном.

— Ты в порядке? – осторожно спросила я.

— Сказал же, не отвлекай!

Больно надо. Сам, между прочим, позвал. – Вслух, то есть мысленно я говорить этого не стала, но подумала довольно

громко.

А затем, опасаясь и впрямь отвлечь Тиму в неподходящий момент, а также просто от нечего делать, принялась серфить по собственной памяти...

...Вот я торопливо глотаю зелье случайного перевоплощения и оборачиваюсь розовой зайкой. Непонимающе оглядываюсь по сторонам и не замечаю всей гаммы эмоций на всегда невозмутимом лице Тиму Петтери...

Пусть он скрыл от меня свои мысли, но запечатлевшееся в памяти встревоженное лицо выдаёт некроманта с головой.

Как бы то ни было, между нами не только деловые отношения!..

Я не просто кормушка для него, кто бы что ни говорил... Эта мысль греет и я проваливаюсь дальше, аккуратно в нашу первую тренировку в Хаосе...

...Мы на том самом кладбище, куда меня отправил Бонсайми ещё во время Вступительного экзамена.

И тоже на первом Слое.

Серые, зыбкие, прозрачные... Почти бестелесные...

Чтобы подкреплять мои силы, Тиму Петтери целует меня. Периодически...

Дедушка на Первом Слое вновь в виде клочка тумана.

Он носится наперегонки с такими же клочками перекапти-поля, как сам, отгоняя их от меня.

И это так мило...

— Ты чего хихикаешь? — спрашивает Тиму.

Довольная я так и подпрыгиваю на месте, с наслаждением зависая в неверном пространстве Сумрака.

— Да просто прикольно смотреть, как они играют.

— Светоша она светоша и есть. — Хмыкает на это Петтери. — Нет, Ули! Это не игра. Они недовольны. Притом очень недовольны.

— Кто недовольны? — не понимаю я. — И чем?

— Так нечисть. — Пожимает прозрачными плечами некромант. — Нашим присутствием, естественно.

Он указывает на мою ногу и хмыкает снова:

— А вот этот уже присосался. Чувствуешь?

Я ничего не вижу и не чувствую ничего особенного, кроме того, что стремительно теряю силы...

Не говоря больше ни слова, Тиму увлекает меня на Третий слой и я визжусь, обнаружив мерзкую рогатую пиявку на своей щиколотке.

Налетевший невесть откуда Дедушка одним движением сворачивает гадине шею и рвёт её на части острыми, будто иглы, зубами... А затем яростно атакует подбирающихся к нам остальных тварей...

...Мысль о Дедушке увлекает меня в иное воспоминание.

Я вновь в Морте, в корпусе нулевых. Стою, растерянная и застывшая среди пока ещё целых столов с пока ещё не битыми склянками...

Напротив, ухмыляясь, переглядывается компашика Ило-

на.

«Ты говорил, с ней нечисть». – Раздаётся вдруг голос Юсси у меня в голове. Его рогатая волчица тем временем скалится на Ломтика.

Я так и застываю. Ого! Выходит, я сейчас и правда мысли могу слышать? Пусть только в своих воспоминаниях... Вот почему Тиму сказал, что поставил ментальную защиту! Не захотел, значит, чтобы я узнала, что он думал обо мне... В прошлом...

«Да спорх её знает, – мысленно отвечает Юсси Илон. – Была нечисть».

Я фыркнула. Выходит, не зря Дедушка тогда спрятался. Чтобы нанести затем упреждающий удар!

«Может, соулов испугался. – Продолжает тем временем Илон. – Ну, так даже проще. Давайте, парни, ваш выход. Только никакого... Только пугаем её, в общем».

«Перед Петтери обоссался, Ил?»

«Или тоже на светошку запал?»

«Да пошли вы...»

«Да мы-то пойдём...»

«И всё же интересно, а есть в этой комнате тот, кому она не нравится?»..

Мне тоже становится интересно!

А кому бы на моём месте не стало бы, а?

И я таки его дожидаюсь. Того, кому точно не нравлюсь.

Профессора Онни.

Нет, мы с Ломтиком интересовали его, и очень, но исключительно с профессиональной точки зрения. Эдакие диковинки.

С Ломтиком всё понятно. Дракон, Ялохикаарме, все дела...

А вот я при мысли о Магистре провалилась в свою память чуть глубже.

...Незадолго до памятной драки я стою напротив профессора Онни в коридоре. Конечно, то, что гневно выговариваю ему насчёт обмана с розовой жижей, ничуть меня не красит, и всё же... Именно тогда и зарождается интерес Магистра к моей скромной персоне.

— *...И как только не стыдно, а ещё алхимик!*

— *А вы разбираетесь в алхимии, нейтири? – Магистр впервые смотрит на меня с любопытством.*

Нехотя признаюсь:

— *Я училась на микробиолога, в своём мире. Хотелось изучить его самым доскональным образом, охватить взглядом с самых глубин...*

— *Изучение – это правильно, – задумчиво кивает Магистр и складка между сведённых вместе бровей его разглаживается. – Изучение – необходимо, прежде чем переходить к управлению. Алхимия и есть управление, нейтири Севери. Но и её сперва нужно изучить.*

— *Скажите, профессор, а как попасть на кафедру Высшей Алхимии?*

Магистр усмехается.

— Освойте сперва обычную, Севèри. Алхимия Хаоса, или Высшая Алхимия начинается с Шестого уровня.

— Значит ли это, что вы меня берёте?

— Это определённо значит то, что я не против, чтобы вы попытались, Туули. В вас слишком много Хаоса для светоча...

— Это плохо?

— Это интересно...

— Слишком много Хаоса для светоча... — машинально повторяю эту фразу за Магистром, и моя рука неосознанно проводит по груди. Точнее – по перстню Бонсайми, который я, за неимением более надёжного хранилища, утром повесила на цепочку.

В тот же миг мир совершает кувырок!

Не могу понять, где я.

Хаос? Реальность?

Здесь много тумана и моё отражение в колодце тоже скрывает туман.

Наверное, всё же Хаос...

Ни в одном реальном колодце вода не поднимается так высоко. Укутанная рваным туманным покрывалом, она чуть не переливается за борта!

Только вот что это за Слой?..

...Туман медленно расступается, с изумлением взглядываюсь в своё отражение и понимаю, что не я это. Не моё лицо.

*Я понятия не имею, кто эта нейтири, кто эта девушка!
Светленькая, кудрявые пшеничные волосы коротко
острижены...*

И взгляд такой... лучистый.

Нет, я совершенно уверена, мы прежде не встречались!

Эту светошу я бы точно запомнила!

Почему светошу? Да потому что в светлой природе её магии ни малейшего сомнения не возникает!

Девушка, смеясь, оглядывается назад.

— Эй! Идите сюда! – голос её чистый и звонкий, а ещё добрый какой-то. Очень. Слушала б и слушала. – Идите же! Смотрите! У нас получилось!

За её спиной проступают два силуэта. Их лиц не различить, но они и не важны. Моим вниманием всецело владеет светловолосая нейтири.

По-прежнему смеясь, она зачерпывает воду в ладони и та плавно, будто в замедленной съёмке течёт, искрясь и переливаясь перламутром сквозь её пальцы...

Я вдруг понимаю, что каким-то образом оказалась в чужих воспоминаниях. Воспоминаниях этой девушки.

Они скачут по поверхности купола в каком-то хаотичном порядке. Трудно выхватить что-то конкретное... И всё же мне удаётся!

Светленькая стоит напротив двух парней... Они говорят

о чём-то увлечённо. Спорят. Парни тёмные. Некроманты. По отворотам на их пиджаках становится понятно, что вижу Вышекурсников... И один... один из них кажется почему-то смутно знакомым...

Несовершенное ещё магическое зрение не позволяет уловить каждую деталь, но одно ясно – они проводят какой-то ритуал.

Взявшись за руки, отделяются от тел и шагают в развершиися на земле Врата. Уходят в Хаос...

И вот они снова у того же колодца.

Только воды его больше не перламутровые. Они ртутно-чёрные, волнующиеся и туман, что стелется по ним, тоже чёрный.

Девушка держит некромантов за руки и я откуда-то понимаю, что если бы она разжала пальцы – не удержаться бы им там.

Вот они закрывают глаза и что-то читают, нараспев.

Воздух сгущается, становится плотным и осязаемым.

Небесный купол чернеет, а ртуть в колодце приобретает неприятный багровый оттенок. Жадно чавкая, она переваливается через борта колодца и медленно стекает наземь.

— Нет! – хочу я крикнуть. – Не надо! Остановитесь! Что бы вы ни задумали, не надо!!!

Но увы... Это ведь даже не мои воспоминания. Я здесь не более, чем случайный гость. И потому меня не слышат.

Укрытые рваным подвижным туманом воды подступа-

ют к держащейся за руки троице и стоит первым каплям коснуться их ног, как светленькая девушка с двумя некротомантами проваливаются сквозь землю и, переворачиваясь, летят куда-то в зияющей пустоте...

...Следующее «воспоминание» – темноволосая женщина на каменном алтаре.

Поначалу она выглядит мёртвой.

Но вот она подымается и оказывается просто не-живой.

С каким-то холодным, леденящим душу ужасом понимаю, что вижу перед собой не человека...

Это существо иной реальности... иной плотности.

Кожа её соткана из тумана, движения – смазаны и размыты, всё тело движется странно, будто на шарнирах.

Она красива... Насколько может быть красива тьма.

Пожалуй, она даже совершенство...

Злое, порочное, пугающее до одури... совершенство...

По крайней мере, пока не переворачивается на алтаре и не становится видно, что локти её гнутся в разные стороны, а колени – назад.

Она начинает говорить и этот голос больно бьёт по перепонкам!

Это так неожиданно и так больно, что просто не успеваю опомниться. И потому слышу лишь завершение фразы.

— ...Выыы для меняя тооо-оже – доооступ к Хаааосу. – Говоря, она неприятно растягивает звуки и это сбивает с концентрации, дезориентирует. Приходится прила-

гать усилия, чтобы уловить суть того, о чём она говорит. –
Но если таа-ак хотите получить искооо-мое, чтоооо эж.
Отпраааавьтесь прямокооо-ом ад и ограаабьте для меня
богоо-ов!..

И мир рушится...

Мир пылает, раздираемый на части мириадой кровавых
молний!

Мир крутится в жутком клыкастом водовороте!

Мир осыпается прахом и собирается в единое средоточие
боли и ужаса!

А затем и вовсе исчезает, схлопывается, как мыльный
пузырь!

Я кричу, срывая голос, но моему крику не суждено прозву-
чать. Моя душа распадается... на атомы... на мельчайшие
частицы...

Хаос поглощает меня.

Растворяет в себе, сыто чавкая...

Единственное, что остаётся от мира – жжжение...

Ожог... Пульсирующий ожог в районе сердца...

...Накрываю его пальцами и... прихожу в себя под маги-
ческим куполом, возведённым Тиму Петтери.

С трудом привожу в порядок дыхание.

И вдруг понимаю, что именно выдернуло меня из кош-
марных воспоминаний – перстень! Перстень Бонсайми! Он
уже не просто пульсирует, он заходится в каком-то бешеном
припадке, рвёт сорочку, свитер, куртку!

Ошарашенно трясую головой и стягиваю цепочку. Перстень тут же перестаёт дёргаться. Убираю его в карман.

Пространство рядом колышется. Из портала появляется Йола. Чёрной кошкой соули прыгает мне на грудь.

Знак, что нужно будить Тиму!

— Тиму!..

С изумлением понимаю, что я всё ещё в Грёзах, что сама до сих пор не проснулась.

Ныряю в собственное тело и тут же просыпаюсь в объятиях некроманта.

— Тиму!

Торопливо накрываю его губы своими... Целую. Снова и снова... Целую...

Поначалу губы Тиму холодные, неживые. Ледяные.

Но вот они понемногу оттаивают под моими и как только теплеют, мир взрывается от отвратительного визга нечисти!! И трясётся, раскачивается, как во время землетрясения!!!

Их тьма-тьмушая!

Восставших мертвецов, какой-то невообразимой нечисти, клацающих омерзительно болтающимися челюстями умертвий!

Они до мерзости жуткие! И они... нас... не видят!

С изумлением понимаю, что они не видят купола!

Но стоит Тиму вскочить и выстрелить из арбалета в безглазую гниющую тварь, как нас резко замечают!

И бросаются все, разом!!!

Время застывает.

Взрывается, распадаясь в разные стороны, разворачивается, будто карточный лабиринт...

Целую вечность мечусь под скрипящим, ходящим ходуным куполом, подавая орущему мне Тиму звёзды – одну за другой, подаю стрелы для арбалета... Равняю идущие трещинами стены щита лунной пылью, отчерчиваю съехавшие границы специальными застывающими в пространстве чернилами...

А когда остатки роящейся окрест нечисти осыпаются прахом и нас накрывает пологом тишины, понимаю, что упокоение заняло от силы минуту-другую. Не больше.

— Ну как ты, светоша? – уже привычным жестом заключая в объятия, а скорее сгребая в охапку, Тиму опрокинул меня на себя.

— В порядке. – Соврала я после череды головокружительных поцелуев и перекадилась с некроманта на одеяло рядом.

Типу Петтери выглядел таким счастливым, таким неожиданным нормальным и умиротворённым, а я... я просто не могла перестать думать о той светленькой девочке. И о двух некромантах, сопровождающих её в том жутком ритуале. Почему лицо одного показалось мне странно знакомым? Снова это чувство, будто упускаю из внимания что-то важное...

— Не знаю, как ты, но я снорховски устал. – Довольно со-

обшил Тиму, закладывая руку за голову. Второй продолжал обнимать за плечи и прижимать к себе. – Может здесь и заночуем? А что, под звёздами... Романтика!

— На кладбище, ага. – Кивнула я, попадая ему в тон. – Сама хотела тебе предложить, как же. Не прими за каламбур, но в гробу я видала такую романтику!

— Светоша она светоша и есть. – Хмыкнул Тиму, подымаясь сам и помогая подняться мне. Обняв меня за плечи, он театрально-царственным жестом обвёл кладбище. – Да здесь же самый сок, Ули! Плиты, мертвецы, туман, покой...

Что на такое ответишь? Ещё и такому... Лишь односложно-ёмкое:

— Фу.

— Ха-ха-ха! А что скажешь насчёт лодки? Давай в ней подрейфуем, а? Так неохота сейчас в академию возвращаться...

— А можно? – с этого места идея Петтери начала мне нравиться.

— Ну а почему нет? Утром вернёмся. Только сначала к заказчику подскочим, за расчётом. А потом обещаю тебе забываемую ночь.

— Ну, даже не знаю... Прохладно всё-таки... в лодке. – Больше для проформы замялась я.

Тиму подмигнул.

— Не бойсь, согрею. Некромант светошу не обидит.

Ещё недавно я мечтала плыть и плыть над ночным лесом,

под звёздами, вместе с Тиму... То есть вместе с Ломтиком и Дедушкой, я хотела сказать. И с Петтери, ага... раз уж мы в одной лодке... Видимо чем-то я крепко угодила их Триединой, раз мечта моя сбылась так скоро.

Мы вновь плыли под звёздным небом, правда, на этот раз Тиму задал куда более долгий и замысловатый маршрут, направив воздушное судёнышко над фьордами. А ещё меня не покидало ощущение, что за считанные часы миновала целая жизнь. Да что там жизнь... Жизни...

— Такая светленькая, коротко стриженная девушка. – Решилась я в конце концов. – И два некроманта с ней... С высших курсов. Отвороты не то синие, не то пурпурные. А у неё глаза такие большие, широко распахнутые... И веснушки, кажется... вот здесь...

Я замолчала, потому что заметила, наконец, реакцию Тиму.

Тот так и застыл вполоборота, рука с дымящимся чокко зависла в воздухе.

Петтери, как выяснилось, а точнее, его рюкзак, оказался весьма неплохо подготовлен к ночёвке под открытым небом, которая, в общем-то выдавалась за экспромт.

Тёмный задумчиво протянул мне горячий чокко и столь же задумчиво завинтил крышку термоса.

Потом... потом он просто отвернулся и долго смотрел куда-то в звёздную высь.

Я уж не чаяла получить ответ, когда Петтери вдруг спро-

сил тихо:

— Откуда ты знаешь о ней, Ули?

Я пожалала плечами. Говорить о том, что каким-то образом умудрилась заглянуть в чужие воспоминания и связано это всё как-то с перстнем Привратника, не хотелось. Не то, что бы я не доверяла Тиму, просто воспоминания – это личное. И потому понятия не имею, могу ли говорить о них.

«Не доверяю я тёмным, козочка», – сказал Бонсайми, когда, ухмыляясь, вручал мне перстень.

Тогда показалось – глумится. Сейчас я уже так не думала. Почему-то. Снорхи! Надо как можно скорее избавиться от этого перстня, вернуть его Привратнику – и всего делов!

— Мне нужно с ней поговорить. – Уклончиво ответила я. – Кто она?

— Её звали Яска. – Ответил Петтери задумчиво. – И ты опоздала, светленькая... Сильно опоздала... Яска... Яска была светочем такой силы, что они образовали трио...

Голос Тиму стал глухим.

— Была? – Переспросила я, вздрогнув.

Стало не по себе. В общем-то из оборвавшихся воспоминаний той девочки понятно было, что ничем хорошим та затея со странным ритуалом и чудовищем на алтаре не закончилась.

— Почему ты спрашиваешь?

Я неопределённо передёрнула плечами.

Прежде, чем отвечать, хорошо бы поболтать с тем, кто

прольёт свет на эту историю. Не просто так Бонсайми оставил у меня перстень. И не просто так перстень вывел именно на те воспоминания...

— Сон приснился, – уклончиво ответила я и тут же порадовалась удачной придумке.

По факту даже не солгала.

А в моём новом мире принято относиться ко снам с уважением.

Вот и Петтери – посмотрел на меня задумчиво, покачал головой. Видимо решал, верить или нет.

— Приснился или приГрезился? – Меня притянули к себе, приблизили лицо так, что губы мои сами собой приоткрылись. – Не играй со мной, Ули.

Нахмурившись, я отпихнула его от себя. Попыталась, если быть точнее... Отстраниться мне не дали, однако хватку всё-таки ослабили.

— Сон. – Сказала я. – Ничего конкретного или понятного, просто лицо её запомнилось. Потому и спросила.

Судя по взгляду тёмного – не очень-то мне поверили.

— А зачем она тебе?

— Пообщаться. Как светоша со светошей.

— Ты чего-то не договариваешь, Ули. Смотри, просканирую.

— Только попробуй. – Фыркнула я и притворно зевнула.

— Яска умерла. – Резко ответил Тиму и замолчал.

Какое-то время мы не произносили ни слова.

Потом я не выдержала.

— Тим... Мне нужно защиту тебе вернуть.

Думала, тёмный продолжит расспросы, откуда узнала об этой Яске... Снорхи! Ну почему это имя тоже кажется мне знакомым? После путешествий по нашим с Яской воспоминаниям и боя с нечистью кажется, у меня начисто мозги отшибло... Наверное, как следствие и возникло это перманентное ощущение *déjà vu*.

— А может, я не против, чтобы она была у тебя.

— Тиму!

— Ули!

— Это неправильно.

Некромант вздохнул. На этот раз как-то обречённо.

— Это и правда неправильно. В этом во всём вообще мало чего правильного...

— Что ты имеешь ввиду?

— Только то, что сказал. Ну, иди-ка сюда.

И снова близость некроманта утягивает в какое-то невообразимое сумасшествие, в восхитительный волшебный космос, в нежное пульсирующее пространство...

Горячее дыхание на моей щеке.

Мимолётный поцелуй на губах.

Чувство незавершённости... жажда большего.

А наглые руки тем временем уже расстегнули мою куртку и беззастенчиво задирают свитер.

— Тиму... ах!.. Нет!

— Почему же нет, светленькая?

— Потому что мм... м... ах!

Полный нежности смех над ухом.

— Исчерпывающий аргумент...

— Ты нахал...

— А ты – совершенство...

Чуть шершавые пальцы скользят по обнажённой коже, стыдливо прикрытой тонким кружевом. Мне должно быть холодно, должно быть стыдно, но вместо этого так жарко, так горячо и сладко, что начинает лихорадить.

— Ой!

— Что-то не так?

— Твой кулон...

За время разлуки с хозяином артефакт успел наполовину вплавиться под кожу.

Испуганно вздрагиваю и тут же ахаю, когда горячее дыхание тёмного обжигает кожу на груди.

— Ах!..

— Тише, Ули. Тише, маленькая. Больно не будет.

А мне и так... не больно.

Мне удивительно.

Мне упоительно хорошо.

Немного боязно... Но это не тот страх, что оглушает и вгоняет в ступор, нет. Эта боязнь иного рода... Она перебирает маленькими когтистыми лапками, будто Ломтик, что высовывает любопытный нос из свитого в одеяле гнезда.

Этот страх будоражит.

Бесцеремонно расправляется со стыдом.

И в конце концов оказывается не страхом вовсе!

А желанием чего-то большего!

— Ах! – всхлипываю и понимаю, что это самый чувственный, бесстыжий и прекрасный момент во всей моей жизни.

Цепочка соскальзывает в горячую ладонь некроманта. Кулон торопливо ныряет под обнажённую кожу, оставляя после себя волнуящее свечение, но вскоре исчезает и оно.

Однако это не останавливает Тиму.

Тяжело дыша, он продолжает жгучие и бесстыжие ласки...

— Что же ты со мной делаешь, Ули. – Шепчет он, прокладывая влажную дорожку поцелуев по обретшей невероятную чувствительность коже.

Шумно выдыхает, прежде чем поцеловать снова.

Это слишком хорошо, слишком волшебно, слишком чарующе.

Я задыхаюсь от шквала бесподобных ощущений, зарываясь пальцами в густую шевелюру, тяжело дышу, запрокидывая голову, а он... Он... продолжает это восхитительное блаженство.

Мир снова останавливается, в который раз за сегодня... Мы оба тонем в этом кристально-звёздном пространстве... Прежде я только слышала о таком. Читала, видела в кино... И потому на грани сознания бьётся мысль, что сейчас, сейчас

это произойдёт... случится... вот сейчас Тиму скажет, что не может остановиться, что не сможет больше сдерживать себя, и я, опьянённая этими бесподобными ласками под зелёным занавесом сияния фьордов, не смогу сказать «нет»... Не захочу, чтобы он останавливался...

Торопливо отвечая на поцелуи, которые становятся всё более горячими, всё более неистовыми и страстными, готовлюсь принять грядущее как данность, как неизбежность. Готова ли я? Наверное, всё-таки... не совсем, но... как говорила одна героиня, я просто подумаю об этом завтра...

— Нет, Ули... Нет...

Хриплый голос Тиму доносится будто издалека. Пробивается будто сквозь толщу ваты, сквозь слой воды.

Всё моё существо ещё парит, охваченное блаженством, но сам поток уже оборван. Неожиданно и обидно.

— Нет, Ули. Это... неправильно. Только не с тобой. – Качает головой Тиму, приводя в порядок мою одежду.

Я даже ответить не успеваю, не соображаю, что в таких ситуациях принято отвечать. Лишь дышу тяжело, впрочем, также, как и некромант и изо всех сил пытаюсь собрать глаза в кучку.

Что значит – только не со мной?!

И волшебство прерывается окончательно.

Оставляя после себя бездну неудовлетворённости, нереализованности... пустоты.

Следом накатывает стыд.

— Прости. – Как-то сухо, безэмоционально бросает Тиму, отстраняясь.

Он устремляется к носу лодки, и, переваливаясь через борт, подставляет обнажённую грудь пронизывающему ветру.

А я... Я испытываю самую невыносимую смесь из стыда, неудовлетворённости, обиды и... облегчения, когда вижу, что некромант задаёт курс на Морте и лодка набирает максимальную скорость.

Кусая губы, радуюсь, что он не смотрит на меня сейчас. Смахиваю с ресниц злые слёзы и... плаванье под звёздами больше не кажется мне волшебным.

Глава 5

Из полных невыносимой тяжести и стыда мыслей о вчерашнем вырвал звук хлопнувшей двери в лабораторию.

Вздвогнув, я обернулась.

— Туули! Ты здесь! Вы здесь! – Иири Иизакки выглядел таким счастливым, глядя на нас с Ломтиком, словно обнаружил самородок в месте, где меньше всего ожидал его встретить.

Я запустила вертушку и улыбнулась рыжему куратору, надеясь, что улыбка не выглядит слишком уж вымученной.

— Ты здесь поселиться решила? – парень принялся разглядывать склянки с порошками и реактивами. – Имей ввиду, так просто Онни тебя в рабство не получит, я буду сражаться.

— Гранд мерси, но этого не требуется.

С раннего утра мы с Ломтиком и Пыхом сортировали алхимические порошки в соответствии с плотностью и классом, а затем профессор Онни, который с самого утра был не в духе, передумал и внёс коррективы в нашу бурную деятельность, наказав сортировать их ещё и по цвету.

— Гранд... что? Нет, серьёзно, Туули, ты здесь днюешь и ночуешь, это уже никуда не годится!

— Почему бы нет. – Пожала я плечами. – Я твёрдо на-

мерена сдать в рабство к Онни. И освоить Высшую Алхимию. А для этого попотеть придется, ага. Зато Онни почти согласен взять меня в лаборанты.

— И всё же вы с драконом здесь совсем зачахнете. — Будто подтверждая слова Иикки медная ящерка на его плече тоже пискнула несколько раз. — А потому я за тобой. Мы за вами.

Остановив вертушку, я аккуратно вынула пробирки и принялась выставлять их на полку.

— Мы уж думали, будет нам сейчас выговор, за вчерашнее поведение. — Я подмигнула Ломтику.

— Какой выговор, ты что! — Показалось, что Иири даже обиделся. — Можно подумать, я Онни не знаю. Загрузил, по-ди до самого утра.

— Почти. — Сухо ответила я.

Что ж. Тем лучше. Репутация Онни... плюс Иикки оказалась талантливой врушкой. Нам с Ломтиком на руку.

— Так что, к Источнику?

Я пожала плечами.

— Пошли, раз надо.

К Источнику так к Источнику.

В принципе, я была почти рада видеть Иикки. Да и по Морте прогуляться. После вчерашнего Тиму не написал. Ни разу. И с занятий по своему всегдашнему обыкновению меня не дёргал.

Моей мнительности даже стало мерещиться, что по этому поводу уже шепчутся. Чушь, конечно, но так порой бывает

– выхватываешь из роя хаотичных мыслей самое дурацкое предположение и убеждаешь себя в нём, пока не согласишься окончательно...

Мы миновали восточное крыло, заглянули в палатку к пикси. Несмотря на мои возражения Иизакки скупил целый воз сладостей и чокко в длинных полосатых стаканах.

Отхлебнув, я впервые не ощутила вкуса этого восхитительного напитка и это разозлило.

Да что, в конце концов, этот Петтери себе позволяет?!

Не объясняет ничего толком, ведёт себя так, будто я его собственность. Исчезает, когда вздумается... Появляется внезапно, когда в голову взбредёт!.. И ещё имеет наглость утверждать, что я в него влюбилась. Вот уж фигушки. И вообще, не ему решать...

Твёрдо решив сразу после Источника разыскать Тиму и высказать ему всё, что о нём думаю, я немного успокоилась. Тем более, что мы как раз дошли до специальных врат во внутреннем дворе здания академии. И тут Иизакки меня огорошил:

— Нечисть придётся оставить.

— Что? – мне сперва показалось даже, что послышалось.

Иири только руками развёл. А затем вынул из сумки через плечо стеклянную банку. С виду банка была самой обычной, вот только сделана была из стекла с Хаосом, это я точно разглядела. Такое используют для блокировки нечисти.

— Таковы правила, Туули. Никаких низших существ у

Источника. Не я их придумал!

— Пых. – Серdito ответил Пых, и если бы Иири мог понимать его, узнал бы сейчас, кого по мнению Пыха следует считать низшим существом.

Но увы – правилами и в самом деле посещение Источника нечистью было запрещено.

Доказательством служила целая схема, запечатлённая на парящих ознакомительных скрижалях рядом.

В магической схеме я не очень разобралась, и, если честно, не сильно-то пыталась. Насколько поняла – низших существ к Источнику не допускают для общей безопасности. В том числе безопасности этих самых существ, которых может банально утянуть в Источник. Безвозвратно.

Пришлось использовать все свои ораторские способности, дабы уговорить Пыха подождать меня во внутреннем дворике, у ворот.

В банку же «испаряться» Дедушка наотрез отказался.

— Эй! Таковы правила! – Возмутился Иизакки. – Куда?

— Пых. – С достоинством отвечал Дедушка, улепётывая от бегающего за ним с банкой наперевес Иизакки, давая тем самым понять, что плевать он хотел на все правила Морте, вместе взятые.

— Иири, прекрати. – Отсмеявшись, попросила я, закрывая Дедушку собой. – Ну он же согласился подождать, чего ты ещё от него хочешь?

Иизакки, глядя, как снова разыгрываю перед Дедушкой

турецкого тамаду, уговаривая не обижаться на «зануду-куратора» только головой качал неодобрительно.

— Зря ты столько воли даёшь нечисти, Туули. – Поцокал он языком, открывая врата с выгравированной на них гексаграммой специальным ключом.

— Пых! – презрительно бросили ему в спину.

— Дедушка – не нечисть! – снова встала я на защиту Пыха, прежде чем мы принялись спускаться по усыпанной лиловыми кристаллами винтовой лестнице.

— А кто ж он?

— Не знаю. Но не надо о нём так. Он разумный. Всё понимает. И он милый. И добрый. И преданный.

Иизакки недоверчиво фыркнул, а Ломтик, полностью со мной согласный, запищал. Он тоже был недоволен разлукой с Дедушкой.

Иизакки, глядя на нас, только головой качал.

Вообще, чем ниже мы спускались, тем более странно вёл себя рыжий куратор. Всё время дёргался, оглядывался, будто то ли кого встретить надеялся, то ли погони ждал. Дважды обронил самопишущее перо и даже цыкнул на свою ящерку Ими, которая перо это находила и, по-собачьи виляя хвостиком, приносила в клювике. Я же вся была в мыслях о Тиму и потому странности рыжего куратора проносились мимо, словно в тумане. Иначе насторожилась бы, конечно. Цыкнуть на соула? Буквально – на душу свою?! Пусть часть, но всё же... Да тут даже самые «отбитые» маги со своими со-

улами нежничают да сюсюкают... А как иначе-то? Но, видимо, всё же не настолько я была отвлечена, чтобы не заметить, как в какой-то момент Иизакки подпрыгнул, будто его шилом пониже спины кольнули.

— Всё в порядке? – Спросила я, настораживаясь.

— А? Что? – Иизакки уставился на меня так, будто впервые видит, но его замешательство было секундным. – Конечно. – Тут же заверил он. – Более чем.

— Ты вообще себя хорошо чувствуешь? – забеспокоилась я. – Может, рано тебе ещё вставать?

— Хорошо... – как-то странно глядя на меня ответил Иири и чуть подтолкнул к Источнику, смотри, мол. – Теперь почти... хорошо...

Я кивнула и прошла вперёд.

Восхищение выражать требуется?

Источник Морте оказался круглым глубоким бассейном с бортами из какого-то синего минерала с кристаллическими прожилками. Воды Источника отливали перламутром, то и дело в них протягивались светящиеся дорожки, будто морозные узоры на окнах.

Ломтик вдруг оглушительно заверещал и ринулся прямо к бассейну.

Охнув, я успела подхватить малыша на руки.

Я-то ничего особенного не почувствовала, но вот Ломтик, часть моей души, воплощение моей магии, что-то важное для себя обнаружил! Настолько важное, что готов был, как

непослушный щенок, сигануть вниз!

Насилу успокоила. И то дракошка на меня обиделся.

— Его можно понять. — Задумчиво проговорил Иизакки, глядя на попытки Ломтика вырваться и таки махнуть в отливающие перламутром воды. — Магию в Источники Фьордов вдохнули некогда именно Ялохикаарме. Ледяные Драконы... Его предки.

— Странно, что я ничего не чувствую.

— Так его ж предки, не твои. — Пожал куратор плечами. — К тому же связь у вас пока некрепкая, оборвётся — заметишь.

— Что?! — возмутилась я. — Да как ты можешь даже думать о таком, не то, что вслух говорить!

— Прости, Туули. Не подумав, ляпнул.

Спеша сгладить неловкость, Иизакки принялся рассказывать, что владей я магическим зрением в полной мере, уже давно очки бы попросила, как те, что он на нос нацепил, стоило нам войти. Потому что на самом деле магия Источника сияет так, что глазам больно.

— Хм. Понятно. — Сказала я. Просто, чтобы поддержать разговор. Как ни крути, я всё ещё была на Иизакки зла.

Да и разочаровал, если честно, Источник этот. Подумаешь, бассейн перламутровый... В Морте куда интереснее штуки встречаются.

Те же Привратники. И Поющая Галерея. И Анфилада с Живыми статуями. Да даже пряничная палатка пикси... Не

говоря о лаборатории профессора Онни!

А тут – бассейн. Ну, светится. Ну, прожилками ледяными идёт. И на этом всё.

Щёлкнув, что-то покатилося по полу.

— Ты его снова уронил, Иикки, – я нагнулась было, чтобы поднять злополучное перо, но Иизакки вдруг с криком «Нет!» оттолкнул меня.

Тут я уже уставилась на своего куратора во все глаза.

— Да что с тобой?

— Не нужно. – Будто выдавливая из себя каждое слово, проговорил Иикки. – Не нужно... подымать.

Перо тем временем докатилось до выемки между плитами и благополучно в ней пропало.

Я непонимающе покачала головой. Что-то Иири сегодня чудил. С другой стороны – я ему не лекарь, мне историю болезни не писать.

— Если на этом экскурсия завершена и распоряжение ректора можно считать выполненным, мы, пожалуй, пойдём. – Сказала я, похлопав Иизакки по плечу.

— Туули. Прости...

— Да ладно, забей. Может, день сегодня такой... Бури какие магнитные. Я в общем, тоже не в себе немного.

— Ты не поняла.

— Чего я не поняла?

Я уже развернулась, чтобы уходить, как вдруг чуть не нос к носу столкнулась с герцогом Петтери.

Ректором академии Морте.

— Рад тебе, Туули, – Сказал он, выходя из портала. – И тебе, разумеется. – Кивнул гер Петтери возмущённо пискнувшему малышу у меня на руках. – Правда, никак не ожидал увидеть вас здесь.

— Выполняем ваше распоряжение. – Бесхитростно ответила я, не понимая, отчего гер Петтери хмурится.

— Вот, Морте показываю... – проямлил мой куратор. – Вы же...

— Спасибо, Иизакки. – Как-то рассеянно кивнул ректор. – Рад, что ты оправился от болезни. Можешь идти. Я сам провожу нейтири Севèри.

— Но...

— Ты свободен, Иизакки.

Рыжий куратор будто силился что-то сказать, сглотнул, несколько раз дёрнулся, а потом неопределённо махнул рукой, и, под задумчивым взглядом гера Петтери, удалился.

Какое-то время ректор молчал. Хмурясь, смотрел в Источник.

Я тоже не спешила первой нарушать молчание.

— Ты ведь в паре с моим сыном, Туули. – Сказал он вдруг, словно спохватившись.

— Ну... да...

А что ещё сказать? В паре. С его сыном. И добавить нечего.

— Результаты, надо сказать, впечатляющие.

— Угу.

— Ты чем-то недовольна, Туули?

— Да вроде ничем таким особенным...

— Ты можешь быть со мной откровенной.

Ах, если бы. Хотя... чем спорх не шутит. Начнём с малого.

— Скажите, гер Петтери, Ломтик же для Источника нужен?

В противовес моим ожиданиям, гер Петтери запираяться не стал. Наоборот, рассмеялся.

— Ну, это не секрет. Да, Туули. Нужен. Очень. И ты нужна.

— А я...

— Если ты недовольна результатами вашей с Тиму связки, ты всегда можешь сменить напарника.

Что?! То есть это так просто? Взять и сменить? И не ждать начала учебного года, ритуала, тестирования... Выяснилось, что обычно так и есть. Но мне... мне готовы пойти навстречу. Прямо всей академией.

— Просто светочу такого уровня силы решено было поставить в пару сильнейшего некроманта. Если бы ты показала Четвёртый Уровень, выбрали бы лучшего с Четвёртого Уровня. Если б прошла на Шестой – из Шестых, соответственно.

— Благодарю, гер Петтери. – Немного ошарашенно, но всё же искренне поблагодарила я ректора. – Я... я подумаю.

— Я рад, что мы поняли друг друга.

— А теперь у меня ощущение, что вы чего-то не договариваете.

Ректор смущённо кашлянул.

— Твоё заявление о переводе в Лицей Леди Морвейн так и лежит у меня в кабинете...

Ох, точно, заявление! Вот только в Леди Морвейн я не хочу! Как бы там ни было с Тиму, из Морте я – ни ногой.

И что теперь делать?

Вопрос прозвучал вслух, и гер Петтери улыбнулся. Как мне показалось, с облегчением.

— Да ничего. Можешь забрать его в любой момент. Главное, чтобы это случилось раньше, чем в Лицее Леди Морвейн появится вакантное место. А то намучаемся с бумажной волокитой, время зря потеряем...

— Тогда прямо сегодня и заберу. – Руова Шанель Морвейн, вся в розовых рюшах и с бабочкой над пышной, украшенной цветами причёской вдруг предстала перед мысленным взором как наяву и меня аж передёрнуло. – Вот прямо сейчас...

— В таком случае, позволь тебя проводить? – Снова тепло улыбнулся ректор. – И, я понимаю, что всё хочется посмотреть, но... не спускайтесь сюда с Ломтиком больше, ладно? По крайней мере пока ты, Туули, не получишь индивидуальную защиту, а дракон твой немного не подрастёт и не научится контролировать свои порывы.

Вот уж когда у меня в буквальном смысле слова варезка распахнулась.

— А разве вы не...

Договорить я не успела.

Хаос грянул со всех сторон!

Отвратительный. Жуткий до одури. Внезапный.

Вот только что была тишь да гладь – и вот над нами с вскинувшим руки ректором клубятся сотканые из чёрного тумана красноглазые твари.

И в реальности они ещё отвратительнее оказались, чем на Пятом Слое!

Ведь я уже была здесь! То есть не совсем здесь... В Хаосе! Глядя на клубящихся над магическим щитом ректора чудовищ, я вдруг поняла, что в тот день, когда вслед за Тиму в Лабиринт сиганула, это... это же здесь было! Вот прямо здесь! Только в Хаосе Источник совсем иначе выглядел...

— Назад! – крикнул ректор, тесня меня от Источника. – Дракона не выпусти!

Легко сказать – не выпусти. Перепуганный Ломтик задержался в моих руках бешеной белкой. Был бы чуть меньше – нипочём бы мне его не удержать! Он же ещё вёрткий, зараза!

Что хуже всего – рвался малыш прямо в Источник! А самым отвратительным было то, что по верх синих бортов поднялись ещё одни, чёрные и туманные, как атакующие нас твари.

Источника Морте больше не было.

Вместо него стонала и плясала подвижная и наводящая ужас чёрная воронка.

Ректор принялся читать нараспев на непонятном языке.

Твари заверещали, ринулись на нас с новой силой.

Щит буквально трещал по швам. Ломтик голосил, будто его режут. Я вцепилась в дракошку мёртвой хваткой. Воронка приподнялась над бортами бассейна и стала похожа на жуткий чёрный граммафон.

Из глубины его раздалась ужасающие стоны, переходящие в леденящий душу хохот.

Мертвея от ужаса, я узнала голос. Я уже слышала его... В воспоминаниях Яски.

— Не смей уходить, Туули! – За неимением свободных рук ректор отвесил ошарашенно трясущей головой мне пинка. Может, и непедагогично, и вообще грубо и некрасиво, но сердце так и задрожало от благодарности.

Не выпуская из рук Ломтика, я зажмурилась и принялась открывать каналы силы для ректора. Вот только с ним как с Тиму это почему-то не работало! Я вся дрожала от паники и напряжения и в какой-то момент чуть не выпустила Ломтика.

— Не смей! – Страшно крикнул ректор. – Защищай дракона! Это главное! Важнее него ничего нет!!!

Жутко закашлявшись, он залатал прорехи на щите и даже такому без году неделя магу как я понятно было: силы

слишком неравны!

— Ещё немного... – прохрипел герцог. – Помощь сейчас придёт...

Только тут я увидела, что сотрясающиеся над головой ворота скрывает чёрная клубящаяся каша. Твари не только напали на нас, они каким-то образом опечатали Источник!

— Пых!!! – раздалось совсем рядом и я чуть не зарыдала от облегчения.

— Дедушка!

— Пых!

Это был именно тот случай, когда мы с Дедушкой поняли друг друга без слов.

Проследив направление взмаха коротенькой ручкой, прижимая к себе Ломтика, я поползла к той самой щели между плитами...

— Туули!! – рявкнул ректор. – Что, Хюндла тебя за пятку, ты творишь?!

— Верьте мне, гер Петтери! – только и могла я пискнуть. – И... прикройте, пожалуйста!

Чего стоило ректору сделать следом за мной эти пару шагов, удерживая щит... боюсь, только Триединой ведомо...

Самопишущее перо Иизакки обожгло пальцы. Однако оно того стоило! Даже такой недомаг, как я смогла разглядеть отверстие в колпачке. Из которого тянулась цепочка кровавых капель к нацелившейся на нас граммофоном воронке!

Итак, что-то неладное мы обнаружили... Делать то с этой пакостью что?!

— Пых! – подсказал Дедушка и я со всей силы зашвырнула перо прямо в воронку. Та чавкнула и Ломтик сразу же перестал вырываться, а в следующий миг раздался грохот пространственного разлома.

Из прорехи выкатился Тиму Петтери. Над ним нервно хлопая крыльями, вылетела Йола в виде самки филина.

При появлении Тиму с Йолой Ломтик запищал, а по моим щекам хлынули слёзы облегчения.

Вот только вместо того, чтобы броситься на тварей, Тиму Петтери направил огненный шар... прямо в грудь своего отца!

Ректора академии Морте.

— Тиму! Ты с ума сошёл!..

Вот только Тим меня не слышал.

Ректору же приходилось совсем туго. Отбиваться одновременно от гнусных тварей и взбешённого сына было сильно за пределом человеческих возможностей. Даже если человек этот – маг, ректор и герцог.

— Тим! Нее-ет!!! – увы, мой крик потонул в воющем Хаосе.

Кружащие над нами твари вновь становились сильнее и питала их... ненависть Тиму. Она исходила от взбешённого некроманта будто сияние! Злое и колючее сияние.

— Ты сбрендил?! – орал гер Петтери, однако Тим его не

слушал.

— Так и знал, что это ты!!! – готовя следующий удар, проорал он с ненавистью.

— Ты о чём?! – даже в такой ситуации ректор опешил.

— Решил отдать её Хаосу?! – лицо Тиму исказило неподдельным страданием. – Как Яску, да?! Вот только больше у тебя этот номер не пройдёт!

После длинного грязного ругательства ректор выдохнул:

— ...совсем тронулся!..

— Тиму! Прекрати! – увещевала я.

— А с тобой мы после поговорим!

Он принялся обходить нас по кругу, подгадывая лучший момент для удара.

— Да нет же, Тиму!

— Не смей!

Последующее произошло так быстро, что я едва успела моргнуть.

Стоило Тиму оказаться у воронки, красноглазые твари взвыли и ринулись на него. Может, решили, что представляет угрозу для той, что стонала и хохотала из жуткой чёрной глубины... а может просто воспользовались тем, что некромант развернулся к воронке спиной...

— Тиий-иму!!! – страшно проревел ректор и одним прыжком покрыл разделяющее их с сыном расстояние.

Какой-то доли секунды ему хватило, чтобы в последний момент отшвырнуть сына. Сам же гер Петтери скрылся в зи-

яющей пасти Хаоса.

Сыто чавкнув, воронка захлопнулась.

— Нее-ет!!! – услышала я словно со стороны свой собственный голос.

В следующие секунды пространство затряслось, пробиваемое десятками порталов и в мгновение ока наполнилось людьми, нелюдьми... призраками...

Красноглазые твари заметались, вереща и воя на все лады.

Маги теснили их к Источнику и рассеивали над вновь обретшими прозрачность и перламутровость водами...

Я пришла в себя в объятиях Тиму. Дрожащей рукой он гладил меня по голове плечам, шепча при этом:

— Всё позади, Ули. Всё позади...

— Твой отец...

Голос Тиму дрогнул:

— Он это заслужил!..

Я подняла на некроманта мокрое от слёз лицо и прошептала одними губами:

— Это не он, Тиму... Не он привёл меня сюда! Он увести... увести хотел. Он просто... Не успел. И он защищал нас, понимаешь?! Защищал нас с Ломтиком. Если бы не он, нас бы сейчас здесь не было.

Брови тёмного столкнулись у переносицы. Губы сжались в одну линию. Судя по реакции – не очень-то он спешил мне поверить.

— А кто, Ули? Ты же говорила, посещение Источника –

распоряжение отца... ректора.

— Так сказал Иикки, – закивала я. – Он и открыл для них портал!

— Нить ещё с того раза проложил... – ошарашенно пробормотал Тиму и затряс головой.

Лицо его бледнело и вытягивалось с каждой секундой.

Я знала, что мои слова ранят его, но у меня у самой случилась истерика:

— Это Иикки! Иикки Иизакки привёл меня сюда! Ректор не знал, он хотел уберечь... Нет ничего важнее дракона... Так он сказал...

Кажется, ошеломлённый моими словами Тиму хотел что-то сказать, но нас как-то в одночасье окружила толпа. Магистры, профессора, какие-то незнакомые люди и нелюди... Привратники... Я обернулась и поняла, что туманные твари окончательно уничтожены.

После моего краткого пересказа случившегося – даже удивительно, как мало времени этот пересказ занял, если исключить из него эмоции и... ту часть, где Тиму запустил в отца огненным шаром... знаю, это неправильно, но ничего не смогла с собой поделаться... – часть магов ринулась на поиски Иизакки, остальные сосредоточились вокруг со странно вытянувшимися лицами, переглядываясь

— Вам следует пройти с нами, ваше темнейшество! – наконец, откашлялся один из них.

— Что? Кто? Отец?!

Тиму порывисто обернулся в поисках гера Петтери.

Однако обращались не к ректору, а к нему.

Один из магов сделал шаг вперёд и склонил голову.

— Вы теперь герцог Семи Фьордов, нуори Тиму Петтери.

Вам нужно вступить в права наследования, принять присягу...

Один за другим, маги опускались на одно колено.

— Ули?

— Я позабочусь о ней. – Пообещал профессор Онни, помогая мне подняться.

— Я проконтролирую. – Рядом возник Бонсайми. – Пойдём на воздух, козочка...

Тиму проводил меня потрясённым взглядом.

— Мы в порядке, Магистр Онни. – Прижимая к себе Ломтика, поспешила заверить я алхимика, стоило нам оказаться наверху. – Бонсайми с Дедушкой прекрасно справятся. Честно. Вы сейчас нужны у Источника. Если есть хоть малейший шанс спасти ректора...

Онни посмотрел на меня так, что к горлу подступил ком.

— Неужели... нет? Он ведь спас нас с Тиму...

— Ты сказала, он исчез в чёрной воронке, которая образовалась поверх Источника Морте...

— Так и есть. Что это значит?!

Магистр не ответил. И по этому его молчанию я поняла, что ничего хорошего.

— Профессор... пожалуйста! Так неправильно! – я сделала глубокий вдох, ощутив, как подступает вторая волна истерики.

— Если бы он ушёл в Хаос, оставив тело, – покачал головой Онни. – Иди же...

— Пошли, козочка. – Призрачная рука прошла насквозь в попытке увлечь за собой.

Бросив последний взгляд на врата, я подчинилась.

— Бонсайми, погоди. – Позвала я Привратника, когда мы приблизились к кампусу. Вокруг царила такая суматоха, что я плюнула на конспирацию, расстегнула куртку и запустила руку за пазуху: – Возьми назад свой перстень.

— Не могу, козочка. – Развёл Бонсайми руками, после чего спрятал их за спину. – То, что принадлежит живым, мёртвым без надобности.

— Но как он оказался у тебя? – я раздражённо дёрнула цепочку и та вдруг разорвалась. Перстень оказался у меня в ладони. – Если живым принадлежит?

— У предшественницы своей спроси. – Серьёзно ответил призрак. – У Яски. Ты можешь увидеть её воспоминания и...

— Спасибо, насмотрелась уже. – Покачала я головой. – Возьми.

— Послушай-ка, козочка...

— Нет, это ты меня послушай... Ай! Дедушка!

— Пых! – с достоинством ответил Дедушка и снова резко дёрнул меня за палец. Ещё и за ляжку ущипнул.

— Вот видишь... – Осклабился Бонсайми и подмигнул Пыху. После чего подытожил: – Он тоже против того, чтобы возвращать перстень Бонсайми.

— Да что мне с ним делать-то?! – не выдержала я и пригрозила: – Не возьмёшь, выброшу!

— Не-а, не выбросишь.

— Ей-богу, выброшу! Клянусь вашей Триединой!

— Не выбросишь, козочка. На кого-на кого, а на дуру ты непохожа.

— Что же мне с ним делать?!

— Пых! – Дедушка аж подпрыгнул, сияясь показать, чтобы я надела перстень на палец.

— Не буду я ничего надевать!

— Я б на твоём месте его послушал, козочка. Он дело говорит.

— Ещё чего!

— Это лучшее, что ты можешь сделать. Если, конечно, хочешь остаться здесь.

— В смысле?!

— В прямом. – С этими словами Бонсайми исчез, растворился в воздухе.

Меня же перекосило.

Расталкивая толпу локтями, к нам пробиралась «розовая ректоресса».

Леди Морвейн торжественно размахивала какой-то бумажкой и широко улыбалась, что совсем не вязалось с ца-

рившим вокруг хаосом и повисшей в воздухе трагедией.

После целого водопада сетований, восклицаний и сожалений по поводу того, что мне, бедной пришлось пережить и самых горячих заверений, что уж теперь-то она не даст меня в обиду, руова Морвейн сообщила:

— А я за тобой, моя сладкая. Вот он, твой шанс на свободу.

— Что это? – холодея, спросила я, хотя и так понятно было.

— Как что, милая? – зашебетала руова Шанель. – Твоё заявление на перевод в Лицей Морвейн!

Она помахала подписанным мной заявлением перед моим носом и «осчастливила»:

— У меня как раз освободилось место. Оно твоё, Туули. Ты рада? Ай, мерзость какая! С нечистью к нам нельзя.

Она раздражённо топнула на Дедушку.

— Пых! – «послал» ректорессу на своём Дедушка, но смотрел при этом не на неё, а на меня.

— Леди Морвейн, я правда, признательна вам, и даже очень. – Соврала я. – Но только пойти с вами не могу.

— Ах, не выдумывай! Ну конечно, можешь!

— Нет. – Покачала я головой. – Не могу и не хочу. Здесь, в Морте мой дом. Сегодня я это особенно... прочувствовала.

Леди Морвейн сложила губки бантиком и посмотрела на меня так, будто я с луны свалилась.

— Девочка моя, неужели ты думаешь, что твои желания

что-то значат?

— А разве нет?

— Ну конечно, да. — Она снова расплылась в счастливой улыбке. — Вот только подписанное тобой заявление весит куда больше смены настроения капризной адепки, чей разум временно повредился из-за пережитого потрясения. Ничего, у нас в Лицее хорошие лекари.

— Рада за вас. — Я отступила на шаг. — Никуда я с вами не пойду. Оставьте меня, пожалуйста, в покое.

— Ещё как пойдёшь, девочка. И уйми уже эту нечисть!

— Пыыы-ых! — Дедушка снова настойчиво потёр палец о палец, подсказывая надеть перстень.

И я, держа руки за спиной, всё-таки сделала это. Надела злополучный перстень на палец.

В конце концов, что я теряю? К тому же цепочка порвалась, а потерять вещицу не хочется... Хотя я и пугала Бонсайми, что выкину перстень — ни за что бы этого не сделала. По крайней мере, пока не разберусь, что за тайну он скрывает.

Как говорят в моём новом мире — Триединая меня услышала.

Мгновенно.

Я даже ответить Руове Шанель не успела, что Дедушка не нечисть вовсе, как между нами вдруг выросла целая стена из Привратников. Не самого галантного вида и на широких металлических браслетах молнии пляшут.

Леди, наступающая на меня, замерла и прищурилась, глядя на Привратников.

— Вы серьёзно думаете, что можете не выпустить адептку? – бросила она призракам с вызовом.

— Вот! – она помахала бумажкой. – Её заявление! Не имеете права!

— Никак невозможно, руова Шанель. – За всех ответил Бонсайми. – Заявление сие, как минимум, требует пересмотра.

— Как вы смеете?! – взвизгнула руова Шанель. – А ну, назад! Сейчас же! Я приказываю! Слово ректорессы против слова адептки! Ещё и с нулевого курса!

— Не имеем права, руова Шанель.

— Что за чушь?!

— Не тогда, когда эта адептка – невеста его темнейшества, герцога Семи Фьордов. А посему Туули Севèри будущая Петтери останется в стенах Морте.

— Что?! – ошарашенная леди обернулась ко мне.

А я... Я была ошарашена не меньше её. А пожалуй, что и побольше.

— Я сама если честно, ничего не понимаю, – ответила её. – Кроме того, конечно, что идти с вами никуда не хочу. И не пойду.

— Невеста?! – взвизгнула «розовая ректоресса».

И снова это ощущение уже виденного.

Нас окружают профессора, Магистры, Привратники.

Леди Морвейн что-то раздражённо выговаривает им, размахивает моим заявлением... Однако никто её не слушает. В конце концов, заявление выхватывает Магистр Гриффирд, который кентавр, рвёт его на части и топчет копытом. Затем наклоняется ко мне:

— А ну-ка, покажи руку, девочка.

Я по-прежнему ничего не понимая, протягиваю руку и...

Кентавр присвистнул и самым нетривиальным образом заржал, руова Камнетёс грязно выругалась и тут же покраснела, а Привратники... правильно, вслед за кентавром заржали, аки кони.

— Увы, леди Морвейн, но Привратники говорят правду. – Взяла себя в руки гнома и посмотрела на меня неодобрительно.

— Перед вами в самом деле невеста его темнейшества. Наречённая наследного герцога Семи Фьордов нуори Тиму Петтери.

— А вот и он сам!

По-прежнему ничего не понимая, я оглянулась и столкнулась взглядом с Тиму.

Насколько я успела его выучить – ошарашен он был не меньше моего. Однако в руках себя держал как истинный тёмный аристократ. Впрочем, таким он и был.

— Подтверждаю, что это фамильный перстень герцогов Семи Фьордов Петтери. – Отчеканил он тоном, лишённым эмоций. – Нейтири Туули Севèри – моя невеста.

Конец первой книги

Вторая книга: «Научить любить тёмного. Ветер Перемен
в Академии Морте»